

Петербургская
библиотечная школа
№ 3 (12) 1999 г.

Настоящий журнал издан
при финансовой поддержке
«Института Открытое общество.
Фонд содействия».

Редакционная коллегия

З. В. Чалова,
С. А. Басов,
В. Ю. Григорьев,
А. С. Зонин,
Н. М. Комиссарчик,
Е. В. Конюхова,
Л. Г. Косачева,
Н. Н. Мазняк,
В. А. Минкина,
Т. Ю. Монакова,
Н. Н. Никитина,
Т. И. Новикова,
Т. В. Петрусенко,
З. А. Рудая,
Н. П. Тряпкина,
Е. В. Шеповалова,

Редакционный совет

Б. Ф. Володин
(Научный редактор),
М. Ф. Ежова
(«Публичные библиотеки»),
З. А. Рудая
(«Уникумь»),
В. Ю. Григорьев
(«Информационные технологии»),
И. Л. Клим
(«Переводы»),
С. С. Серейчик
(«Реклама»)

Литературный редактор

Л. Д. Грибакина

УЧРЕДИТЕЛЬ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ
БИБЛИОТЕЧНОЕ ОБЩЕСТВО
191025 С.-Петербург,
наб. р. Фонтанки, 46
тел. (812) 311 27 53
факс (812) 311 22 47

Регистрационный
№ П1360
от 03 марта 1995 г.

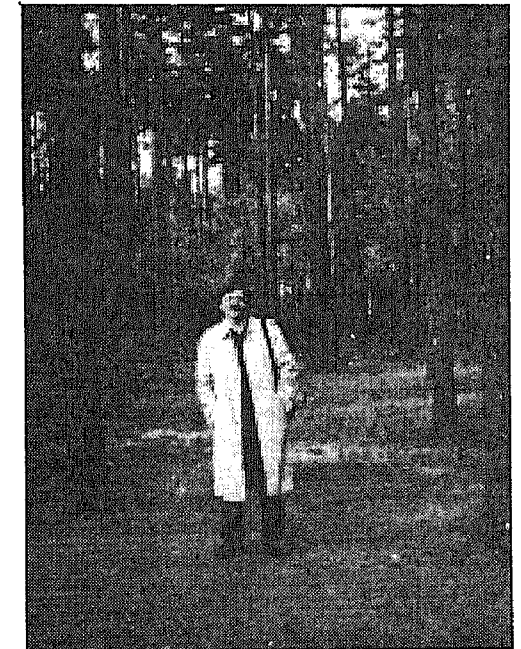
БИБЛИОТЕКА В ФОРМИРУЮЩЕМся ОБЩЕСТВЕ

Ежегодно в конце октября мы переводим стрелки часов. Мы знаем, что закончилась очередная пора «летнего времени» и начинается пора «зимнего времени». Сложнее определить, по какому времени живет то общество, в жизнь которого мы вовлечены.

Мы перестали жить в обществе, которое определяется как тоталитарное, но пока еще не живем в обществе, которое характеризуется такими понятиями, как открытое, демократическое, гражданское.

Основная тема этого номера — БИБЛИОТЕКА В ПЕРЕХОДНОМ ОБЩЕСТВЕ. Это означает, что внимание в данном случае сосредоточено на том, как вписываются библиотеки России в то общество, которое, перестав быть тоталитарным, декоративно сориентировано на идеалы того общества, которое не только характеризуется понятиями «открытое общество», «демократическое общество», «гражданское общество», но и рассматривается отныне в «широком контексте социального и экономического развития — контексте «постиндустриального общества» и «информационного общества».

С одной стороны, наши авторы, в данном случае сотрудники Российской национальной библиотеки С.А. Мамаева и Н.В. Могилевер, в статьях рубрики «Горизонты профессионального мировоззрения» размышляют над тем, в какой реальной и, прежде всего экономической, ситуации оказались наши библиотеки. Они пытаются понять, как можно, ориентируясь на высокие идеалы, реалистично воспринимать проблемы российских библиотек и постепенно решать их. Эта картина дополнена размышлениями библиотекарей-практиков. Мы публикуем текст выступления на одном из «круглых столов», организованных ПБО, нашего великого современника и соотечественника — Д.С. Лихачева. Эту публикацию мы посвяща-



ем его светлой памяти. Дмитрий Сергеевич как ученый-гуманитарий всю свою жизнь активно пользовался библиотеками, но ему было дано и другое — он знал, насколько велика роль библиотек в обществе, если это общество называет себя цивилизованным. Его мысли о роли библиотек и об обязанностях общества по отношению к ним мы рассматриваем как его духовное завещание библиотечному сообществу.

С другой стороны, в этом номере мы в большем, чем обычно, объеме уделяем внимание статьям наших зарубежных коллег. Это сделано сознательно. Мы публикуем работы, которые, как нам хочется надеяться, смогут побудить наших читателей к размышлениям о том, насколько ушло в прошлое в библиотечном сообществе общество тоталитарное.

Статья нашего американского коллеги из Нью-Йорка Э. Казинца связана с недавним прошлым одной из двух национальных библиотек России, а именно — Российской Государственной библиотеки в Москве, но предметом такого же анализа могла бы быть и РНБ в Петербурге, и любая другая крупная научная библиотека универсального профиля. Публикация другого американского автора — В. Виганда связана с рассмотрением особенностей развития библиотечной науки в его стране и никак не затрагивает российской проблемы. Но эта работа, будучи уникальной и не имеющей аналогов как в плане методики анализа библиотечковедческих работ, так и в плане выводов, представляется очень важной и для российских коллег. Она показывает, что и в стране, которая давно относится к странам информационного общества, существуют значительные противоречия в плане понимания реального положения библиотек. И, наконец, статья нашего финского коллеги Э. Хякли представляет интерес, прежде всего тем, что проблемы информационного общества рассматриваются им в тесной взаимосвязи с самыми земными проблемами развития библиотек — библиотечной планировки и архитектуры.

На этот раз мы попытались выйти за рамки проблем конца XX века. Определенный акцент

сознательно сделан и на то, как важно сохранять память о наших выдающихся библиотечных деятелях. В одной из статей номера речь идет о сохранении памяти о Н.А. Рубакине. В другой статье предпринята попытка, обратившись к библиотечному наследию великого И.В. Гете, в этом году исполнилось 250 лет, показать, что ответ на многие актуальные для сегодняшнего дня вопросы следует искать в более отдаленном прошлом — на рубеже XVIII-XIX вв. Столь модные сегодня понятия «государственная библиотечная политика» и просто «библиотечная политика» обретают более глубокий смысл, когда мы можем воспринять реальный опыт постановки и решения проблем развития библиотек конкретного государства в контексте научной, образовательной и культурной политики. Масштабы небольшого германского государства, конечно, несопоставимы с масштабами и современной Германии, и современной России. Масштабы государства определяют лишь специфику решения проблемы, но потребность в постановке проблемы и необходимость ее решения остаются столь же актуальными и в конце XX в., и в другой стране, в другом обществе, как бы его ни называли.

*Борис Володин,
научный редактор журнала*

Дмитрий Сергеевич Лихачев

СЛОВО О БИБЛИОТЕКЕ

(выступление на собрании Петербургского библиотечного общества, посвященном Общероссийскому дню библиотек, 15 мая 1996 г.)



Уважаемые и дорогие господа! Я хочу Вам прочесть одну фразу из Пушкина, которая удивительна по своей краткости и емкости. 31 июля 1822 года из Кишинева Пушкин в письме к брату и сестре Ольге пишет: «Чтение — вот лучшее ученье». Это замечательное выражение. Потому что действительно, учением дается знание, дается главным образом через книги. Пушкин говорит о свободном знании, о том знании, которое можно оспаривать, которое можно сообразовывать с собственным мнением. Потому что, когда Вы смотрите кино, телевизор или слушаете радио, Вы не можете успеть возразить диктору, поставить представления с его представлениями. Вы не успеваете следить за мыслью диктора. А чтение дает возможность задуматься, заложить закладкой заинтересовавшее вас место, вернуться к нему в любое время.

Книга никогда не утратит своего значения. Это сейчас совершенно ясно. И домашняя библиотека и библиотека общественная всегда будут центром культурной жизни. Для доказательства этой последней мысли я хочу обратить ваше внимание на одно загадочное явление, которое ясно показывает приоритет книги и библиотеки над всеми другими видами информации. Вы можете, читая лекцию, прервать ее демонстрацией какого-либо кинофильма, отрывком из кинофильма, записью чужой речи, музыкальным антрактом. Но вы не можете сделать обратного — кинофильм прервать речью

диктора, речью лектора. Это будет антиэстетично. Кино не может иллюстрироваться устной речью, но устная речь может иллюстрироваться записями видео и звуковыми записями. Это удивительное явление показывает, что библиотека имеет все преимущества перед кинотеатром. А это важно вот для чего. Где должен находиться центр культуры района, школы, учреждения? В библиотеке или в кинозале? В библиотеке!

Библиотека должна праздновать юбилей тех или иных наших ученых, авторов тех или иных книг, помнить о них и так далее. Библиотека должна объединять людей. Исторически хорошо вспомнить избы-читальнища, которые в Болгарии подготовили освобождение Болгарии, подготовили ее государственность, подготовили ее политические партии. Поэтому библиотека в будущем не утратит своего значения, а, наоборот, ее значение будет все возрастать также как будет возрастать значение кино и записей, но в помощь библиотеке, в помощь библиотечному читальному залу. Это и сейчас очень важно, особенно для людей, живущих в стесненных квартирных обстоятельствах. Уйти в библиотеку, чтобы остаться самим собой, подумать над своей лекцией, своим докладом, подготовиться к сдаче экзамена. Все это может происходить в зале библиотеки. В большом городе, как Петербург, это не так заметно. Но в малых провинциальных городах библиотека должна быть центром культурной жизни.



ФОРМИРОВАНИЕ УПРАВЛЯЮЩИХ ПАРАМЕТРОВ РАЗВИТИЯ БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА КАК ПРОБЛЕМА КОНСТРУКТИВНОГО ДИАЛОГА БИБЛИОТЕК С ОБЩЕСТВОМ (ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Надежда Владимировна Могилевер — канд. пед. на-ук, ст. науч. сотрудник, зав. группой экономики биб-лиотечного дела НИОБ РНБ

Выявление характеристик любой хозяйственной организации, существенных для ее состояния, процессов развития, результатов осуществляемой ею деятельности, их описание и количественная оценка — первостепенное и необходимое условие эффективного управления ею. Эти относительно постоянные в пределах решаемой задачи показатели (5) определяются как управляющие параметры. Их особая роль в управлении хозяйственной организацией обусловлена прямой зависимостью результатов и эффективности работы коллектива от того, на основе каких показателей были даны оценки ситуации и принимались управленческие решения, какие взаимосвязи учитывали практики, организуя свою деятельность. Поэтому своевременное формирование управляющих параметров, адекватных происходящим в организации процессам, является постоянной задачей управления.

В библиотечной сфере проблема формирования новой системы управляющих параметров сегодня связана прежде всего с происходящими на протяжении последних лет коренными преобразованиями функций, содержания и условий библиотечного обслуживания, в результате которых в подавляющем большинстве общедоступных библиотек к традиционным функциям просветительства, сохранения и умножения фондов добавились функции информационных центров, предоставляющих доступ к национальным и мировым информационным сетям и базам данных (2). Под воздействием внешних факторов изменились «внутрибиблиотечные технологии, формы библиотечного обслуживания, характер взаимодействия с органами власти, с различными социальными группами» (2). В результате проведения новой государственной политики в сфере библиотечного дела, реализации федеральных

программ и проектов библиотеки интегрируются в единое информационное пространство региона, страны и мира, участвуют в процессах обеспечения права всех структур общества и каждого гражданина на информированность. Подтверждением тому является решение Государственной комиссии по информатизации при Госкомитете РФ по связи и информатизации (ГКИ) от 16 июня 1998 г. № 22, в котором сказано: «Считать общедоступные, федеральные, региональные и муниципальные библиотеки частью создаваемой структуры информационного обеспечения федерального, регионального и муниципального уровней». И далее: «... одобрить... меры по интеграции и защите накопленных в библиотеках информационных ресурсов» (6, с. 63-69). Информационные ресурсы библиотек приобретают значение стратегических, определяющих социально-экономическое развитие страны» (2).

Не менее существенно повлияло на целевые и содержательные установки деятельности библиотек включение в число приоритетных направлений развития библиотечного дела «обеспечения безопасности и сохранности библиотечных фондов» (1).

Эти и другие известные и общественно значимые преобразования в библиотечной сфере и меры, осуществляемые для развития библиотечного дела, изменяют сущностные характеристики библиотек как социально-экономических организаций, а следовательно, и управляющие параметры организации их работы. Именно поэтому с изменением социальной роли библиотек, их места в культурном, научно-образовательном и информационном пространстве, с появлением новых задач, процессов и явлений в библиотеках комплексе традиционных библиотечных показателей состояния

и развития библиотечных систем в последнее время был дополнен совершенно новыми характеристиками. В сфере внимания управляющих библиотечных органов всех уровней теперь находятся показатели уровня информатизации библиотек (численность отделов автоматизации, состав программного и технического комплексов), состояния информационных ресурсов (объем БД, количество записей в ЭК, размер вычислительных сетей, количество информации на CD-ROM) (3), физического состояния библиотечных фондов, объема работы по срочной консервации книжных собраний и обеспечения безопасности библиотек и т.п.

Библиотечное сообщество придает этим показателям большое значение, т.к. они отражают новые реальности, ход осуществляемых на основе принимаемых решений программ развития библиотечного дела и объективного усиления роли библиотек в формировании современного социально-культурного пространства.

Однако, как показывает повсеместная практика, подобных показателей явно недостаточно для осознания обществом в лице его властных структур на всех уровнях значения библиотечного обслуживания как фактора общественного развития. Ведь в конечном итоге реальным отражением роли и места библиотек в обществе является величина потока финансовых средств, направляемых в библиотечную сферу. А он уже на протяжении многих лет довольно скуден. Конечно, общая экономическая ситуация, сложившаяся в последнее время, сказывается на уровне финансирования библиотек. Тем не менее известно, что и в благополучных экономиках распределение финансовых средств из общественных фондов (бюджетных и внебюджетных) является в первую очередь проблемой формирования системы приоритетов (политики), и уже во вторую — средств.

Система приоритетов во властных структурах, распределяющих финансовые ресурсы, формируется, как правило, на основе представлений конкретных людей о значении данной сферы общественного производства для всего общества, отдельных социальных групп, нынешнего и будущего жизнеобеспечения людей.

Следовательно, в поле зрения политиков — распорядителей общественных ресурсов должна быть информация о том, что и сколько при-

обретает (или теряет) общество в лице своих членов от развития данной сферы производства продуктов и услуг. Только тогда у них появляется возможность взвесить размеры предполагаемых социальных, политических и экономических последствий принятия того или иного решения по распределению финансовых средств.

В среде библиотечных руководителей проблема обеспечения притока необходимых финансовых средств в библиотеки решается пока только на уровне проявления личной инициативы и формирования убедительной аргументации для властей. Используя конкретную ситуацию и собственные возможности, многие библиотеки в различных регионах РФ добились поразительных результатов и сумели не только выйти из бедственного финансового положения, но и обеспечить себе приемлемые условия для развития.

В своих усилиях в этом направлении библиотеки утверждают себя в качестве общественно-значимого элемента социокультурного пространства регионов. Но при этом, как правило, они по опыту прежних времен стремятся показать свою особую роль в других общественно-значимых сферах деятельности, активно развивающихся или актуализирующихся в определенные моменты общественного развития. Для некоторых эта тактика активного участия в общественных процессах, протекающих в зоне их обслуживания, является пока единственной возможностью сохраниться и получить признание своего вклада, а с ним и финансовую поддержку основной деятельности.

В результате поток поступающих к ним финансовых средств определяют масштабы и эффективность вовлеченности библиотек в процессы развития указанных сфер общественной деятельности. Финансовые средства направляются из этих сфер либо прямо (путем перечислений за конкретную деятельность), либо косвенно (через финансовый механизм). Источники могут быть как государственные, так и негосударственные (частные, общественные, личные). Очевидно, что в таких условиях эффективность системы финансирования библиотек зависит прежде всего от активности взаимодействия со своими партнерами (инициативы, частоты контактов), организационной гибкости, способности адаптироваться к изме-

нениям ситуации вне библиотеки и от количества осваиваемых источников поступления денежных средств. И только затем уже от степени удовлетворения ожиданий реальных потребителей библиотечных услуг и уровня оценки обществом собственно библиотечного обслуживания в регионах. В немалой мере это происходит еще и потому, что «со своей стороны библиотеки пока в недостаточной мере обладают искусством борьбы за доступ к финансовым ресурсам, не умеют ярко и убедительно раскрыть сложность стоящих перед властями задач и необходимость их решения в интересах всего общества и в интересах власти» (2).

Особенность современной ситуации состоит в том, что при большом разнообразии возможностей библиотекам приходится убеждать в своей общественной пользе и законодательную, и представительную власть, формирующую бюджеты всех уровней, и распорядителей негосударственных фондов, независимые финансовые структуры и прочих держателей денежных средств в условиях острой конкуренции претендентов на получение финансовых ресурсов и нестабильности рынка капиталов.

В этих обстоятельствах распорядителям финансов требуются не яркие образные аргументы о достижениях библиотек, а информация о количественных оценках, ориентированных уже не на библиотечное сообщество, а на общественные интересы и отражающие значение библиотек с точки зрения общественных издержек и выгод. Не предоставляя такой информации, библиотеки выглядят в их глазах «черными дырами», в которые общественные деньги уходят без отдачи. Распорядители средств не видят ни потерь, ни выгод от вложений в библиотеки и не вполне четко представляют, исходя из каких интересов на них надо тратить деньги. Вот почему проблема обеспечения развития библиотек — это в немалой степени проблема формирования экономических параметров, оценивающих реальный вклад библиотек в развитие народного хозяйства.

Таким образом, очевидная актуализация традиционной методологической проблемы оценки общественной выгоды от вложения средств в программы развития библиотек в новых условиях обусловлена сугубо практической задачей: привлечение финансовых средств в библиотечную сферу.

Повышение связи затронутой нами проблемы с насущными, жизненно важными для библиотек процессами является следствием изменения экономического строя и политической системы в нашей стране. Поэтому в ходе обсуждения проблемы формирования системы экономических параметров развития библиотечного обслуживания нельзя оставить в стороне реальность изменения экономических условий деятельности библиотек, их места в новом экономическом пространстве и сущность общих экономических явлений и процессов, степень влияния последних на библиотечную отрасль. Именно здесь происходит нарастание глубоких противоречий между представлениями управления о происходящих процессах и реальностью. Эти противоречия состоят в том, что библиотеки строят свою экономическую политику на основании прежнего понимания своего места и роли в народном хозяйстве, централизованно планируемом и управляемом административными методами. Параметры, которыми они сейчас оперируют, основаны на затратных принципах централизованной экономики. Между тем характер экономических отношений за последнее десятилетие изменился, а вместе с ним изменилось и место библиотек в новом экономическом пространстве. Наша экономика постепенно становится смешанной. Основная масса товаров в такой экономике должна производиться в частном секторе, где регулирование размещения и использования ресурсов происходит посредством рыночного механизма. Основной целью производства продуктов и услуг в этом секторе является извлечение прибыли. В то же время в смешанной экономике существуют государственные предприятия, которые в качестве одного из видов государственных ресурсов образуют общественный сектор экономики. В нем производятся блага (продукты и услуги), которые в частном секторе экономики производятся неэффективно, вследствие существующих «изъянов» рынка (7).

К этому сектору экономики относятся общедоступные библиотеки. Это означает, что они финансируются из бюджета для производства услуг, которые представляют собой общественные блага. Эти блага имеют особое достоинство. Во-первых, это блага, которые общество желало бы сделать доступными для всех чле-

нов. Во-вторых, эти блага имеют значительные позитивные экстерналии — внешние эффекты, которыми пользуются и те, кто не посещает библиотеки. Именно это и обуславливает целесообразность их финансирования из общественных фондов (бюджета). При обосновании решений о производстве таких благ принимается во внимание, как правило, не столько экономическая эффективность их производства сама по себе, сколько потребность общества в таких благах. В случае библиотечного обслуживания — это потребность в осуществлении гарантированного доступа населения к фондам библиотек, к информации для создания условий его социальной адаптации, информированности, образованности и т.п. Другими словами, библиотеки как общественно значимые организации, с точки зрения общественных интересов, следует оценивать не по эффективности их деятельности или по ценности их услуг для конкретных пользователей, а по величине внешнего эффекта. Отсюда следует, что важнейшим условием современного подхода к формированию экономических параметров развития библиотек является выявление и оценка конкретных показателей внешних эффектов, на которые предполагается реагировать с помощью общественных расходов. Они должны рассматриваться как необходимый исходный пункт обоснования соответствующих бюджетных программ развития библиотек.

Предлагаемый подход к формированию системы экономических параметров развития библиотек, исходя из общественных интересов, меняет методологию оценки затрат и результатов осуществляемых в них проектов.

Эти методологические изменения требуют серьезной аналитической работы в каждом случае оценки программы развития. Остановимся на некоторых наиболее общих проблемах.

С изменением схемы расчетных средств (учет общественных интересов) проблема оценки затрат состоит в выявлении, во-первых, новых компонентов затрат; во-вторых, последствий их осуществления; в-третьих, экономических измерителей, позволяющих оценивать выявленные элементы затрат.

Решение первых двух задач, с точки зрения общественных интересов, ставит условие — включить в число компонентов затрат, помимо прямых издержек, общественные издержки на

ликвидацию отрицательных последствий проекта. Так, например, при высвобождении работников в издержки проекта надо включать расходы на государственное пособие по безработице для них. Если высвобожденные работники направлены на переобучение, то в издержки должны быть включены средства, затраченные на эти цели.

Трудности измерения некоторых выявленных элементов затрат в данном случае состоят в определении расчетных цен для учета ценности благ, не поступающих на рынок (7). Например, стоимость используемых служебных каталогов и картотек, результатов проведенных библиотекой исследований и т.п. Эти расчетные цены должны отражать предпочтения общества или альтернативную стоимость затрачиваемых ресурсов. В библиотеках такая ситуация возникает при оценке труда работников отделов информационного обслуживания. Средняя величина заработной платы в них в два раза ниже, чем в информационно-вычислительной сфере. Это означает, что при оценке стоимости информационного обслуживания в библиотеках издержки на оплату труда не отвечают предпочтениям общества. Это не может не сказаться через квалификацию специалистов и уровень их мотивации к труду на качество услуг и, в конечном счете, на общественной оценке уровня библиотечного обслуживания.

Следующей проблемой оценки затрат и результатов является выбор критериев оценивания. В общем случае критерии оценки отражают экономичность, т.е. минимизацию издержек, производительность как соотношение количества произведенной продукции и услуг с величиной затрат на их производство и результативность (7). Последняя характеризует соответствие общих расходов и результатов конкретным целям, в нашем анализе — предпочтениям общества. Здесь главная проблема — разработка индикаторов достижения целей и способов их измерения. Едиными для всех библиотек они быть не могут. Даже процесс регионализации нормативно-правовой базы библиотечного обслуживания, отражающий особенности общественных требований к этой сфере и региональные возможности ее поддержки, уже формирует разнообразие целей и задач, стоящих перед библиотечными учреждениями одного типа. Кроме того, основываясь

на общем и отраслевом законодательстве, библиотеки через свои Уставы, договора с потребителями и нормативную базу ставят и решают собственные конкретные задачи, создают особые проекты нововведений. Поэтому современные решения проблемы критериев оценки проектов развития состоят в необходимости в каждом случае подобрать показатели (индикаторы целей, результатов, затрат), адекватные конкретному виду деятельности, специфике поставленной цели в проекте развития и планируемой структуре расходов.

Если ясно определены цели и набор характеристик экономичности, производительности и результативности, то можно не только обосновать решения, но и отслеживать ход выполнения программ, выявлять резервы и выбирать наилучшие пути использования средств.

При оценке проектов развития, реализация которых занимает не один год, либо тех, которые приносят доход в течение нескольких лет, существует необходимость приведения издержек и выгод к одному моменту времени. В библиотеках данные расчеты не ведутся, хотя проекты технологического и информационного переоснащения библиотек этого требуют. Расчет параметров общественных выгод с учетом временного фактора позволит обосновать необходимость долгосрочного финансирования библиотечных проектов развития.

Грамотное финансовое планирование в библиотеках включает решение проблемы учета риска и неопределенности деятельности. Способы измерения экономических параметров для выбора приемлемых решений выработаны в страховом деле. При известных условиях можно использовать метод аналогий.

Наиболее трудной в технологическом отношении является оценка издержек и выгод производства общественных благ, не подлежащих купле-продаже. Обычно используется внеэкономическая оценка. В частности, проводят опрос среди потребителей для выявления мнения о качестве продуктов и услуг. Этот метод получения общественной оценки деятельности давно распространен в библиотечной сфере и у нас, и за рубежом (4). Однако регулярные опросы пользователей, анкетирование и т.п. средства сбора информации не дают стоимостной оценки ценности данного вида деятельности, столь важной для притока финан-

совых ресурсов для ее развития. Как же в денежной форме выразить ценность проекта, результаты которого предоставляются бесплатно, т.е. вне рыночного механизма? Судить о целесообразности его финансирования нельзя только по величине стоимости затрат на его осуществление. Нужна денежная оценка выгоды. Одним из общих подходов, предлагаемых экономической наукой, может стать определение того, как высоко потребители оценивают предоставляемые им преимущества. Если указанная потребителем максимальная цена, которую он согласился бы заплатить, чтобы не лишиться выгоды, выше стоимости проекта, значит, выгоды превышают издержки.

В некоторых случаях появляется возможность получить экономическую оценку общественного блага через оценку частного блага. Например, в проектах, направленных на экономии времени пользователей, экономическая оценка времени может быть получена на основе почасовых ставок их заработной платы. Эти данные показывают, на какие денежные суммы способно быть в принципе «обменено» сэкономленное время. Подобные оценки дают первоначальное представление о денежном эквиваленте сэкономленного времени. Сэкономленное время потребителей поддается оценке не только как ресурс, но и как благо. Если получить информацию о готовности пользователя платить за скорость, то максимальная плата будет такой оценкой.

Задача формирования экономических параметров развития включает в себя, помимо определения общественных издержек и выгод, оценку положительных и отрицательных внешних эффектов, связанных с анализируемым проектом.

Учесть все внешние эффекты, как правило, невозможно. Поэтому первой проблемой является выбор круга наиболее значимых внешних эффектов.

Затем по каждому проекту осуществляется поиск прямых или косвенных оценок внешних эффектов. Каждый проект имеет собственные значимые экстерналии. Однако, исходя из общественной функции общедоступных библиотек, можно в самом общем виде определить внешние эффекты их деятельности, например в экономической сфере.

К ним относятся:

- освоение свободного времени населения в зоне обслуживания;
- восстановление трудовых ресурсов общества;
- поддержка системы образования всех уровней и форм;
- социальная адаптация населения;
- формирование информационных ресурсов общества;
- создание дополнительных рабочих мест в регионе;
- информационное обеспечение процессов принятия решений во всех сферах деятельности;
- содействие научным исследованиям;
- формирование элементов культурной среды, влияющих на развитие экономики государства.

Таковы основные проблемы формирования параметров развития библиотек в современных экономических условиях. При данном подходе к оценке проектов развития основная аналитическая работа сосредоточена на определении издержек и выгод, т.е. того, что приобретает и что теряет общество. При этом в центр внимания выдвигается поиск альтернативных вариантов использования общественных средств. Применение аналитических методов в управлении развитием дает огромный выигрыш: отсекаются заведомо худшие варианты, отбираются удачные. Появляется возможность избежать внутренних (внутрибиблиотечных) противоречий в оценках, принимать во внимание разнообразные «побочные» эффекты. И чем глубже и интенсивнее сдвиги в объективных условиях развития библиотек и запросов,

которые проект должен удовлетворить, настоятельной потребностью в изменениях, тем менее допустимо полагаться на прежние образцы, на интуицию или групповые интересы.

Результаты такого анализа не заменяют политических решений, а, скорее, доставляют информацию, полезную для их принятия. С этой информацией приходит ясность относительно того, какие последствия влечет за собой принятие того или иного решения.

Литература

1. Государственная политика в области библиотечного дела и реализация законов РФ «О библиотечном деле» и «Об обязательном экземпляре // Всероссийская научно-практическая конференция. Омск, 23-26 апр. 1996 г. Тезисы докл. и сообщений. СПб. 1997. С. 31-33.
2. Дементьева Н.Л. К новой России с новыми библиотечками // Ориентиры культурной политики. 1998. № 5. С. 5-13.
3. Заключение по результатам проверки хода информатизации федеральных библиотек, находящихся в ведении МК РФ // Ориентиры культурной политики. 1998. № 5. С. 51-62.
4. Оценка эффективности работы публичных библиотек: Проект пособия / ЮНЕСКО. Париж. 1989. 76 с.
5. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. М.: МНФРАМ., 1996. 496 с.
6. Служебные и нормативные материалы / ГИВЦ МК РФ. Вып. 10. 1998. С.63-69.
7. Якобсон А. И. Экономика общественного сектора. Основы теории государственных финансов. М.: Аспект-пресс, 1966. 319 с.

РЕСУРСЫ БИБЛИОТЕЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД



С.А. Мамаева — научный сотрудник научно-исследовательского отдела библиотекосведения Российской национальной библиотеки

Окружающая нас социальная реальность, в том числе библиотечная, находится в постоянном изменении. Перемены требуют осмысления, вновь возникшие явления нуждаются в распознавании, осознании и изучении. Существует множество концепций социальной реальности, систем понятий, позволяющих ее описать и проинтерпретировать. Одна из них — популярная и продуктивная теория социального пространства, разработанная французским антропологом и социологом Пьером Бурдьё.

Попытаемся в данной статье в свете предлагаемого П.Бурдьё (1,2) определения таких понятий, как «капитал», «конверсия капиталов», «поле социального пространства», рассмотреть понятие «ресурсы библиотечной деятельности» и, как следствие, производные от него: «управление ресурсами», «ресурсы управления», «ресурсы управления ресурсами» применительно к практике библиотечного дела, управления библиотекой как социальной организацией. А также попытаемся уяснить для себя, какие интересы и цели преследует библиотека в различных полях социального пространства и как в зависимости от этого формируется стратегия ее поведения (логика практики) в каждом из них. Это позволит взглянуть на библиотечную деятельность в новом ракурсе и, соответственно, по-иному осмыслить все происходящее в библиотеках и с библиотеками.

Обратимся непосредственно к теории П.Бурдьё.

Согласно Бурдьё, социальное пространство может быть представлено как множество однородных полей. Эти поля имеют свои единицы измерения, константы и законы существования и функционирования.

«...Существует столько же интересов, сколько полей как исторически сложившихся пространств игры с их специфическими институтами и собственными законами функционирования» (1, с. 156). «...Существует столько же форм труда, сколько полей...» (1, с. 157).

В каждом поле — свой носитель взаимодействия, свой квант. В поле экономики это деньги. В символическом поле — власть в широком понимании как признанный авторитет, влияние, достигаемое за счет приобщения к общезначимым символам. В поле политики — власть в узко политическом смысле.

В поле культуры — знание, информация, умение, мастерство, компетентность. В социальном поле — общественные связи, коммуникация как самоценность.

Капитал можно представить как эффект сгущения, концентрации квантов взаимодействия. Капитал — это значение агента в каждом из полей, установившееся в результате «силовой» борьбы за влияние. Это его позиция в общем соотношении заявляющих о себе здесь конкурентных сил. Обладание капиталом и его инвестиция дают право на участие в игре в соответствующем поле.

Капитал (у Бурдьё) — сама форма существования власти, капитал и есть власть над временем и пространством, право преобразования времени и пространства и задания основных констант существования данного поля, правил игры, норм, идеалов... Капитал есть власть позиции (положения). У кого больший капитал, тот и Главный (kapital) в данном поле...

Соответственно, «капиталисты» поля экономики аккумулируют деньги и эквивалентные им материальные ценности. Основная цель, преследуемая в экономических играх — приумножение этого вида капитала. Наиболее весома в данном поле позиция того агента, который располагает наибольшим объемом данного вида капитала.

В поле политики все борются за власть как за возможность проводить в жизнь собственную волю, право принимать решения от имени какого-либо сообщества.

В поле культуры основная валюта — знание: опыт и информация. Приращение знания может быть самоцелью. Компетентность в какой-либо области, профессионализм, осведомленность, умение являются эквивалентом богатства. Повышение уровня компетентности, профессиональной подготовки ведет к усилению и упрочению положения агента в поле культуры. Здесь может быть два варианта приращения капитала — способность продуцировать новое знание и привилегированный доступ к уже имеющейся информации.

В социальном поле богат тот, кто имеет большое количество общественно значимых связей, связей «высшей пробы». Во-вторых, здесь ценится коммуникативность, как способность эти связи устанавливать и поддерживать. Количество связей — это количество нитей общения, которые агент держит в своих руках. Большое количество связей в различных социальных стратах делает агента социально мобильным, за счет чего возрастает его социальная ценность. Но, безусловно, здесь играет роль не столько количество, сколько качество этих связей и само умение манипулировать этим, играть на этом капитале, делать на него ставку, инвестировать его в соответствующую игру.

Капиталы могут конвертироваться. Посредством конверсии капиталов осуществляется органическая связь полей социального пространства. Таким образом, несмотря на несводимость одного поля к другому, эти поля не изолированы и постоянно друг с другом взаимодействуют, взаимопроникают.

Капитал одного поля может служить ресурсом воспроизводства капитала в другом поле.

Капитал — сама власть, влияние. Ресурс — средство осуществления власти. В процессе воспроизводства капитал и ресурсы взаимно перетекают друг в друга. Иначе говоря, ресурсы — это виды инвестиций капитала. Для осуществления власти, в любом из полей социального пространства требуются ресурсы всех видов.

Ресурсы — понятие многозначное, многоплановое. В Энциклопедическом словаре (7)

дается определение ресурсов как резервов, возможностей, составных частей той или иной деятельности.

При распространенном сегодня сугубо экономическом подходе к пониманию ресурсов библиотечной деятельности, многие реальные и потенциальные ресурсы остаются как бы «за кадром», упускаются из виду.

Традиционно выделяются следующие виды ресурсов библиотечной деятельности: финансовые, материально-технические, энергетические (здания, оборудование, фонд документов, технические средства, материалы, издательская продукция, различные виды энергии), информационные, кадровые (рабочее время и квалификация сотрудников) (4, с. 107-108).

Но ресурсами могут быть и условия библиотечной деятельности, правила ее организации, нормы, стандарты, которые ее регламентируют. Именно меняя правила игры (любой практической, в том числе профессиональной деятельности), мы высвобождаем или сковываем те или иные ресурсы.

Ресурсами библиотечной деятельности, с этой точки зрения, могут стать и престиж, общественные связи и прочие нематериальные, но важные для социального воспроизводства активы.

Что такое ресурсы управления? Что относится к ресурсам управления? Это зависит от подхода к осуществлению этого вида деятельности, от того, на каких принципах оно строится, какими ценностями и нормами руководствуется. Таким образом, вопрос о ресурсах управления — это вопрос методологии управления.

Управление ресурсами, скорее, технология управления

Под управлением ресурсами подразумевается распоряжение, манипулирование всеми компонентами производства капитала с целью извлечения наибольшей выгоды, прибыли (во всех существующих ныне смыслах и формах) из всех видов его инвестиций.

Управление ресурсами в данном контексте следует рассматривать как род политической деятельности. А любая политическая деятельность предполагает ответственность перед будущим. Это деяния в настоящем, которые уже сегодня определяют наше буду-

щее. Отсюда — колоссальная ответственность за принимаемые управленческие решения. Смотреть на что-либо с политической точки зрения — то же, что смотреть с точки зрения ответственности перед Целым (общим) и перед Будущим.

Стратегия и тактика выбора и использования ресурсов тесно соотносится с общей стратегической линией поведения библиотеки в социальном пространстве. Ресурсы же правомерно определить как всю совокупность средств осуществления библиотечной политики.

Можно рассматривать социальное пространство как единый континуум. Но мы попытаемся пойти путем различения и дифференциации. И посмотрим — какие интересы преследует библиотека в каждом из полей социального пространства и набор каких средств обеспечивает ей достижение стратегических и тактических целей.

Важно видеть, различать все эти значимые поля, если капитал библиотеки позволяет и вынуждает ее принимать участие в играх в каждом из них: в играх истину или в играх, устанавливающих новое соотношение сил в данном поле. Борьба за выживание, сохранение status quo или утверждение в новой ипостаси может быть целью этой политики.

В чем преимущества использования новых социальных понятий?

Разграничения культурного, финансового, символического, социального капитала позволяет увидеть многомерность окружающего пространства библиотеки как континуума полей со своими правилами игры, в каждом из которых библиотека преследует собственные специфические интересы и занимает соответствующее место, в зависимости от размера капитала, инвестируемого библиотекой в ту или иную социальную игру.

«...Интерес есть одновременно условие функционирования поля... и продукт этого функционирования» (1, с. 157). Преследуя экономические, культурные и любые другие интересы, библиотека тем самым проводит свою политическую линию.

Политика — это практическая деятельность по осуществлению власти, отстаиванию или завоеванию властных позиций, влияния. Власть же можно определить как способность к преобразованию, или же как способность

к осуществлению собственной воли. Любая политика сводится в конечном счете к формированию символического универсума, мира здравого смысла для всех.

Объем власти, которым при этом располагаем, равен объему, сумме возможностей легитимировать собственные интересы.

Политика библиотеки — это ее целерациональное поведение как субъекта общественных отношений, предполагающее создание условий для всеохватного воспроизводства библиотеки. Библиотека воспроизводит себя во всех видах институционально значимых для неё полей в соответствии с тем, каким объемом капитала каждого вида она располагает. Библиотека воспроизводит себя в экономическом поле как народнохозяйственный объект, в социальном поле как социальный институт, в культурном поле как явление культуры.

Политика может быть активной и реактивной. Активная политика — захватническая, она предполагает экспансию и усиление своего влияния в соответствующем поле, расширение границ своего влияния. Это — воспроизводство капитала с прибылью. Оно предполагает проявление творческой инициативы. Реактивная политика сводится к отстаиванию, обороне существующих границ, к сохранению собственной идентичности, статус кво. Инициатива в данном случае исходит от других, от тех, кто угрожает интересам библиотеки и ущемляет их каким-то образом.

Политика — это участие в социальной игре, где ставкой является тот или иной вид капитала, инвестируемого агентом в данную игру. А целью — выигрыш в виде прибыли того или иного вида капитала, что равнозначно реальному участию в формировании структуры того социального поля, в котором происходит игра или, иначе говоря, новых правил игры в нем. В этом смысле мы говорим об экономической, социальной, культурной политике.

Попробуем прояснить смысл воспроизводства библиотеки в каждом из полей социального пространства, посмотрим, какие интересы может иметь библиотека в различных полях социального пространства и что может выступать в качестве капитала и ресурсов в каждом случае.

Экономический капитал

«...Экономический капитал является наиболее простым для рационального управления, для расчета и предвидения» (1, с. 165). Стабильность существования библиотеки в экономическом поле связана с тем, насколько успешна ее хозяйственная деятельность, насколько умело она продает обществу свои продукты и услуги, меняет их на ресурсы.

Задачей политико-административной деятельности библиотеки в экономическом поле является отстаивание позиции равноправного (или привилегированного) участника экономических отношений.

Для воспроизводства в экономическом поле библиотека задействует свой экономический капитал, который может быть сведен к окончательной денежной форме, он выразим в денежной форме. Этот род ресурсов всегда ограничен. И, мало того, является главным ограничителем приумножения, накопления иных видов ресурсов. Поэтому так высока ответственность за его целесообразное, рациональное использование.

Чтобы воспроизвестись экономически, т.е. включиться в народнохозяйственный процесс производства и распределения общественных благ и услуг, библиотека должна сохранить в прежнем объеме или расширить (но не исключено — и сократить) ассортимент предлагаемых услуг в зависимости от общественных потребностей, спроса.

В границах экономического поля библиотека соперничает с другими библиотеками, с другими учреждениями культуры в борьбе за доступ как к ресурсам, так и к «рынку сбыта» производимых ею услуг. Библиотека может работать очень производительно, она может продуцировать новые идеи — придумывать новые виды услуг... Но это не будет экономически оправдано, если на эти услуги нет спроса. А вот будет ли это оправдано политически (символически, социально или иным образом)? Чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо выйти за пределы поля экономики и обратиться к другим полям, в которых задействованы интересы библиотеки.

Экономическое поле для нашего времени — детерминанта всего остального. Это главный ограничитель. Оно навязывает свои за-

коны и структуры другим полям и имеет тенденцию к господству. Чтобы выявить возможности ослабления этого господства, необходимо наиболее тщательно изучить именно те случаи, когда капиталы других полей приобретают самостоятельное значение и некоторую свободу от давления экономики и даже в чем-то попирают и преодолевают засилье экономического капитала.

Социальный капитал

Социальный капитал — это общественные связи библиотеки. В социальном поле — в поле связей и отношений — библиотека также имеет определенный капитал, который нуждается в определенном перманентном воспроизводстве. Одни связи изживаются, другие утрачиваются невольно, из-за неумелой и непродуманной политики библиотеки в этой сфере, третьи крепнут и создают предпосылки усиления социального влияния библиотеки.

В социальном поле библиотека является одним из тех социализующих институтов, приобщение к которым позволяет человеку изменить социальное положение — т.е. положение в социальной структуре общества. Смысл и цель игры в социальном поле — улучшение социального положения. Что считать улучшением? Это зависит от того, как принято структурировать социальное поле. Если принято делить людей преимущественно только на бедных и богатых, значит — богатеть. Таким образом, тогда и социальному полю непреложно навязывает свои правила игры и свою структуру поле экономики. Но могут быть и другие классификации. Существует множество стратификационных критериев, по которым можно делить любое общество. Например: образованные — необразованные. Тогда социальному полю навязывает свою структуру поле культуры.

«Характер социального расслоения и способ его утверждения в своем единстве образуют то, что мы называем «стратификационной системой» (5, с. 49).

О.И. Шкаратан и В.В. Радаев в книге «Социальная стратификация» (5) приводят девять типов стратификационных систем, которые могут быть использованы для описания любого социального организма:

Тип системы	Основа дифференциации	Способ детерминации различий
Физико-генетическая	Пол, возраст, физические данные	Физическое принуждение, обычаи
Рабовладельческая	Права гражданства и собственности	Военное принуждение, кабальное право
Кастовая	Религиозное и этническое разделение труда	Религиозный ритуал, этническая замкнутость
Сословная	Обязанности перед государством	Правовое оформление
Этакратическая	Ранги во властной иерархии	Военно-политическое господство
Социально-профессиональная	Род занятий и квалификация	Образовательные сертификаты
Классовая	Размеры доходов и собственности	Рыночный обмен
Культурно-символическая	Сакральное знание	Религиозное, научное и идеологическое манипулирование
Культурно-нормативная	Нормы поведения, стили жизни	Моральное регулирование, подражание

В современных обществах все меньшее значение имеет вертикальная структура общества, иерархия, и все большее — горизонтальная как многообразие стилей жизни, образов жизни, достаточно самобытных. Именно на горизонтальную мобильность общества способна оказывать влияние библиотека.

Культурный капитал

Поле культуры — основное поле деятельности библиотеки как учреждения культуры. Культурный капитал и, как его разновидность, интеллектуальный капитал, могут представлять как в о вещественном (артефакты), так и в инкорпорированном виде. Артефакты культуры имеют не только символическое, но и собственно культурное значение (познавательное и гедонистическое).

Библиотека в овеществленном виде (как информация на различных носителях) хранит память своей культуры: интеллектуальный опыт предшественников, образцы их духовного опыта.

В поле культуры библиотеки взаимодействуют друг с другом и с другими учреждениями культуры. Это поле особым образом структурировано. Каждая библиотека занимает в нем соответствующую ее культурному капиталу нишу.

Предоставляя в пользование овеществен-

ный культурный капитал, библиотека включается в процесс культурного и интеллектуального обогащения членов общества, отдельных индивидов, которые становятся впоследствии творцами культуры, создавая новые культурные ценности на базе имеющихся в социуме, в том числе в библиотеке, и усвоенных, присвоенных ими. И эти вновь созданные тексты, как артефакты культуры, вновь оседают в стенах библиотеки, пополняя ее культурный капитал. Однако здесь трудно выделить вклад отдельной библиотеки и проследить зависимость роста культурного капитала библиотеки от размера ее инвестиций в поле культуры (образование, социализация, развитие вкуса). Немаловажно, что именно «культурный капитал... дает возможность агентам быстро осваивать новые социальные формы практики» (З, с. 61).

Культурный капитал, оборот которого происходит в культурном поле, должен иметь иное выражение, не денежное. Культурный капитал библиотеки формируется на протяжении истории ее существования и представляет ее культурное значение. Значение библиотеки как явления культуры зависит от множества культурно-исторических факторов. Оно складывается как из ее соответствия определенному культурному стандарту в качестве рядового представителя библиотек определенного типа: назначения, величины и пр., так и индивидуальных особен-

ностей, порожденных ее функционированием в определенном культурном контексте. Если это единственная библиотека в районе, то ее культурная роль возрастает по сравнению с ролью аналогичной по полноте и уровню организации фонда библиотеки-филиала районной ЦБС.

Анализ культурного значения библиотеки предполагает пространственный и временной (исторический) срез. Культурное значение — величина переменная. В какие-то времена и на каких-то территориях значение это может увеличиваться в силу объективных причин, в силу внешних для библиотеки событий и обстоятельств. Но в то же время это культурное значение может меняться в связи с собственной политической линией библиотеки. В любом случае любое значение — величина относительная, порожденная соотношением сил, конкурирующих друг с другом в борьбе за самоутверждение.

Таким образом, культурное значение имеет и субъективную составляющую, связанную с репрезентацией библиотекой самой себя.

Культурный капитал присутствует в библиотеке и в инкорпорированном виде — как образовательный, этический и прочий капитал, инкорпорированный в ее сотрудниках. Но этот капитал может ею использоваться в игре в символическом поле, где ставка — престиж библиотеки или ее статус. Культурный капитал, профессионализм, эрудиция сотрудников библиотеки имеют для нее символическое значение. Он выступает в качестве ресурса воспроизводства ее символического капитала.

Как инвестировать в социальную игру культурный капитал, инкорпорированный в агентах? Только через временную идентификацию агента с социальным институтом, через делегирование ему властных полномочий представлять собой библиотеку, играть за нее в «большую» игру в социальном пространстве, с правом на риск и ошибку.

Символический капитал

Символический капитал библиотеки составляют ее доброе имя, популярность, имидж, репутация, все знаменитые имена, так или иначе связанные с ней, с ее историей и сама ее история, звание, выпелы, грамоты, ордена и многое другое — до тех пор, пока они имеют символическое значение, ценятся.

Прочность позиций в символическом поле связана с тем, насколько непрерываемо общественное признание значимости библиотеки, важности ее роли и вклада. Оправдание ее социального существования — успешное осуществление ее миссии, соответствие ее деятельности общественным чаяниям.

Стабильность существования связана с весомостью символического значения, т.е. признания важности и нужности социального института, его ценности. О стабильности социального института можно говорить, если он способен видоизменяться поступательно, а не ценой саморазрушения. Иначе говоря — не ценой потери самоидентичности.

Политический капитал — разновидность символического. Он показывает, насколько мы влиятельны в своем регионе, в своем профессиональном поле; насколько с нами считаются, устанавливая правила игры и распределяя ресурсы, сколь мы сами причастны к законотворчеству, нормотворчеству, к утверждению правил игры для других и для себя.

Символический капитал библиотеки в большой степени — производная от ее капиталов других видов. Библиотека приобретает определенный статус в силу предшествующих достижений и заслуг, но здесь играет роль и случай. Например, какой-то ныне прославленный человек, будучи еще никому не известным, был читателем или сотрудником некоей библиотеки. Ныне, находясь в апогее славы, он дарит этой библиотеке свое личное книжное собрание. А после смерти библиотеке присваивается его имя и при ней открывается его мемориальный музей.

Такое обстоятельство вручает библиотеке немалый символический капитал. Она «спекулирует» именем знаменитости, приобретая новые связи с общественностью, средства для переоборудования своих помещений, для обновления фонда — т.е. для увеличения капиталов иных видов. Но нередко случается и наоборот: имя, которым гордились, развенчивается и предается забвению — что равносильно внезапной утрате библиотекой части ее символического капитала. Следовательно, символический капитал может быть, по крайней мере, двух видов: постепенно и поступательно заработанный авторитет и случайные «подарки судьбы». Необходима опора на тот и другой его вид.

Что такое «прибыль», применительно к различным полям?

Прибыль экономическая — увеличение объема финансирования, усиление материально-технического оснащения.

Прибыль социальная — увеличение количества и качества социальных связей, в том числе количества читателей, обслуживаемых учреждений, расширение охвата обслуживанием социального (а значит и физического) пространства.

Меняя социальный охват, библиотека меняет свою читательскую аудиторию. Библиотека может быть детская, специализированная, профилированная. Тем самым она ориентирована не на любого, а на определенного читателя, с теми или иными социальными характеристиками. Когда меняется социальная структура, возникают новые социальные слои и прослойки, это находит отражение и в составе читателей библиотек.

Следует отметить, что стремление к увеличению социального охвата не всегда оправданно. Здесь на стремление к расширению в рамках одного поля (росту соответствующего вида капитала) накладываются ограничения другие поля. Эти ограничения взаимны. И со всей неизбежностью выстраивается иерархия предпочтений — библиотека вынуждена сделать выбор: на какую игру она делает основную ставку.

Увеличивая социальный охват (капитал), библиотека может упустить возможность усиления позиций в культурном поле (если исходить из предпосылки, что принадлежность к той или иной социальной группе и, соответственно, тот или иной стиль жизни тесно коррелируют с определенными читательскими потребностями). Ориентируясь на несколько социальных групп, библиотека сталкивается с реальной опасностью мало соответствовать требованиям каждой из этих групп в отдельности. Снижается качество обслуживания. Деятельность такой библиотеки можно охарактеризовать, как «широко, но поверхностно».

Ориентируясь на определенную социальную группу, библиотека специализируется и получает возможность сконцентрировать свои ресурсы, средства и возможности. Такую стратегическую линию можно определить, как «узко, но глубоко».

Прибыль культурного капитала

Библиотека усиливает свое культурное значение, если возрастает ее способность удовлет-

ворять культурные (образовательные, эстетические и другие) запросы.

Здесь возможна терминологическая путаница из-за того, что в обыденном языке существуют иные смысловые соответствия. Поэтому важно отметить: в данном контексте культурное значение не эквивалентно символическому значению. Политическое значение (капитал) библиотеки, собственно, и является ее символическим значением: это совокупный статус, позволяющий ей влиять на окружающие в свою пользу.

Таким образом, прибыль символическая — это рост авторитета, престижа, влияния (неформальный уровень) и документально закреплённого статуса (формальный уровень).

Капитал того или иного вида не может непосредственно инвестироваться в игру не имманентного ему поля. Но он может быть инвестирован посредством приведения к некоему символическому эквиваленту. Может быть инвестировано его символическое значение. Например, книжное собрание как культурный капитал не может принимать участия в играх политического поля. Но если установить зависимости между обладанием книжными коллекциями и политической властью, мы можем оценить политическую весомость, политическое значение книжной коллекции. В общем-то, нельзя исключать, что вопрос о судьбе какой-либо книжной коллекции может стать вопросом политическим. А вопрос о судьбе политического лидера все чаще оказывается в самой тесной и прямой зависимости от доступа к значимой для него информации, т.е. доступности для него некоторого фрагмента поля культуры.

Как соотносить, соизмерять капиталы?

Ценность библиотеки для общества определяется ее экономической ценностью, ее культурной ценностью, социальной ценностью, символической ценностью. Но если существует экономическая ценность и оценка в денежной форме, требуется найти такой же эквивалент и дать соответствующую оценку ценности библиотеки в культурном, социальном, символическом полях. Эта оценка и есть тот объем соответствующего вида капитала, которым она реально располагает в каждом из указанных полей социального пространства.

Когда мы ориентируемся на спрос, оцениваем результаты своего труда по посещаемости, мы, прежде всего, говорим о социальной

(преходящей) ценности. Культурная же и символическая ценность библиотеки остается за скобками. Она труднооценима, невыразима через единицу измерения капитала экономического поля, навязывающего свою структуру и свою валюту всем прочим полям. Чтобы она получила наглядное содержание, необходимо ответить на вопрос: какие общественные ценности воспроизводит библиотека, воспроизводя себя, воспроизводя свою готовность к выполнению своего общественного назначения?

Можно условно провести две оси: ось современности и ось вечности. Они символизируют для библиотеки две ее основные задачи: обеспечения своевременного беспрепятственного исчерпывающего доступа к хранимым источникам информации, с одной стороны, и обеспечение сохранности, с другой.

Каждая библиотека в той или иной мере решает обе задачи, но обязательно существует перекос в ту или иную сторону. Традиции при этом могут быть самые разные: от библиотек, работающих исключительно на сиюминутную потребность и активно освобождающихся от быстро стареющих фондов, до библиотек-музеев, мало заинтересованных в увеличении читательского потока и на практике препятствующих свободному обращению к хранимому ими культурному капиталу — в данном случае «сокровищу».

В зависимости от ориентации на современность или вечность библиотека выбирает наиболее подходящую политическую линию, от которой зависит выбор и распределение ресурсов.

Тот или иной вид капитала библиотека вкладывает в соответствующие ресурсы и организацию производства, чтобы на выходе получить, возратить вложенный капитал, желательное с прибылью.

Особую ценность приобретают оригинальные, трудновоспроизводимые сочетания ресурсов. Доступ к ним позволяет библиотеке занять свою нишу в социальном пространстве, укрепить свои позиции в конкурентной среде. Такие сочетания ресурсов представляют собой ключевую компетенцию (б) библиотеки.

Ключевую компетенцию можно обрести в любой точке участка пространства между осями вечности и современности. Для этого достаточно осознать уникальность своего положения, занимаемой позиции.

Возможны два подхода при выборе страте-

гии развития. Как правило, алгоритм таков: избирается цель деятельности, разрабатывается стратегическая линия движения к цели, изучаются и осваиваются средства (способы, методы и ресурсы) ее достижения, технология, механизм деятельности. При этом просчитывается — какие ресурсы, в каком количестве будут нужны для достижения данной цели посредством данного метода (даным путем).

Но может оказаться так, что в распоряжении агента находятся такие неостребованные, неиспользуемые им ресурсы, обращение к которым могло бы изменить судьбу этого агента. Может статься, что, пренебрегая собственным потенциалом, он избирает ложную цель и ложный путь, навязанный извне, проживает чужую жизнь, хотя «на роду» ему написано иное. У него есть все основания и все предпосылки для иной идентификации себя, видения себя. Изучение собственной ресурсной базы библиотек может дать им в руки неожиданный «козырь», который позволит им успешно сыграть в новой для них игре или в старой игре, но в новом качестве.

Необходимо учиться заигрывать собственные игры, где козырями будут объявлены те карты, которые волею судеб попали к Вам в руки, те самые карты, которые, не котировались или биты в другой игре. Надо изобретать собственные игры. Можно подбирать ресурсы под игру или же игру под имеющийся ресурс.

Поиск и создание библиотеками ключевых компетенций — ресурс управления ресурсами, потенциал их самоутверждения, упрочения позиции в социальном пространстве.

Литература

1. Бурдые П. Начала. М., 1994
2. Бурдые П. Социология политики. М., 1994.
3. Качанов Ю.Л. Практическая топология социальных групп // Socio-Logos, 96. Альманах Российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. М., 1996. С. 49-94.
4. Куликова Л.В., Могилевер Н.В. Управление и экономика библиотек в переходный период (материалы для руководителей библиотек). СПб., 1995. 152 с.
5. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. М., 1996. 318 с.
6. Рюлин Э. Управление ресурсами как фактор стратегического успеха // Проблемы теории и практики управления. М., 1996. С. 102-107.

ЭЛЕКТРОННАЯ БАЗА ДАННЫХ «ДОКУМЕНТЫ «РОССИКИ»» В БИБЛИОТЕКАХ-ДЕПОЗИТАРИЯХ И ДРУГИХ НАУЧНЫХ БИБЛИОТЕКАХ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА



Николай Алексеевич Миронов — научный сотрудник отдела механизации и автоматизации Российской национальной библиотеки

Александр Александрович Новых — ведущий библиотекарь сектора депозитарного хранения отдела комплектования Российской национальной библиотеки

В федеральной целевой программе «Развитие и сохранение культуры и искусства российской федерации 1997-1999 гг.» говорится, что до сего дня никто не располагает исчерпывающей информацией о созданных в мире документах о России и СССР. Отмечается, что фонды документов «россики», накопленные в отечественных библиотеках, раскрыты весьма слабо, имеет место неоправданное дублирование фондов, тогда как многие важные документы вообще отсутствуют в стране. Раскрытие коллекций производится с помощью разрозненных (порой даже в пределах одной библиотеки) средств, сюда входят:

- традиционные карточные каталоги и картотеки;
- библиографические указатели;
- аналитические росписи статей по отдельным темам.

При этом практически ни одно из них не претендует на достаточную полноту и не обеспечивает возможность гибкого многоаспектного поиска по различным параметрам. Перечень библиографических пособий зачастую демонстрирует индивидуальные интересы исследователей, он плохо скоординирован между библиотеками.

В целевой программе дается ряд рекомендаций по преодолению названных недостатков. Одной из них является создание электронного национального сводного каталога документов «россики». Как планируется, электронный каталог предоставит пользователям информацию обо всех созданных в различных странах мира документах по тематике «россика» и вызовет несомненный интерес славистов, политологов, ученых и практиков из других областей, заинтересованных в изучении нашей страны.

В секторе депозитарного хранения РНБ, в соответствии с целевой программой, в течение трех лет с участием ряда других библиотек города и области, ведется работа по созданию электронных баз данных, включающих информацию о документах «россики». Это две базы:

1. «Документы «россики» в фондах библиотек-депозитариев СПб и Ленинградской области» или коротко «Документы «россики»».
2. «Региональный Путеводитель по документам «россики» в библиотеках СПб и Ленинградской области» или коротко «Региональный путеводитель».

Исходным материалом для создания названных баз являются следующие документы:

- комплекты карточек с библиографическим описанием документов «россики», выявленные в фондах библиотек-депозитариев СПб и области специалистами и сотрудниками сектора;
- справки о собраниях «россики» в библиотеках, составленных специалистами ряда библиотек города и области, в соответствии с вопросами анкеты.

Содержание, вид и объем имеющихся документов и находящиеся в расположении сектора аппаратные средства и программное обеспечение, были определяющими при выборе типов систем управления базами данных (СУБД). Поставленным задачам наиболее адекватно, как нам представляется, отвечает следующий выбор СУБД:

- для программы «Документы «россики»» — СУБД — OPEN ACCESS, 3-я версия, работающей в среде MS DOS;
- для программы «Региональный путеводитель» был выбран способ создания электронного справочника, работающего на принципах пакета прикладных программ Гипертекст, работающего в среде MS Windows.

Нам хотелось бы сообщить о результатах, достигнутых в настоящее время, и рассказать о ближайших перспективах.

Как уже было сказано, материалом раздела «Документы «россики»» являются карточки с библиографическим описанием книг по тематике «россика» на французском, немецком, английском и других западноевропейских языках, изданных до 1917 г. и хранящихся ныне в крупных библиотеках города. Отметим, что вводимая в базу карточка содержит следующие данные:

- фамилия автора (авторов);
- название книги;
- место издания;
- год издания;
- название библиотеки;
- шифры хранения.

Исходя из имеющегося набора данных, было выбрано и соответствующее количество полей в СУБД. К достоинствам выбранной СУБД — (OPEN ACCESS), можно отнести:

- возможность осуществлять оперативный поиск и просмотр большого объема интересующей информации в алфавитном порядке по каждому из имеющихся полей;
- простоту пользования и выдачи информации в форме, удобной для восприятия, (в том числе печатной);
- удобство ввода информации, требующего лишь минимальных навыков работы с компьютером;
- невысокие требования к программному и аппаратному обеспечению и ряд других достоинств.

Таким образом, выбранная СУБД удовлетворяет большей части выдвинутых требований к системе. К настоящему моменту БД содержит данные шести библиотек города:

- Библиотека Горного института;
- Всероссийская геологическая библиотека;
- Центральная научная сельскохозяйственная библиотека;
- Центральная городская публичная библиотека им. В.В. Маяковского;
- Научная библиотека Государственного университета;
- Библиотека Медицинского университета им. И.П. Павлова.

В сумме общее количество записей составляет более 2,5 тысяч. При этом под записью понимается введенная в базу данных информация о книге в том виде, в котором предлагает карточка. Работа по вводу данных в названную базу данных про-

должается. В дальнейшем при необходимости можно ввести дополнительно следующие поля: страну издания, язык, перевод на русский язык названия книги, краткую аннотацию, сведения об авторе. Ближайшей перспективой в работе по усовершенствованию данной базы является ее перевод из СУБД OPEN ACCESS, работающей под управлением операционной среды MS DOS, на работу с приложением Microsoft Office — ACCESS, работающей в среде MS Windows. Такой перевод позволит, во-первых, усовершенствовать работу внутри базы и позволит использовать все дополнительные привлекательные возможности приложения Microsoft Office и, во-вторых, появится возможность осуществлять переходы в базу «Документы» и «Путеводитель» в рамках одной операционной среды. Представляется целесообразным в дальнейшем иметь две версии одной и той же базы данных с возможностью работы с использованием одной из двух операционных сред — либо MS DOS либо MS Windows в зависимости от желания и возможностей пользователя.

Теперь перейдем к описанию работы по реализации программы «Региональный путеводитель». Отметим, что задача Путеводителя, в первую очередь, — информировать как специалистов, так и широкий круг пользователей об имеющихся в городе и области собраниях «россики» на западноевропейских языках. Материалом для создания этой базы данных, как уже отмечалось, являются информационные справки, составленные специалистами ряда библиотек города и области, исходя из чего и был выбран способ создания электронного справочника, работающего на принципах пакета прикладных программ Гипертекст. Гипертекстовые системы имеют ряд специфических возможностей, а именно:

- возможность связывать разнородные данные — как в логическом смысле, так и по виду представления;
- наглядность и гибкость установления смысловых связей между текстами и внутри текстов;
- мощную систему поиска по типовым признакам и их сочетаниям т. е. выполняются функции и роль базы данных;
- систему перекрестных ссылок и возможность хранения больших объемов текстовой информации.

Логика доступа в таких системах строится на структурировании данных и соответствующего языка запросов, а не на основе естественного языка, поскольку в этих системах понятие «поле» или «запись» может отсутствовать.

Эти свойства гипертекстовых систем делают их (системы) достаточно привлекательными для того, чтобы остановить свой выбор на них. Одной из подобных систем является система HyperMethod, разработанная Петербургской фирмой Prog. Systems Al Lab. HyperMethod — это пакет инструментальных средств, предназначенный для разработки информационных систем, включающий несколько программных компонент и функционирующий в среде операционной системы Microsoft Windows. HyperMethod позволяет разрабатывать пользовательские информационные системы любой степени сложности и объема, не прибегая к программированию в классическом понимании этого слова. Благодаря положенной в основу пакета HyperMethod концепции гипертекста, с его помощью можно разрабатывать интеллектуальные информационные системы, имеющие единую взаимосвязанную и структурированную базу, и устанавливать множественные связи между различными, разнородными по своей природе элементами — текст, графика, видео, звук, а также базы данных. К достоинствам данного пакета можно отнести и тот факт, что он может эксплуатироваться в двух режимах — «монтажный стол» и «проигрыватель». «Монтажный стол» — это среда для разработки информационных систем (иначе говоря для создания базы данных), предназначенная для операторов и устанавливающаяся (инсталлирующаяся) с лицензированного носителя. «Проигрыватель» — программа, предназначенная для пользователей и служащая для просмотра созданных с помощью «монтажного стола» приложений, — проста в работе, не требует лицензирования, легко устанавливается на любой компьютер с установленной средой MS Windows — от 3.1x до Windows NT. Работа в течение более двух лет с названным пакетом прикладных программ показала правильность нашего выбора.

В настоящее время база данных содержит расширенную информацию о 17 библиотеках-депозитариях и крупных научных библиотек города и области, в базу включена также информация о 35 библиотеках системы Российской академии наук любезно предоставленная сотрудниками БАН, которая является головной библиотекой этой системы. В настоящее время база данных состоит из следующих разделов, которые оформлены в виде отдельных кадров по каждой библиотеке:

— Перечень библиотек — в этом кадре приводится список кратких наименований всех библиотек, включенных в базу данных;

— Адресно-справочная информация о библиотеке — этот кадр содержит:

- полное название библиотеки;
- ведомственную принадлежность;
- адрес, телефон факс, e-mail;
- фамилию директора;

— Историческая справка по библиотеке — в этом кадре приводятся краткие исторические сведения о библиотеке, информация о деятелях, принимавших участие в формировании библиотеки, дарителях и т.д.;

— Фонды библиотеки — кадр, где представлена количественная и качественная характеристика фондов библиотеки, приводятся сведения по учету и хранению фондов, о наличии и структуре справочно-поискового аппарата, приводятся сведения о наличии «россики»;

— Примеры документов «россики» — в этом кадре приводится образец документов «россики», представляющих наибольший интерес;

— Именной указатель содержит фамилии или имена всех лиц, которые упоминаются в данной базе хотя бы один раз;

— Документы «россики» — в этом кадре предусмотрена связь с базой данных «Документы «россики»», поскольку как уже отмечалось, к настоящему времени БД «Региональный путеводитель» несовместима с базой данных «Документы «россики»». В дальнейшем предполагается иметь одну базу данных, состоящую из двух взаимосвязанных частей;

— О проекте — в этом кадре помещены сведения о данной базе данных, о ее лицензировании, о пакете HyperMethod, а также сведения о держателях этой программы и авторах.

На компьютере установлена демонстрационная версия базы данных «Региональный путеводитель» — «проигрыватель». Полные версии двух баз данных можно посмотреть в действии на компьютере, расположенном в секторе депозитарного хранения по адресу: Обводный канал, 11. Мы приглашаем всех желающих ознакомиться с ними во всех подробностях.

Таков очередной этап в подготовке электронного варианта Путеводителя документов «россики», и нам хотелось бы услышать мнения специалистов и предложения по совершенствованию работы, а также выразить признательность специалистам библиотек города и области, принявшим участие в данном проекте и заложившим основу нашего коллективного исследования.

БИБЛИОТЕКИ НА РОДИНЕ РУБАКИНА

М.М. Сарамотина — библиотекарь-краевед Ломоносовской центральной районной библиотеки им. Н.А. Рубакина

Может показаться странным, что во времена всеобщего ниспровержения авторитетов Ломоносовская централизованная библиотечная система своими силами создает себе новый. Результатом десятилетней работы в этом направлении стала программа «Библиотека-музей Н.А. Рубакина в Ораниенбауме». В ней обозначены цели и выделена основная решаемая проблема: создание нового типа учреждения культуры — оригинальной библиотеки-музея Н.А. Рубакина на его родине в Ораниенбауме (Ломоносове). Оказалось, что имя Рубакина известно очень небольшому кругу библиотечных специалистов. Читатели, для которых всю свою жизнь работал Николай Александрович Рубакин, вовсе не знают о нем.

А началось все с подготовки в 1987 году научно-практической конференции «Рубакин и современность», посвященной 125-летию юбилею земляка, родившегося в маленьком провинциальном городке, где всего и памяти о нем — маленькая улица его имени, на которой когда-то стоял родовой дом и где находятся остатки бань, принадлежавших семье.

Соприкоснувшись с имевшимся в библиотеке очень небольшим количеством материалов о Николае Александровиче, мы решили заняться изучением его творческого наследия, огромного по своему размаху и глубине, поиском в нем того, что созвучно современной эпохе и может быть использовано в наших библиотеках. Неподдельный интерес вызывала жизнь Н.А. Рубакина, особенно ораниенбаумский и петербургский периоды.

Николай Александрович был наделен огромным количеством талантов, но главное для нас — он был гениальным библиотекарем, которому присущи самые важные для этой профессии черты: прекрасное знание книг, создание четкой и ясной классификации их в библиотеке и доскональное знание реальных и потенциальных читателей, с которыми он всегда активно переписывался, которым посвятил свои главные труды: «Этюды о русской читающей публике» и «Среди книг». Идеи замечательного просветителя, библиографа и библиотековеда актуальны и важны для современной публичной библиотеки, для поиска путей совершенствования ее работы, что по-

казали проведенные в последующие годы пять Рубакинских чтений, где научные разработки российских библиотечников соседствовали с выступлениями библиотекарей-практиков, которые анализировали свою работу, изучали своих читателей, руководствуясь работами Рубакина.

В мае прошлого года Ломоносовской центральной районной библиотеке было, наконец, присвоено имя Н.А. Рубакина и состоялось открытие пусть пока и очень скромного музея — библиотеки-музея Н.А. Рубакина. В своем выступлении на этом торжестве преподаватель Челябинского института культуры говорила о том, что, впервые приехав в Ломоносов несколько лет назад, безуспешно искала место, куда можно возложить цветы в память о Рубакине. Теперь есть такое место, где представлен Рубакинский фонд, собранный, что называется, с миру по нитке, и документы о его биографии.

Материалы музейной экспозиции можно разделить на три группы. Первая — это первоисточники, т. е. работы Рубакина, в том числе прижизненные издания и ксерокопии его работ, которые только что пополнились 11 книгами, полученными из обменно-резервного фонда Российской государственной библиотеки (Ленинки) — «Среди книг», тома 1 и 3, 1911 и 1915 годов издания, «Архив государственной мудрости...» 1906 г., «Помогайте вольной печати» — Женева, 1903 г., «Птичьи гнезда: Рассказы об искусстве в мире животных» — 1909 г. и др. Надеемся пополнить эту часть экспозиции, ставя перед собой задачу собрать максимально больше трудов Рубакина. Несмотря на, казалось бы, приличную библиографию работ о Рубакине, настоящей объективной библиографии нет и сейчас. Нас, конечно, интересуют больше всего ораниенбаумский и петербургский периоды его жизни и творчества. Почти нигде не упоминается, что Рубакин был автором большого количества художественных произведений. В рукописном отделе РГБ был найден текст комедии «Сваха по случаю, или за чем пойдешь, то и найдешь», датированной 1875-1877 гг. (Ораниенбаум). Ксерокопия представлена в музее, и на открытии его наши библиотекари прочитали в лицах отрывок этой комедии из купеческой жизни.

Второй массив — это документы о жизни Николая Александровича и его семьи, ксерокопии которых получены в результате изучения фондов рукописного отдела в Российской государственной библиотеке, где, как вы знаете, хранится архив и вторая библиотека, завещанная Рубакиным России после смерти. Представлены: свидетельство, выданное Ораниенбаумской городской управой о принадлежности к купеческому сословию, фотографии отца Александра Иосифовича, который 18 лет был городским головой Ораниенбаума, детские фотографии Николая и его брата, гимназические фотографии, схема-план рубакинских владений в Ораниенбауме, фотография родового дома, где рукой Рубакнина написано, что здесь в 1905 году умерла мать, Лидия Терентьевна, которую он ребенком уговорил создать свою первую библиотеку, автобиография, воспоминания о детстве, об Ораниенбауме, родословная, составленная рукой Рубакнина. Каждому, кто попытается прочесть эту родословную, станет понятна трудность, с которой пришлось столкнуться музейным работникам еще в начале пути изучения творческого наследия Николая Александровича, когда после получения в Пушкинском доме автобиографии и письма Рубакнина выяснилось, что болезнь руки, особенно развившаяся к концу жизни, сделала почерк Рубакнина абсолютно нечитаемым. По счастью, вместе с автобиографией хранилась печатная копия с дореволюционным шрифтом и одно письмо Ромэна Роллана (переведенное) о том, что он сильно задержался с ответом, т.к. не мог прочитать письмо Рубакнина. Предстоит придумать, как нам прочитать тетрадь, найденную по описи Рубакинского фонда рукописного отдела РГБ «Воспоминания об Ораниенбауме и о первой библиотеке», понятно, более всего нас интересующей. К счастью, многие материалы были обработаны секретарем Рубакнина Марией Артуровной Бетман, поэтому в музее представлены и другие интересные документы. Их количество мы надеемся также увеличить.

Третий массив — это литература о Рубакине: книги, статьи, напечатанные за многие годы. Поиск велся в фондах крупнейших библиотек Санкт-Петербурга, краеведческого музея г. Ломоносова, в личных собраниях любителей книги. Пути поиска привели к знакомству и переписке с одним из исследователей творчества Рубакнина — Капитолиной Гордеевны Мавричевой, которая подарила нам книги самого Рубакнина и литературу о нем, в т.ч. свою монографию о Рубакине. В своем письме она написала: «Отсылаю эти дорожные

для меня книги, которые я много лет собирала сама и которые мне дарили. А теперь вынуждена с ними расстаться, т.к. они могут погибнуть. Храните их. Рубакинское наследие — оно неисчерпаемо. Рубакин — уникален. Его не с кем сравнить. И очень оригинальный ум, талант, человек. Пусть библиотека, находящаяся на родине Рубакнина, будет более полно отражать эту богатую, многогранную личность. У него ведь есть чему поучиться как читателям, так и библиотекарям, особенно им».

Подтверждением этих слов служат уже традиционные Рубакинские чтения. Углублялась тематика, расширялся круг участников — от библиотечарей-практиков до специалистов библиотечной науки, студентов, музейных работников, журналистов, и не только Санкт-Петербурга, но и других регионов России. Опыт Ломоносовской библиотеки ценен как сохранением традиций рубакинского наследия, так и творческим развитием его идей, что, как мы планируем, и будет продолжено на следующих VI Рубакинских чтениях. Мы не стремимся создать себе нового идола. Наши цели: воздать должное знаменитому земляку, сохранить преемственность поколений в профессии, развивать краеведческую деятельность на базе нового типа учреждения культуры — библиотеки-музея — центра информационно-краеведческой работы в районе.

Ряд основных мероприятий в рамках программы уже сделан: имя Рубакнина присвоено Ломоносовской Центральной районной библиотеке, открыта библиотека-музей на правах филиала библиотечной системы с двумя штатными единицами, сняты видео-фильмы «Рубакинские места в Ораниенбауме-Петербурге», «Библиотеки на родине Рубакнина» (о 8 библиотеках Ломоносовской ЦБС), собран материал для сборника «Рубакин и современность», который теперь предстоит издать, возможно, это будет продолжающееся издание и т.д. Мы сейчас собираем материалы по истории библиотек Ломоносовского района, историю начинается с библиотеки Картинного дома Большого Меншиковского дворца Ораниенбаума; централизованная библиотечная сеть появилась в районе в 1918 году. Работаем в Центральном Государственном архиве Петербурга, надеемся, что удастся поработать и в Москве.

Уровень того, что нам удастся сделать, непосредственно зависит и от того, насколько успешно программа будет финансироваться областным правительством.



УЗКИЙ ВЗГЛЯД И БЕЛЫЕ ПЯТНА: ЧТО ПРОШЛОЕ ГОВОРИТ НАМ О НАСТОЯЩЕМ: РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИСТОРИИ АМЕРИКАНСКОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ДЕЛА XX ВЕКА¹

Уэйн А. Вигэнд (Wayne A. Wiegand) — профессор Школы библиотечного дела и информатики Висконсинского университета в Мэдисоне (США). С 1998 г. — член совета Института гуманитарных исследований этого университета. Является одним из руководителей Центра истории печати культуры современной Америки. С 1994 г. является постоянным приглашенным профессором Университета штата Северная Каролина.

Образование получил в университете Висконсин-Ошкоти (степень бакалавра истории, 1968) и Висконсин-Милуоки (степень магистра истории, 1970). В 1974 г. получил ученую степень доктора философии в Южно-Иллинойском университете. В Мэдисоне работает с 1987 г. До этого занимался преподавательской и исследовательской деятельностью в колледже в Огайо и Университете Кентукки.

Неоднократно получал награды Американской библиотечной ассоциации (ALA), в том числе в 1978 г. за лучший научный доклад, а также награды круглого стола по истории библиотек ALA и Ассоциации библиотечно-информационного образования. Занимал посты председателя круглого стола ALA по истории библиотек, круглого стола ALA по библиотечным исследованиям и казначея Общества истории авторства, чтения и издательской деятельности. Член редколлегий ряда ведущих американских профессиональных библиотечных журналов, в том числе «Library Quarterly» и «Libraries and Culture».

Автор более 60 научных публикаций. Среди осуществленных под его руководством проектов особо следует выделить «Энциклопедию по истории библиотек» (1994), под-готовленную совместно с Дональдом Г. Дэйвисом. В настоящее время готовит к публикации книгу об особенностях развития американских сельских публичных библиотек в 1876-1956 гг. В 1996 г. побывал в России — участвовал в работе международной научной конференции «Библиотеки и чтение в ситуации культурных изменений», проходившей в июне этого года в Вологде. Русский текст прочитанного им в Вологде доклада «Публичная библиотека главной улицы»: доступность дискуссионных материалов в библиотеках небольших поселений (1890-1956) опубликован в сборнике материалов конференции «Библиотека и чтение в ситуации культурных изменений» (Вологда, 1998).

Американская библиотека XX века это один из наименее изученных и наиболее рас пространенных институтов страны, с богатой историей обслуживания миллионов пользователей, которые из поколения в поколение осваивают библиотечные фонды и библиотечное обслуживание в самых разнообразных целях. А между тем исследования в области библиотековедения и информатики (LIS) не обеспечивают ни глубокого анализа сущности этого доступа, ни

оценки его значения для пользователей библиотек — во многом потому, что недостаточно освоены многие теоретические положения, на которые в настоящее время опираются исследования в других профессиональных и научных сферах. В статье излагается новый подход к истории американского библиотечного дела XX в. с использованием этих теорий. Показано, как неблагоприятно отразился на исследованиях в области LIS узкий взгляд на прошлое и как

¹ Статья подготовлена автором на основе текста лекции, прочитанной 31 октября 1997 г. в Библиотеке Конгресса. Лекция была организована при совместной поддержке Центра книги Библиотеки Конгресса и Ассоциации американских исследований, которая проводила свою ежегодную конференцию в Вашингтоне. Статья публикуется с согласия автора и с любезного разрешения издательства Чикагского университета и редакции журнала «Library quarterly», в котором она была опубликована в 1999 г. (том 69, № 1, с. 1-32). Любые другие переводы данной статьи исключаются.

вследствие этого в истории библиотек остались белые пятна, что создало серьезные препятствия для понимания представителями этой профессии роли американской библиотеки в настоящем, а следовательно и деятельности по планированию будущего библиотеки.

Введение

Мои студенты привыкли к моей, как они говорят, «соловьиной песне». А основана она на ежегодной сводке Управления исследований и статистики Американской библиотечной ассоциации (1), которую я всегда ношу с собой. Приведу лишь несколько данных за 1996 год. «Массовых библиотек больше, чем точек Мак Доналдс — в совокупности 15.872, включая филиалы». «В летних библиотечных программах чтения участвуют больше детей, чем в Малой Бейсбольной Лиге». «Вузовские библиотеки ежегодно выполняют 94 миллиона запросов — что более чем в три раза превышает по посещаемости студенческих футбольных матчей». А вот еще: «Американцы посещают школьные, массовые и вузовские библиотеки 3,5 млрд раз в год — почти в три раза чаще, чем в кинотеатры».

Со всех точек зрения впечатляющая статистика, и тем не менее в конце XX века библиотека, судя по этим данным, вездесущая, остается одним из наименее изученных американских институтов. Мы до сих пор не располагаем необходимым массивом исследований для критического анализа многочисленных ролей, которые играли и играют библиотеки всех видов в своих базовых сферах — будь то учебная библиотека от начальной школы до университета, библиотека общественной организации вроде исторического общества, библиотечная система штата или массовая библиотека (городская, пригородная или сельская) или библиотеки таких частных учреждений, как страховые агентства, больницы, научно-исследовательские институты, корпорации, юридические фирмы, семинарии, художественные музеи и консерватории.

Во всех этих случаях библиотека как орган информации определенным образом воздействует на своих пользователей, а в XX веке это миллионы американцев обоего пола, разных возрастов, вероисповеданий, этнической и классовой принадлежности, уровня образования, физических особенностей и сексуальной

ориентации. И хотя все они пользуются библиотеками на протяжении многих поколений, мы до сих пор практически не знаем почему и как — в крайнем случае экстраполируем собственный опыт на широкие слои населения. Это прискорбно, ибо без глубокого понимания прошлого американской библиотеки мы не можем адекватно оценивать ее настоящее, а значит и разумно планировать ее будущее.

Тем не менее провозвестники новых информационных технологий воспринимают многие перспективы библиотек как беспорные. Еще двадцать лет назад Ф. Уилфрид Ланкастер утверждал, что «безбумажные информационные системы» — особенно в науке — «неизбежны» (2, р. xi). Вильям Митчелл видит будущую библиотеку «не в виде каменного здания на улице ... а из элементов на тысячах экранов по всему миру» (3, р. 56). Такого рода прогнозы во многом кажутся правдоподобными именно из-за отсутствия в настоящее время необходимого массива исследований для серьезного изучения исторической роли и значения всех видов библиотек в Соединенных Штатах. Весьма незначительный по объему и весу и далекий от библиотечной практики потенциал исследований практически не востребован.

Быть может, настало время для более широких, междисциплинарных и теоретически обоснованных подходов к нашему прошлому, чтобы преодолеть узкий взгляд и выявить белые пятна, препятствующие современному планированию будущего библиотечного дела. В этом вам поможет изучение истории. Ведь не следует забывать, что мы — продукты своего прошлого и в этом качестве привносим в настоящее все успехи и неудачи. Конечно, следует опираться на успехи, но мы зачастую не признаем неудач, и во многом потому, что культуры, в которых мы существуем — или к которым мы стремимся, — имеют тенденцию ограничивать круг вопросов, которые мы ставим в отношении самих себя и своей профессии. Вот почему такое большое значение приобретает неуклонное применение новых подходов к изучению прошлого. Подобно увеличительному стеклу, они демонстрируют узость взгляда и выявляют множество белых пятен.

Кен Карпенгер правомерно поставил такую задачу в лекции 1995 года, озаглавленной «Читатели и библиотеки: К истории библиотек и

культуры в Америке» и посвященной общему истории американских библиотек XIX в. и литературы по этой тематике (4). В данной статье его анализ развивается в современном контексте диверсификации американского библиотечного дела.² Конечно, в ряде отношений Кену было проще. Мир американских библиотек XIX века, с видами обслуживания, которое они предоставляли, формами культуры, которые хранили, и людьми, которые работали в них и пользовались ими, был намного меньше, чем сегодняшней, и далеко не столь разнообразен.

Библиотечное дело в Америке периода прогресса, 1893-1918 гг.

Я начинаю отсчет с 1893 г. — с июльской ежегодной конференции Американской библиотечной ассоциации (ALA) в Чикаго. К тому времени ALA уже семнадцать лет выступала в качестве небольшого, но настойчивого рупора библиотечного сообщества страны. В 1879 г. она приняла девиз «Наилучшее чтение для максимального большинства при минимальных затратах», в сжатом виде отражавший ее цель превратить американскую библиотеку в фактор формирования организованного, просвещенного, образованного и информированного населения. В 1893 г. библиотекари в целом имели единые понятия о «наилучшем чтении». Руководство ALA составляло элиту WASP (белых американцев английского происхождения и протестантского вероисповедания) — это были преимущественно мужчины, представители среднего класса, профессионалы, верные дисциплинарным и литературным принципам господствующей культуры. Они проповедовали единую идеологию чтения, завещанную такими мыслителями, как Фрэнсис Бэкон (5, р. 342) и Ральфо Уолдо Эмерсон (6, р. 78), развитую впоследствии (7 — 9) и отраженную в таких образцах, как антологии Мак Гаффи (10). Для библиотекарей это означало, что «хорошее» чтение ведет к «хорошему» социальному поведению, а «плохое» чтение к «плохому» социальному поведению, и несмотря на ряд разногласий по классификации отдельных произведений (научная и литературная системы, на которые они ориентировались, нередко давали

противоречивые указания), как только «хорошее» чтение попадало на библиотечные полки, библиотекари были уверены, что обеспечение доступа к нему и есть «нейтральное» обслуживание для американцев (11, р. 71-73).

Наглядной демонстрацией этой идеологии на конференции в Чикаго стала «Образцовая библиотека» — рекомендательный список из 5000 лучших книг для минимального фонда массовой библиотеки, составленный комитетом из авторитетных ученых-специалистов и библиотекарей с использованием заключений экспертов из новейшей периодики (12). Составители стремились уравновесить предметные категории. Например, 14% истории, 12% биографий, 15% беллетристики. Однако последнее резко контрастировало с показателями выдачи: в большинстве массовых библиотек коэффициент выдачи беллетристики неизменно составлял 75%. Это очень тревожило библиотекарей, и, чтобы помочь им преодолеть этот неприятный разрыв, Бюро образования США взяло на себя издание библиографии «Образцовой библиотеки» в виде Каталога библиотеки ALA. (13), создав таким образом государственный документ, который члены Конгресса могут бесплатно распространять в библиотеках своих избирательных округов.

Но руководство ALA уделило не слишком много времени обсуждению «наилучшего чтения» на конференции, полагая, что при должной настойчивости проблема со временем решится сама собой. В 1893 г. библиотекари были уверены, что, побуждая население читать качественную литературу, пользоваться надежной информацией о последних изданиях, библиотека будет неизбежно способствовать прогрессу и социальному порядку в стране. Дьюи называл это «библиотечной верой», идеологией библиотечного «духа». В конце века эта «вера» сформировала профессиональный менталитет, и руководство ALA не считало нужным особо обсуждать «наилучшее чтение» на конференции. Основное внимание было направлено на «максимальное большинство при минимальных затратах». Много лет Дьюи — в то время Директор Библиотеки штата Нью Йорк и в 1893 г. президент ALA — добивался внедрения во

2 Как и эта статья, работа Кена Карпенгера была осуществлена при поддержке Центра книги Библиотеки Конгресса. И обе они входят в работу по базовому планированию многоэтапного проекта, предварительного озаглавленного "История библиотек и библиотечного дела в Соединенных Штатах".

всех библиотеках страны таких централизованных систем как единая схема классификации и унифицированные предметные рубрики в целях совершенствования эффективности и экономичности библиотечного управления. Кроме того, он и его соратники убеждали коллег постоянно расширять контингент обслуживания американского населения, вовлекая иммигрантов, детей, женщин, деловые круги и инвалидов. В 1893 г. сторонники Дьюи играли решающую роль в ALA (14, р. 214-19).

Свидетельством приверженности ALA идее обслуживания «при минимальных затратах» стало предпочтительное внимание при организации конференций к сообщениям по конкретным вопросам библиотечной практики и управления, которые Бюро образования впоследствии опубликовало в виде «Руководства по библиотечной экономике» (15) — еще одного государственного документа, который члены Конгресса предоставляли начинающим библиотекарям бесплатно. В знак приверженности идее охвата «максимального большинства» ALA провела заседания в трех специализированных библиотечных секциях — вузовской по академическим библиотекам, издательской по организации выпуска библиотечных пособий типа Каталога ALA, и Ассоциации директоров библиотек штатов, которая непосредственно на заседании в Чикаго распалась на две новые секции — секцию законодательных библиотек и секцию библиотек штатов. В 1893 г. в библиотечной сфере уже просматривались признаки специализации, присущей другим новым профессиям Эры Прогресса (16-18).

Конференция 1893 г. также продемонстрировала «научное библиотечное дело», которое внедряли в библиотечной сфере Дьюи и его соратники на основе четырех компонентов: качества, опыта, института и авторитета. Под «качеством» я понимаю социодемографический профиль основной массы библиотечных специалистов конца XIX века в виде однородной группы WASP — представителей среднего класса, в основном высокообразованных мужчин и женщин с единым набором литературных и академических принципов и верой в могущество образования. Под «опытом» я понимаю методы комплектования, каталогизации и классификации (систематизации), справочной работы и выдачи, принятые в библиотеке. Под

«институтом» я понимаю ведение физического предприятия, его архитектуру, штаты и обслуживание. Хорошая библиотека, по мнению руководства ALA имеет сотрудников надлежащего качества с необходимым опытом для предоставления надежной информации, которая содержится в «наилучшем чтении», и навыками эффективного управления институтом и зданием, в котором все это происходит.

Но «авторитет» — это особый момент (19). Здесь я имею в виду полномочия, которыми господствующая культура наделяет определенные профессиональные группы — ученых, мыслителей, писателей и специалистов — в плане определения не только наилучшего чтения в своей области, но и принципов оценки всех новых изданий. В конце XIX века библиотекари определялись по качеству еще до выбора профессии. Затем в ходе профессиональной деятельности они постигали библиотечный опыт и управление либо на работе, либо в одной из немногих библиотечных школ. Однако за очень редкими исключениями они не допускались к определению «наилучшего чтения». Им надлежало только выбирать из того, что узаконили те, кого общество наделяло полномочиями ранее (20, 21).

По иронии судьбы формирование механизмов этого определения в начале XX века превратилось в стремительно развивающуюся индустрию, неуклонно захватывающую полномочия по определению наилучшего чтения. Со временем библиотекари безусловно «узнавали» хорошие книги, но с одним ограничением: это знание было конечным продуктом системы фильтрации, которую проводили поставщики системы — издательства США. Так например, в 1901 г. Компания Г.У. Уилсона из Миннеаполиса начала издавать Указатель для читателей по периодике, в первом выпуске которого было отражено 20 периодических изданий, в том числе Atlantic Monthly, Current Literature, Dial North и American Review, которые выпускали литературные авторитеты, гарантирующие исключительно качественный материал. Библиотеки немедленно подписались на Указатель для читателей и стали выписывать периодические издания строго по Указателю. С годами масштаб охвата Указателя изменялся медленно, и настало время, когда традиция из стимула превратилась в тормоз развития (22). В первом десятилетии XX века Уилсон стал выпускать и библиографии в по-

мощь библиотекаря при определении «наилучшего чтения», как например Каталог беллетристики и Детский каталог (23, 24). Как и Каталог ALA, Каталог беллетристики опирался на заключения внешних экспертов, особенно из литературных кругов Нью-Йорка и Бостона, рецензии которых помещались именно в тех периодических изданиях, которые были включены в указатели Уилсона. По тому же образцу создавался журнал Booklist — ежемесячное издание ALA, появившееся в 1905 г. главным образом как пособие по комплектованию для недостаточно квалифицированных сотрудников стремительно растущих малых массовых библиотек. В 1908 г. редакция Booklist была переведена в Мэдисон, штат Висконсин, где можно было привлечь к рецензированию новой литературы преподавательский состав Висконсинского Университета (25). Со временем в рецензирование включились и библиотекари, но их оценки, как правило, определялись критериями, приобретенными в студенческие годы.

В отличие от Booklist, Каталога ALA и Каталога беллетристики, Детский каталог формировался не по заключениям внешних авторитетов. Его содержание определяли, главным образом, библиотекари, что отразило демографическую особенность библиотечного дела в отличие от большинства других профессий. К 1920 г. 88% сотрудников американских библиотек составляли женщины. И мужчины, определявшие господствующую культуру в тогдашнем патриархальном обществе, без колебаний передали женщинам-библиотекарям полномочие выбора надлежащих материалов для детей, соответствующее их «природным» инстинктам. Их усилиями формировались фонды тысяч массовых библиотек по всей стране. Эти фонды послужили источниками для широко распространенных еженедельных часов детского рассказа. Они же обеспечивали основную материю на местах для внешкольного чтения (26, 27).

Практически одновременно с изданием первых каталогов и указателей Уилсона и деятельностью ALA по внедрению в библиотеках «научного библиотечного дела» по принципам девиза ALA, началась обширная благотворительная деятельность Эндрю Карнеги. С 1890 г. и до своей кончины в 1919 г. Карнеги пожертвовал 4.282.000 долларов на строительство

108 академических библиотек и 41 миллион долларов на строительство 1.679 массовых библиотек в 1.412 населенных пунктах Соединенных Штатов. Такие масштабы благотворительности породили конкуренцию населенных пунктов по организации библиотек; это способствовало и формированию климата безвозмездного дарения, привлекающего и других филантропов (28-30). В стране строились сотни библиотек, все стремились приобретать достойные книги, выписывать достойную периодику, формировать фонды по последнему слову библиотечной науки и обеспечивать максимально экономичное управление фондами специалистами надлежащего качества. К началу первой мировой войны в 1914 г. уже определилась сфера профессиональной компетенции американского библиотечного дела — независимо от вида библиотеки, библиотекари обеспечивают «наилучшее чтение для максимального большинства при минимальных затратах» через «нейтральное» обслуживание.

Эта сфера намного расширилась по сравнению с предшествующим поколением. Так, например, в 1901 году Чарльз Маккарти основал Законодательную справочную библиотеку, которая обеспечивала проведение исследований и подготовку законопроектов для законодателей штата Висконсин и полтора десятилетия спустя стала моделью для других штатов и всей страны (31). В конце XIX в. несколько богатых филантропов пожертвовали значительные средства на строительство и ведение частных научных библиотек для тех, кого, по их мнению, не могли устроить фонды большей части массовых и академических библиотек. В частности, в Чикаго на средства по завещаниям Уолтера Ньюберри и Джона Крерара были созданы крупные научные библиотеки — соответственно, гуманитарных и точных наук (32, 33). В 1919 г. Генри Хантингтон основал библиотеку в Сан Марино, шт. Калифорния, и безвозмездно передал в нее свою обширную коллекцию редких книг (34). В том же году на территории Стэнфордского университета открылась Гуверовская библиотека по проблемам войны, революции и мира (35).

Библиотечное дело развивалось и в других направлениях. В 1909 г. несколько директоров корпоративных библиотек, в том числе Дэниэл Нэш Хэнди, организовали Ассоциацию специа-

лизированных библиотек (SLA). Будучи директором Ассоциации страховых библиотек Бостона (ILAB), Хэнди адаптировал таблицу Десятичной классификации Дьюи к своим условиям и начал выпускать ILAB Bulletin — бюллетень литературы по страхованию от пожаров и противопожарной защите и профилактике. В качестве президента SLA в 1913 г. он стал инициатором проектов, в ходе которых были изданы Бюллетень информационной службы издательского дела и Указатель по промышленности — предшественник Указателя деловой периодики (оба издания Уилсона) (36,37).

В сфере высшего образования ряд колледжей преобразовались в университеты. К 1893 г. многие из них ввели аспирантуру, выборные системы, научные семинары и степени и программы для самостоятельного изучения. Представители новых профессий требовали от университетов профессиональных программ по своим интересам. И всем, естественно, были нужны библиотечные фонды. Поэтому академические библиотеки увеличивали часы работы, существенно расширяли фонды, вводили целевую выдачу учебных материалов повышенного спроса и совершенствовали системы каталогов и информационного обслуживания (38,39).

Но после вступления Соединенных Штатов 6 апреля 1917 г. в первую мировую войну на стороне союзников понятие нейтрального обслуживания практически исчезло. В массовых библиотеках выдавались печатные материалы Комитета общественной информации Джорджа Крееля и Программы сохранности продовольствия Герберта Гувера, а их здания использовались для всех видов помощи фронту, включая программы американизации для новых граждан. Военный библиотечный комитет ALA организовал библиотечное обслуживание в 36 учебных лагерях помощи фронту, в которые тысячи библиотек всех видов направляли книги и периодические издания, собранные для армии и флота. Многие библиотеки в тылу проводили чистку своих фондов по «Армейскому указателю» — реестру нежелательных прогерманских или пацифистских материалов для библиотек учебных лагерей. Однако при этом охотно принимали книги, которые один добровольный сборщик книг из Миннесоты охарактеризовал как «приличные, но не слишком умные» и игнорировали критику со стороны SLA относительно недо-

статка технических материалов в лагерных библиотеках. К концу войны беллетристика составляла 65% среднего фонда библиотеки учебного лагеря. И это при том, что в последнем выпуске Каталога ALA (1911 г.) массовым библиотекам рекомендовалось комплектовать не более 10,8% беллетристики (40,41).

Период между мировыми войнами, 1918-1945

Первая мировая война обозначила для американского библиотечного дела новый рубеж профессиональной идеологии чтения. Поскольку такой мощный авторитет как федеральное правительство допускал распространение в армии и флоте популярной литературы, которую всегда предпочитало подавляющее большинство посетителей библиотек, библиотекарям трудно было возражать. К тому же многие популярные материалы печатались выпусками в журналах (напр. Saturday Evening Post и Ladies Home Journal), которые комплектовались библиотеками в фондах периодики и отражались в выпусках Указателя для читателей или местных газетах, тесно связанных с местными элитами, из которых состояли библиотечные комитеты.

Таким образом, в 20-х гг. библиотекари в целом пришли к выводу, что «легкое» чтение, которое они порицали последние полвека, есть нечто среднее между «хорошим» и «плохим» и в общем «безвредно». Вышестоящий авторитет освободил их от добровольного обязательства гарантировать «наилучшее чтение», и таким образом сократилась добровольная нагрузка библиотекарей по «воспитанию вкусов населения». В предисловии к выпуску 1923 г. будущего Каталога беллетристики его составитель Коринн Бэйкон отмечала, что «это не 2.350 романов, которые считаются литературой, а 2.350 лучших романов для массовых библиотек. Это значит, — продолжает она, — что в список входят романы для высокообразованных и не очень образованных читателей, для тех, кто любит старые романы, и для тех, кто просто хочет следить за современной художественной литературой» (42, pp. ii-iii). Библиотекари продолжали проагандировать «наилучшее чтение» на основе заключений академических и литературных элит, но постепенно смещали акценты на «максимальное количество» и обслуживание «при минимальных затратах».

Однако при этом усложнилась модель работы массовой библиотеки. Библиотеки не отказались от приверженности к «наилучшему чтению», что показывает отбор литературы по их социально-экономической группе. Информированный гражданин мог по-прежнему найти «лучшие книги», приобретенные библиотекой по централизованной системе, фильтрующей политику комплектования, или воспользоваться советами библиотечного работника нового типа — «читательского консультанта», которому надлежит знать «хорошие книги» в фондах и через индивидуальное обслуживание удовлетворять индивидуальные потребности посетителей, указывая им соответствующие библиотечные материалы. Но кроме того, посетитель мог использовать развитую систему справочного обслуживания и справочных материалов с целью изучения необходимых фактов для приобретения знаний или принятия обоснованных решений по голосованию, строительству, изобретению, покупке (43, 44). Этот вид библиотечного обслуживания предпочитали посетители библиотеки Дэниэля Нэша Хэнди, его ожидали «серьезные» ученые в библиотеках Ньберри и Креера. А поскольку этот контингент имел более значительный политический, социальный и экономический вес, чем чернокожий подросток или читательница романов о любви, то информация, предоставляемая в справочных материалах или «читательскими консультантами», приобрела привилегированный характер. Таким образом библиотеки внесли свой вклад в зарождение общенационального движения продолженного образования (45).

«Развлекательное» чтение, наиболее распространенный вид в массовых библиотеках, отошло на второй план профессионального мышления и в результате практически исчезло из библиотечного обихода. В отчетах массовых библиотек по выдаче популярной литературы оно обычно скрывалось в общей массе под рубрикой «художественная литература», объединявшей Эдит Уортон и Э.Д.Э.Н. Саутворт, Генри Джеймса и Оливер Оптик. Постепенно ценность библиотечного обслуживания привязали к целевому контингенту. Обслуживание, нацеленное на совершенствование доступа к информации, нужной для ученых и преподавателей, ценилось выше, чем обслуживание, нацеленное на совершенствование доступа к информации

в материалах для чтения, нужной для домохозяек и детей. Разница ценностей отразилась в разнице заработной платы библиотекарей, обслуживающих эти контингенты.

В 1928 г. на средства от крупной субсидии Корпорации Карнеги в Чикагском университете была открыта Высшая библиотечная школа (GLS). В отличие от прочих библиотечных школ, которые готовили библиотекарей-практиков, GLS ориентировалась на исследовательскую работу и принимала только выпускников с гуманитарными дипломами. В то время университет был пионером «научного» обществоведения с использованием количественных методов. И затем на протяжении почти всего первого десятилетия нашего века преподавательский состав GLS опирался на политологию, социологию и просвещение, с преимущественным вниманием к научным исследованиям в области чтения (46). Однако база исследований имела определенный культурологический уклон. Под руководством Дугласа Уэллса, обществоведа из Колледжа образования, преподаватели GLS единодушно отрицали беллетристику, тем самым игнорируя сферу чтения большинства пользователей массовых библиотек страны (47-50). Первостепенное внимание уделялось внелитературной информации и особенно справочному обслуживанию. Но в 1932 г. деканом стал Луис Раунд Уилсон, и в 1930-х гг. GLS перешла от исследования чтения к изучению библиотечного управления и опыта.

В результате GLS не выполнила свои задачи. С одной стороны, она не решила проблемы, поставленные Хелен Хэйнс, которая открыто сетовала на «механицистскую, внелитературную позицию» послевоенной библиотечной практики. В своей работе Жизнь с книгами (1935), ставшей образцовым библиотечным учебником для двух последующих поколений, Хэйнс защищала средние литературные вкусы (51), на которые ориентировались массовые библиотеки и члены нового Клуба книги месяца (52). А с другой стороны, GLS не освоила результаты последних исследований процесса чтения. В 1938 г. Луиза Розенблатт опубликовала работу «Литература как поиск» — переловое исследование по заданию Комиссии массовой работы Ассоциации непрерывного образования. Она утверждала, что чтение это не

«пассивный процесс усвоения», а «форма интенсивной деятельности», а потому исследователи должны «выяснить, что происходит, когда конкретные люди с конкретными интересами и заботами участвуют в эмоциональной и интеллектуальной жизни» «через посредство» чтения (54, pp. vi, vii; 55, p. 182). Но в то время библиотекеды не могли применить ее выводы в привычном для них профессиональном мире. Они избрали другой путь. В Библиотечной литературе — указателе «новых книг, брошюр и периодики по библиотечной профессии» Компаний Уилсона — вообще не было рубрики Литература как поиск, и затем до конца века исследования чтения практически исчезли из профессионального обихода. Библиотекари отказались от изучения освоения населением материалов, полученных в библиотеках всех видов, и продолжали уделять основное внимание совершенствованию профессионального опыта и управления, придерживаясь библиотечной веры в принципы высокой культуры, практически неизменные во времени.

Итак, после первой мировой войны изменилась идеология чтения по принципу «наилучшего чтения для максимального большинства при минимальных затратах», и в 1920-х гг. модель библиотечного обслуживания населения уже включала обеспечение «полезной» (то есть, привилегированной) информацией через справочное обслуживание; новым толчком к расширению профессиональных обязанностей библиотечного сообщества страны стали события 1930-х гг. в Европе. Когда на страницах американских газет появились снимки и репортажи о сожжении книг в нацистской Германии, библиотекари задумались о своей роли в отношении свободы мысли. И в 1939 г., через год после создания «Закона о правах библиотеки» в Публичной библиотеке Де Мойна (шт. Айова), ALA приняла аналогичный документ, обзаведя обязательности библиотеки по защите свободы мысли и противодействию цензуре и тем самым, по крайней мере формально, определивший защиту свободы мысли как профессиональный императив (56, 57). При этом новый Закон о правах библиотеки имел благоприятный побочный эффект — избавление от давления органов культуры по всей стране в защиту популярной литературы, поскольку защита свободы мысли для специалистов важнее; а

значит, библиотекарям уже не нужно читать новые исследования чтения, отражающие реальную практику и динамику чтения и разнообразные пути поиска материалов для чтения посетителями библиотек.

В начале второй мировой войны в Европе в сентябре 1939 г. Соединенные Штаты еще завершали выход из Великой Депрессии, в ходе которой американским библиотекам пришлось удовлетворять повышенный спрос на обслуживание и фонды при резком сокращении финансирования. Но библиотекари проявили немало изобретательности в этих обстоятельствах. К концу десятилетия удалось осуществить строительство 350 новых библиотек по программам федеральных работ, ремонт и переплет тысяч книг, подготовку справочных материалов — в частности, газетных указателей и библиографий, по другим программам занятости для студентов и молодежи (7.000 человек в 1938 г.), и обеспечить финансирование демонстрационных проектов сельских библиотек в целях стимулирования организации новых и поддержки существующих библиотечных учреждений в сельских местностях. К декабрю 1941 г., когда Соединенные Штаты вступили в войну, в результате умелого использования политики федерального правительства половина прироста расходов библиотечной системы страны покрывалась субсидиями Управления работ (58, 59). Однако с момента вступления в войну все национальное библиотечное сообщество перешло на обслуживание действующей армии (60).

В первой половине XX века в Соединенных Штатах возникло несколько национальных библиотек. Под руководством Герберта Патнэма (1899-1939) Библиотека Конгресса внедрила в стране централизованную каталогизацию, применяя новую практику в своих фондах, стремительно растущих главным образом за счет обязательного экземпляра. В начале своего пребывания в должности Патнэм создал карточный каталог с коллектором, впоследствии преобразованный в Национальный сводный каталог. При Арчибальде Макклише, который стал директором в 1939 г., Библиотека Конгресса стала национальной по сути, хотя и не по наименованию (61-63). Ее примеру последовали другие федеральные библиотеки. В 1934 г. создан Национальный Архив для хранения и предоставления документов федерального прави-

тельства (64). В 1950-х гг. Военная медицинская библиотека была преобразована в Национальную библиотеку медицины, а отдел сельского хозяйства в Национальную сельскохозяйственную библиотеку (65, 66).

Послевоенная экспансия, 1945-1956

В 1948 г. Корпорация Карнеги финансировала «Исследование массовых библиотек» (PLI) в целях основательного пересмотра задач массовой библиотеки и особенно лежащей в их основе «библиотечной веры». Проектом руководил Роберт Д. Ли с факультета политологии Чикагского университета, и по итогам было опубликовано семь книг и пять докладов. Среди первых были такие этапные работы как Мас-совая библиотека в политическом процессе Оливера Гарсо (67), Библиотечный контингент Бернарда Берелсона (68) и Сотрудник массовой библиотеки Элис Брайан (69) — все в Издательстве Колумбийского университета. Авторы утверждали, что массовые библиотеки должны прекратить поставлять популярное чтение широким слоям населения и направить «библиотечную веру» на формирование «гражданского» института для приоритетного удовлетворения информационных потребностей узкого, но влиятельного контингента «серьезных» читателей, местных лидеров и участников системы продолженного образования. Подобно исследователям GLS в 1930-х гг., участники PLI отрицали массовое чтение и стремились лишить его монополии на систематическое библиотечное обслуживание. Их исследования практически не оказали непосредственного эффекта на практику работы массовой библиотеки. Одни библиотекари игнорировали рекомендации, другие критиковали PLI за отсутствие учета информационных и читательских потребностей менее защищенных групп, например детей, а третьи искали методические погрешности (70, 71).

Традиционная библиотечная система поддерживалась рядом факторов. Опора на Закон о правах библиотеки при определении профессиональных обязанностей вывела библиотеки и библиотекарей в центр внимания страны, когда сенатор Джозеф Маккарти обвинил ряд учреждений культуры в распространении коммунизма. Из опасения лишиться работы или по причине согласия с идеями Маккарти одни доб-

ровольно выводили из фондов сомнительные материалы, а другие вообще их не приобретали. Участница исследования Комитета по свободе мысли Калифорнийской библиотечной ассоциации Марджори Фиске отмечала, что хотя библиотекари «недвусмысленно высказывались в защиту свободы чтения», две трети опрошенных библиотечных комплектаторов «указали, что принимали решение не приобретать материалы в случаях сомнений относительно книги или автора». Более того, «почти каждый пятый» опрошенный библиотечный «как правило не приобретал заведомо или потенциально сомнительные материалы». Данные показывают, что подобным образом поступали библиотекари и в других штатах.

Однако Маккарти и его сторонники нередко получали отпор на основе Закона о правах библиотеки. В ответ на требование комитета Сената запретить «аморальные книги» Комитет по свободе мысли Американской библиотечной ассоциации (учрежденной в 1940 г.) совместно с Советом американских книгоиздателей провел в мае 1953 г. конференцию, по итогам которой было опубликовано заявление «Свобода чтения». Месяц спустя президент Дуайт Д. Эйзенхауэр просил старшекурсников Дартмутского Колледжа «смело ходить в библиотеку и читать любую книгу». В конце того же месяца президент ALA Роберт Даун зачитал письмо Эйзенхауэра на конференции ALA и обратился к библиотекарям с призывом не допустить сожжения книг (57, pp. 77-79).

Существенные изменения произошли в послевоенные годы и в академических библиотеках. Во всех университетах страны появились бывшие фронтовики, и эти новые студенты предъявляли новые требования к библиотечному обслуживанию. Кроме того, университетские специалисты (особенно в области точных наук) желали получить свою долю государственных и промышленных ассигнований на НИР в общественном секторе и нередко заключали соглашения о проведении НИР с деловыми и промышленными кругами Америки (73). В связи с таким повышенным спросом и новыми возможностями, академические библиотеки разработали программы долевого комплектования редких, уникальных и дорогостоящих материалов, и в частности План Фармингтона (1948 г.), предусматривающий как

минимум один обязательный экземпляр каждой новой научной иностранной книги для каждой пятидесятой университетской библиотеки с обязательным отражением (с указанием местонахождения) в новом издании Национального сводного каталога Библиотеки Конгресса. За первые 25 лет реализации плана библиотеки-участницы получили 11 млн единиц, в том числе по МБА, который ALA переработала на основе системы 1917 г. (74, 75). Практически повсеместный рост всех академических библиотек в 1950-х-1960-х гг. во многих случаях сопровождался рекаталогизацией, изменениями в систематизации и расширением фондов.

Так, например, при назначении в 1944 г. нового директора Лоренса Пауэлла Кларка Библиотечная система UCLA имела фонд в 462.327 томов, бюджет комплектования в \$50.000, пятьдесят штатных сотрудников и ни одного филиала. Книгообращаемость в том году составила 300.000 единиц, а выдача по МБА на несколько заглавий больше, чем поступления. Когда в 1961 г. Пауэлл покинул свой пост, фонды библиотечной системы UCLA насчитывали 1.568.565 томов, из них 105.995 приобретенных за предшествующий год. Пауэлл руководил системой с бюджетом комплектования в \$381.650 и штатом из 220 сотрудников при 16 филиалах. Книгообращаемость в 1960-61-х гг. составила 1.593.204 единиц, с поступлениями по МБА в 2.619 единиц и выдачей 9.185. Пауэлл к тому же принадлежал к новому типу библиотечных руководителей. Гуманитарий в душе (доктор филологии по специальности американская литература), он считал, что «книги это основа» библиотечного дела и для эффективной профессиональной деятельности библиотекари должны быть читателями. В этом его поддерживала значительная часть библиотечного сообщества страны (76). Однако «фундаменталистская» позиция Пауэлла по вопросу о значении книги неоднократно подвергалась резкой критике, в частности со стороны Джесс Шеры, декана Школы библиотекотведения западного заповедника (77).

В начале 1950-х гг. Шера выступал за контакты библиотечной системы с группой ученых, сформированной еще в годы второй мировой войны, когда федеральное правительство учредило Управление научных исследований и разработок в целях ускорения помощи фронту. Его директор Ваневар Буш возглавлял коллек-

тив из 6.000 ученых, которых преимущественно интересовала проблема стремительного роста научно-технической информации. Буш предсказывал, что послевоенная Америка использует в мирных целях научную энергию, выработанную в ходе помощи фронту. При этом он понимал потенциал новых технологий в совершенствовании библиографического учета этой непомерно растущей литературы. Его прогнозы оправдались. В 1950 г. Конгресс утвердил создание коллектора научно-технической информации, а после запуска в Советском Союзе в 1957 г. спутника — события, подтолкнувшего федеральное правительство на финансирование комплектования многих видов библиотек, — «президентский Консультативный комитет по науке опубликовал доклад о состоянии научно-технической информации в Соединенных Штатах, не оставивший никаких сомнений относительно причин отставания страны в космической гонке (78).

К тому времени сформировалась определенная Бушем «научная информация», достойная федеральных вливаний и в основных сферах науки, где ощущалась неудовлетворенность традиционными библиотеками, стали создаваться центры научной информации и собственные индексационные и реферативные службы для ускорения поиска необходимой информации. Так зародилась послевоенная «информатика», которая быстро слилась с деятельностью в области «научной информации» по медицине и объединилась с военной и политической разведкой (79). Вполне естественно, что информатика 1950-х-1960-х годов, задуманная мощной группой профессиональных специалистов с прочной поддержкой, нацеленной на обслуживание непосредственных информационных потребностей других групп с прочной поддержкой, желавших сохранить или усилить свое влияние, выдвинула приоритет научной информации, особенно в противовес культурной. Однако при более внимательном рассмотрении совершенно очевидно, что новоиспеченная информатика выросла из традиционного библиотечного справочного обслуживания. Оно было преобразовано специалистами по информатике, прежде всего за счет введения уникальных языков конкретных профессиональных обиходов и проектирования индивидуальных систем контро-

ля доступа к обиходам ряда привилегированных литератур в целях обслуживания конкретных информационных потребностей отдельных контингентов, обладающих политической или экономической силой.

Влияние федерального субсидирования, 1956-1965

В конце 1950-х гг. предоставление федеральных субсидий всем секторам библиотечного сообщества оказало существенное влияние на американские библиотеки. В 1956 г. президент Эйзенхауэр неохотно подписал Закон о библиотечном обслуживании (LSA) — первый федеральный законодательный акт о субсидировании некоторых видов библиотечного обслуживания. Этот закон попал к нему на стол только благодаря тому, что группа директоров главных библиотек штатов с Юга сумела убедить своих представителей в Конгрессе и Сенате (многие из которых возглавляли ключевые комитеты Конгресса), что принятие закона не ограничит права штатов, поскольку распределением средств будут заниматься библиотечные учреждения штатов (80).

Система библиотечных учреждений штатов имеет уникальную и богатую историю. Некоторые из них были основаны еще в XIX в., но большинство в сущности возникло только в начале XX в., когда многие штаты учредили библиотечные комиссии в целях развития массовых библиотек. После первой мировой войны многие библиотечные комиссии и библиотеки штатов объединились, и к началу второй мировой войны такие объединенные учреждения обеспечивали самое разнообразное обслуживание, включая справочное обслуживание законодательных органов и передвижные библиотеки в отдаленных районах. Одни опирались на традицию научной библиотеки (Калифорния и Нью-Йорк); другие выполняли функции центра системы массовых библиотек штата и обеспечивали МБА и передвижные выставки в массовых городских и окружных библиотеках. Новым источником энергии стали для библиотечных учреждений штатов субсидии по LSA, которые многие использовали для приобретения библиобусов, обслуживающих отдаленные районы штатов, прежде практически не знавшие библиотек. Естественно, что эти библиобусы — которыми зачастую распоряжалось непосредственно библиотечное учреждение

штата или вновь созданная окружная или региональная библиотечная система — комплектовались в соответствии с таким признанным рекомендациям как Каталог беллетристики, Каталог массовой библиотеки и Детский каталог (81). Библиобус стал еще одним примером приверженности библиотечного сообщества принципу «наилучшего чтения для максимального большинства при минимальных затратах».

Федеральное субсидирование оказало существенное влияние и на развитие школьных библиотек — преимущественно феномена XX века. На рубеже веков многие новые начальные и средние школы заключали с местными массовыми библиотеками соглашения по обслуживанию внеклассного и самостоятельного чтения своих учеников. Однако в конце первой мировой войны Национальная ассоциация просвещения (NEA) выступила за прямой контроль фондов школьных библиотек; предлагая создавать отдельные библиотеки с ориентацией комплектования, штатов и организации через школьную систему на учителей и учеников, исключительно по школьной программе. В 1920-х гг. NEA разработала стандарты для библиотек начальных и средних школ, а вскоре после этого правительства некоторых штатов и населенных пунктов начали субсидировать школьные библиотеки, издавать справочники школьных библиотек и выпускать рекомендательные списки литературы. В период Великой Депрессии этот рост был приостановлен, но сразу после войны школьные библиотеки стали приобретать учебные материалы на безбумажных носителях, а многие быстро реорганизовались в «центры учебных материалов» или «центры школьных библиотек и средств информации». Затем в 1960-х гг. появились законодательные акты Большого общества Линдона Джонсона, в том числе Закон о библиотечном обслуживании и строительстве (1964, 1965), Закон о высшем образовании (1965) и — особенно важный для школьных библиотек — Закон о начальном и среднем образовании (1965). За счет субсидирования по всем этим трем законам число библиотек в государственных школах возросло с 50% от общего числа библиотек в 1958 г. (40.000) до 93% в 1985 г. (74.000). При этом средний объем библиотечных фондов в государственных школах увеличился с 2.972 в 1958 г. до 8.466 в 1985 г. (82-85).

Формирование библиотечной сферы. 1965-1990

К тому времени, когда в 1960-х гг. федеральное правительство начало стимулировать развитие библиотек путем значительных финансовых вливаний, эта сфера была достаточно сформирована. ALA по-прежнему функционировала в качестве национального рупора, но в связи с ростом числа специализированных контингентов обслуживания и числа обслуживающих их сотрудников специализированных библиотек возникли новые группы — Ассоциация медицинских библиотек (1898), Американская ассоциация юридических библиотек (1906), Ассоциация специализированных библиотек (1909), Ассоциация католических библиотек (1921), Ассоциация музыкальных библиотек (1931), Ассоциация научных библиотек (1932), Общество американских архивистов (1936), Ассоциация театраль-ных библиотек (1937) и Американская ассоциация теологических библиотек (1947). В 1967 г. Американский институт документации (1937) был переименован в Американское общество информатики (ASIS), отчасти чтобы узаконить права этой стремительно развивающейся профессиональной области, а отчасти чтобы объединить ученых, исследователей, документалистов и библиографов, разделяющих интерес к этой новой сфере, называемой «информатика».

Значительно богаче и разнообразнее стала библиотечная пресса, главным образом отвечающая практическим потребностям профессии, особенно по комплектованию и оперативной справочной информации. В середине века ALA прекратила издание собственного Каталога, но продолжала выпускать Booklist. Его по-прежнему выписывали большинство массовых библиотек. Многочисленные отделения, секции и круглые столы ALA стали издавать собственные журналы, и в некоторых из них публиковались прикладные исследования по совершенствованию библиотечного обслуживания и управления, в том числе в RQ (Reference Quarterly) Отделения справочной работы и обслуживания взрослых (в настоящее время Reference and User Services Quarterly), Top of the News Американской ассоциации сотрудников школьных библиотек (в настоящее время Journal of Youth Services in Libraries), LRTS Ассоциации библиотечных фондов и технических отделов и College and Research Libraries Ассоциации вузовских и

научных библиотек. Последняя также издавала журнал Choice — ежемесячный рекомендательный список книг для академических библиотек. Широко использовалась подписка и комплектование новых поступлений по более полному каталогу Книги для вузовских библиотек, который впервые вышел в 1967 г. Общество американских архивистов в 1937 г. начало издавать American Archivist, а ASIS в 1970 г. переименовала свой журнал American Documentation (1950) в Journal of the American Society for Information Science (JASIS).

Компания Г.У. Уилсона продолжала издавать Указатель для читателей, но теперь с приложениями, в которые вошли Краткий указатель для читателей, Указатель по гуманитарным наукам, Указатель по общественным наукам и Указатель по прикладным наукам и технологиям. Компания продолжала выпускать Каталог беллетристики и Детский каталог, а в 1930-х гг. начала выпуск переработанного библиографического пособия Каталог массовых библиотек. Все они, наряду с Каталогом для старших школьников и Каталогом для выпускных классов, издавались раз в пять лет с ежегодными приложениями по новым поступлениям. Библиотеки в отдельных секторах библиотечного мира обычно ждали выхода этих указателей и сверяли по ним состав своих фондов. Исходя из этого принимались решения о комплектовании отсутствующих в фондах произведений или о выводе имеющихся, но не включенных в указатели. Компания R.R. Bowker, издательства Scarecrow Press и Компания Уилсона (в частности) также публиковали множество монографий, преимущественно по проблемам библиотечной практики. И все издательства XX века выпускали сотни справочных изданий, нацеленных на совершенствование базового библиотечного обслуживания. Наиболее используемые (например, Statistical Abstracts, Oxford Companion to American Literature) имелись в справочных фондах практически всех библиотек; менее используемые (например, Bibliography on Historical Organization Practices (1973), Guide to Private Manuscript Collections in the North Carolina State Archives (1981)) приобретали в основном наиболее состоятельные комплексные крупные учреждения. Таким образом, основной объем библиотечной литературы и библиотечных исследований касался вопросов библиотечного опыта и управления. Даже такой научный журнал, как Library Quarterly,

который с 1931 г. выпускало Издательство Колумбийского университета для GLS, в основном следовал этому образцу. Подавляющее большинство библиографических указателей, нацеленных на выявление «наилучшего чтения», продолжало опираться на сложную систему, созданную на рубеже веков для определения «качественного» материала. Коллеги-рецензенты в журналах и университетских издательствах, авторитетные литературные журналы и издательские дома совместно оценивали новые материалы и формировали единую иерархию классификации для всех прочих. Следуя их указаниям, библиотекари производили отбор в предварительно ограниченных рамках (86).

Выпускники библиотечных школ 1960-х гг. практически не имели оснований подвергать сомнению оценки этих внешних авторитетов. Они были продуктами модели библиотечного образования, преобразованной из цеховой системы XIX века в программу обучения, а в 1920-х гг. привязанной либо к крупной массовой библиотеке, либо в качестве студенческой программы к университету и только после 1950 г. сформированной как программа профессионального обучения в университетской школе. В первой половине века на вступительных экзаменах в библиотечные школы проверяли знание абитуриентами текущих событий, «высокой» литературы и политической (главным образом западной) истории. Во второй половине века от поступающих в библиотечную школу обычно требовалось наличие гуманитарного диплома аккредитованного учебного заведения, где ученые-специалисты уже преподавали им «наилучшее чтение». Поскольку обычным условием приема в библиотечные школы была хорошая успеваемость (напр. проходной балл 2,75 по 4-балльной шкале), существовала определенная уверенность в том, что по «качеству» студенты нового набора не будут отличаться от своих предшественников (87, 88, 46). После поступления в библиотечную школу они проходили базовую программу, обычно включающую каталогизацию и систематизацию, справочную работу, управление, комплектование, а нередко и смежный курс «Библиотека в обществе». Первые четыре предмета касались учреждения и опыта; последний предназначался для социализации студентов в «библиотечном духе» и внедрения «библиотечной веры» через прославленные библиотеки как института.

В значительной степени это прославление отразилось в литературе по истории библиотек, за редкими исключениями — например «Основы массовой библиотеки» Джесс Шеры (89) и «Нью-Йоркская Публичная Библиотека: История» Филлис Дэйн (90) — лишенной критического анализа, необходимого для оценки достоверности библиотечной веры. Модель прославления впервые поставил под сомнение Майкл Харрис, который в начале 1970-х гг. экстраполировал выводы новых подходов в истории образования на историю возникновения Бостонской публичной библиотеки (91). Харрис утверждал, что ее основатели — представители первых семейств Бостона — создавали это учреждение прежде всего для контроля за новыми жителями города, особенно ирландцами. Его выводы не только подрывали основы библиотечной веры, но и отвечали духу времени. ALA только что пережила бунт сотен своих юных членов, усмотревших в принципе «нейтральности», который пропагандировали ветераны библиотечного дела, уловку для нерешения проблемы неравенства в библиотечной практике, связанного с расизмом, сексизмом и гомофобией, обоснование непротиводействия правительству, продолжающему несправедливую войну в Юго-Восточной Азии, и механизм ужесточения Закона о правах библиотеки, препятствующий его эффективному использованию в борьбе за альтернативные подходы к библиотечным фондам (86). После проведения в 1969 г. Круглого стола по социальным обязательствам бунтари завоевали ALA, а после публикации в 1973 г. статьи Харриса а затем и других «ревизионистских» работ (92, 93) обрели историю, оправдывавшую их действия. Все последующее десятилетие читатели литературы по истории американских библиотек достаточно упрощенно делили все новые публикации на про- и антиХаррисовские.

Но для библиотекарей-практиков качество исследований в области истории американских библиотек было далеко не столь важно, как библиотечная практика. В конце второй мировой войны немногие библиотечные администраторы применяли принципы управления. Однако в последующие десятилетия в литературе по библиотечному управлению неоднократно цитировались такие теоретики как Питер Друкер, Крис Арджирис и Дуглас Мак Грегор. В 1970 г. Ассоциация научных библиотек учре-

дила Ведомство управленческих исследований для совершенствования библиотечного управления через такие инициативы, как Проект исследования и анализа управления, Программа развития академических библиотек и Проект подготовки консультантов (94). Под руководством Генриетты Аврам в Библиотеке Конгресса был разработан стандартный формат машиночитаемых библиографических описаний под наименованием MARC (machine-readable cataloging) сначала для книг, а затем для продолжающихся и прочих видов изданий (95). В 1967 г. Вузовская ассоциация Огайо основала Вузовский библиотечный центр Огайо. Под руководством Фредерика Килгура за десять лет с небольшим этот центр превратился из местной вузовской сети в национальный библиографический орган именуемый OCLC (компания Компьютерный интерактивный библиотечный центр). OCLC использовал описания МАКС, принятые во многих библиотеках, и к 1990 г. тысячи библиотек по всему миру пользовались его базой данных для сводной каталогизации. В Соединенных Штатах тысячи библиотек всех видов вводили общедоступные интерактивные каталоги, внедряли автоматизированные пакеты абонемента и включали продукты CD-ROM в базовое библиотечное обслуживание (96, 97).

Более осязаемое влияние оказали на мир публичных библиотек другие факторы. После массового бегства белого населения из городов в 1960-х гг. показатели выдачи в массовых библиотеках снизились — в крупных городах до 16%. Поскольку оставшихся печатные фонды библиотек интересовали далеко не в той степени, как уехавших, библиотекарям пришлось изменить традиционные формы работы и искать иные пути обслуживания нового комплекса информационных потребностей (98). Одним из подходов стал информационно-справочный (I & R), наиболее ярко выразившийся в Программе ТПР (Информационный пункт) Детройтской публичной библиотеки 1971 г. Библиотекари подготовили системы карточных каталогов по общественным и окружным организациям с указанием видов обслуживания, часов работы, адресов, номеров телефонов и сотрудников. Многие такие каталоги были затем преобразованы в машиночитаемые базы данных. Библиотеки использовали самые разнообразные подходы. Один из подходов в новых условиях предус-

матривал создание федеральных библиотечных систем с объединением отдельных библиотек на добровольных началах для совместной покупки материалов и ведения I & R. Ускорению этого процесса способствовали новые возможности по совершенствованию электронной обработки данных. В результате другого подхода возникли и очень успешно работали окружные библиотечные системы, особенно в округах Броуард (Флорида), Хеннепин (Миннесота) и Монтгомери (Мэриленд) (99). Все эти достижения были отражены в рекомендательном документе Ассоциации публичных библиотек ALA 1979 г. Цель публичной библиотеки и мотивация ее деятельности по обслуживанию. Публичные библиотеки должны отказаться от задачи повышения культуры, — говорилось в этом документе, — и стать образовательными, культурными, информационными и реабилитационными учреждениями, используя нетрадиционные пути распространения и обработки многокультурного наследия обслуживаемых континентов (100).

В некоторых сферах библиотечного мира разработка новых перспектив дала неоднозначные результаты, что можно видеть на примере работы Совета по библиотечным ресурсам (ныне именуемого Совет по библиотечно-информационным ресурсам), учрежденного в 1956 г. на субсидию Фонда Форда для содействия исследованиям, могущим способствовать совершенствованию библиотечных фондов и обслуживания. В частности, в конце 1960-х гг. Совет выделил миллионы долларов на Экспериментальный проект передачи информации (INTREX) MIT (Массачусетского технологического института) — в то время крупнейший невоенный информационный исследовательский проект по созданию научной библиотеки будущего [101]. Поскольку изначально авторами проекта были инженеры, определявшие приоритетную информацию по своим потребностям, так и не удалось создать модель универсальной научной библиотеки, на которую были выделены средства. Тем не менее, в 1986 г. совет сформировал Комиссию по сохранности и доступу, выпустил очень удачный фильм о разрушении кислотной бумаги под заголовком «Незримые пожары» и взаимодействовал с учреждениями высшего образования и научными организациями (например Программа хрупкой книги Национального фонда поддержки гуманитарных наук) в привлечении внимания

к проблеме материалов в фондах большинства библиотек. В 1990 г. федеральное правительство приняло постановление, предусматривающее использование щелочной бумаги в правительственных изданиях (102).

Компьютерный поиск справочных документов начал применяться в конце 1950-х гг., а в середине 1960-х гг. специализированные библиотеки в государственной сфере и в промышленности широко использовали интерактивный поиск. Так, например, в 1971 г. Национальная библиотека медицины преобразовала Index Medicus — печатную систему поиска информации, которую ввел в 1870 г. генерал медицинской службы Джон Шоу Биллингс — в MEDLARS (Аналитико-поисковая система по медицинской литературе) — компьютерную библиографическую систему с доступом через MEDLINE (интерактивная MEDLARS) (103).

Примерно в то же время Агентство передовых исследований Министерства обороны создало компьютерную сеть. Несколько лет спустя при поддержке федерального правительства была проведена программа создания протоколов обмена для интеграции многочисленных уникальных сетей, и так зародилась Интернет. В 1980-х гг. Национальный фонд науки (NFS) финансировал основную часть исследований по подключению ряда университетов и НИИ через сеть NFS к суперкомпьютерам на базе NSF. Федеральное правительство откликнулось на эту новую «возможность», в частности, созданием в 1991 г. Национальной сети исследований и образования (NREN). В преддверии NREN Ассоциация научных библиотек, Ассоциация по управлению информацией и технологией в высшем образовании и EDUCOM (Консорциум колледжей и университетов по организации сетей) в 1990 г. создали Коалицию по сетевой информации для поддержки науки через совершенствование доступа к сетевым источникам информации (99). Работа преимущественно велась в рамках программы Национальной информационной инфраструктуры, начатой по инициативе администрации Клинтона и действующей на момент написания этой статьи. Очень впечатляют последние достижения по включению перспективных сетей в регулярное библиотечное обслуживание, однако следует помнить, что эти сети могут обрабатывать не все виды информации и охватывают не все формы культуры.

Оценка настоящего: узкий взгляд и белые пятна

Итак, в настоящее время мы стоим на рубеже одного века и готовимся вступить в следующий. Какие ориентиры дает нам современная литература по истории американских библиотек XX века? С одной стороны, меня радуют последние достижения американской библиотечной истории, постепенно обретающей богатство анализа и глубину контекста. Такие работы, как «Великая библиотека нации: Герберт Патнэм и Библиотека Конгресса, 1899-1939» Джейн Э. Розенберг (62), «Поборницы культуры: Женщины-библиотекари на Американском Западе, 1900-1917» Джоан Э. Пассет (104), «Хорошие книги в загородном доме: Массовая библиотека как культурная сила в Хаггерстауне, шт. Мэриленд, 1878-1920» Динны Б. Маркам (105), «Открыты для всех: Библиотеки Карнеги и американская культура, 1890-1920» Абилай Ван Слик (29) и «Цензура и американская библиотека: Реакция Американской Библиотечной Ассоциации на угрозы свободе мысли, 1939-1969» Луизы С. Роббинс (57), и такие журналы, как *Libraries & Culture* и *Library Quarterly* с их превосходными редакторами, Дональдом Дж. Дэвисом и Джоном Б. Ричардсоном мл., позволяют надеяться на хорошие перспективы.

Однако с другой стороны, меня тревожит масштаб предстоящей задачи. С моей точки зрения, она непомерно велика для нынешнего числа исследователей в этой области, а тематика исследований практически ограничена биографиями, библиотечным опытом и крупными библиотечными учреждениями при отсутствии анализа значения фондов и обслуживания для пользователей библиотек и путей освоения ими этих фондов и обслуживания. Особенно тревожно, что за немногими исключениями мы уделяем недостаточно внимания оценке значения таких пособий, как *Booklist* и *Choice*, для формирования принципов и роли библиотек в повседневной жизни женщин, детей, американцев африканского, испанского и азиатского происхождения, рабочих. Все это белые пятна.

И по отдельным видам библиотек знакомство с литературой по американской библиотечной истории показывает серьезные качественные и количественные недостатки. Так, например, в 1990 г. в Соединенных Штатах было 75.000 школ и 4.600 академических библиотек, но при этом

нет ни исчерпывающей критической истории, ни хотя бы массива достоверных данных в помощь определению их разнообразных ролей и оценке их значения для миллионов студентов и преподавателей, которые пользовались их услугами и фондами в XX веке. Каким же образом школьные и академические библиотечные сообщества могут вырабатывать политику и планировать будущее без знания того, что они сделали хорошо, а что плохо в прошлом? В 1990 г. каждый штат Америки имел как минимум одно библиотечное учреждение, которое на протяжении большей части второй половины XX века тратило миллионы долларов на совершенствование библиотечного обслуживания, но при этом нет ни исчерпывающей критической истории библиотечных учреждений штатов, ни хотя бы массива достоверных данных в помощь определению их разнообразных ролей и оценке их значения для миллионов граждан, связанных с этими долларами. Опять белые пятна.

Но еще более меня беспокоит сфера компетенции публичных библиотек и прежних специализированных библиотек, теперь чаще именуемых информационными агентствами. Начну с последних. Здесь, на мой взгляд, развивается традиционная модель справочного обслуживания, которое обеспечивали американские библиотеки на протяжении большей части этого века (106). При этом преимущественное внимание уделяется тем видам информации, которые представляют интерес для деловых, промышленных и правительственных кругов, отчасти в связи с тем, что все они вкладывают крупные денежные суммы в проектирование более совершенных систем. Однако из дискурса в этой области исключены вопросы связей между властью и знанием, которые с позиций теории рассматривают Мишель Фуко (107), Антонио Грамши (108) и Юрген Габермас (109), а с позиций философии науки — Хелен Лонгино (110), Маргарет Джейкоб (111) и Сандра Хардинг (112), единодушно указывая, что эта связь никогда не бывает вполне объективной и всегда небескорыстна. Для подтверждения своих рассуждений я просмотрел 3.200 ссылок в ста «научных» статьях из JASIS за 1991 и 1995 гг. Ни разу не упомянуты вышеназванные теоретики и лишь пару раз — Умберто Эко и Хилари Патнем. Это, пусть не строго научное, исследование, создает впечатление о профессии в плену формаций собственного дискурса, где все преимуще-

ственно заняты общением между собой и не видят или не желают видеть связи между властью и знанием, затрагивающей вопросы расы, класса, возраста и пола. Возникает также впечатление о профессии, которую больше интересуют процесс и структура, чем люди. Узкий взгляд и белые пятна.

Этим же, на мой взгляд, объясняется причина полной несостоятельности современной «информатики» в построении модели «личной информационной экономики» (113) с тем, чтобы люди любого пола, класса, возраста, этнической принадлежности, вероисповедания и сексуальной ориентации могли посмотреть, какую информацию они получают из всех видов печатных материалов, таких форм культуры как музыка, кино, изобразительное искусство и ТВ, от соседей, школы, церкви, библиотек, правительства, друзей, семьи, и даже от компьютеров, а затем проанализировать, как они осваивают эту информацию в своей повседневной деятельности по осмыслению окружающего мира (114). Очень жаль, что за сравнительно редкими исключениями (115-119) исследователи в области библиотечного дела и информатики не привлекали критическую литературу, которая могла бы помочь при разработке моделей «личной информационной экономики», и что — цитируя диссертацию 1973 г. моего коллеги Дуга Цвейцига — наша профессия слишком долго «рассматривала пользователя в жизни библиотеки, а не библиотеку в жизни пользователя» (120, р. 15). Его замечание по-прежнему верно. В «информатике» конца XX в. область исследований определяется базовой технологией. Как и обычная справочная работа, она опирается на «опыт», а не на «авторитет», и, пока человеческая «информационная экономика» не требует применения конкретных технологий в рамках культуры, в которой люди живут, современный дискурс «информатики» не видит ни их, ни их культуры, в основном потому, что не желает видеть. И очень жаль, что современная история американской библиотечно-библиотечной сферы не позволяет рассчитывать на благоприятные перспективы в этом отношении.

Именно такой подтекст я усматриваю в горьких сетованиях лауреата премии Пулицера историка Леона Литвака на приоритеты библиотечной системы в его родном филиале Калифорнийского университета в Беркли. «В нашем жадном стремлении к внедрению новых информаци-

ных технологий, — писал он в номере California Monthly за февраль 1998 г. — отсутствует понимание необходимости равновесия, практически отсутствует осознание того, что разные научные дисциплины имеют разные потребности и не все они удовлетворяются новой технологией. А мы хватаемся за эту технологию не глядя, не думая о расходах, эксплуатации, надежности и ценности» (121, р. 12). Узкий взгляд и белые пятна.

Американские массовые библиотеки (и до определенной степени школьные и академические библиотеки) страдают такой же близорукостью, и во многом потому, что исследования LIS в целом и история американских библиотек в частности пока не освоили результаты развивающихся междисциплинарных исследований чтения (52; 122-127) — основного средства, с помощью которого люди получают информацию как с печатной страницы, так и с экрана компьютера. В последние 20 лет их создавали самые блестящие умы в таких традиционных научных дисциплинах, как история и литературоведение, и в новых междисциплинарных областях — культурологии, феминистике, этнологии и американистике, и публиковали в самых престижных мировых изданиях самого высокого научного уровня. Отсутствие нашей профессии в этом ансамбле, на мой взгляд, отражает узкий подход, нашего современного профессионального дискурса и составляет одно из ключевых белых пятен библиотечного дела (128). Эти исследования, буревестником которых стала работа Луизы Розенблатт «Литература как поиск» (в 1995 г. Ассоциация новых языков выпустила ее пятое издание), отвергают наши прежние правила и регламенты оценки чтения и особенно чтения популярной литературы, миллионы экземпляров которой массовые библиотеки распространяли на протяжении большей части этого века, и позволяют увидеть и понять содержание этих текстов с позиций тех, кто практически не читает ничего иного.

Показатели не претерпели особых изменений за последнее время. По данным опроса U.S. News/Cable Network News 13-16 октября 1995 г., публичными библиотеками в 1994 г. пользовались 67% американцев, из них 80% (140 млн чел.) в связи с той или иной формой культуры. А без знания данных по исследованиям чтения стипендиаты Фонда Келлога, собравшиеся в 1996 г. в Вашингтоне (129), чтобы обсудить будущее библиотек, оказались бессильны перед результатами

опроса Фонда Бентона (130, pp. 27, 30), где группа выборки указала два основных вида библиотечного обслуживания: (1) «проведение часов чтения и других программ для детей» и (2) «приобретение новых книг и других печатных материалов». А в связи с жалобой одной участницы той же группы опроса Фонда на недостаточный объем фондов популярной литературы в библиотеках («Именно той книги, которую все сейчас читают, всегда нет на месте») возникло впечатление, что стипендиаты Келлога и организаторы выборки не понимают того, что много лет назад показала в своем исследовании Элизабет Лонг — чтение одной книги (даже индивидуально, в частном порядке) составляет деятельность по обмену информации на уровне населения (131). Узкий взгляд и белые пятна.

25 сентября 1995 г. Кен Карпентер призывал объединить усилия специалистов-библиотекарей и специалистов-историков для изучения библиотеки XVIII-XIX вв. как ресурса разной степени коллективного пользования для сотен тысяч представителей многокультурного общества Америки. Пользуюсь возможностью повторить его призыв с усилением и расширением в контексте истории американских библиотек XX в. за счет новых профессиональных сообществ, чьи научные интересы могут помочь заполнить серьезные пробелы в нашем понимании одного из самых распространенных институтов XX века. Перед нами стоит огромная задача, но с помощью специалистов по истории образования, общественных отношений, культуры и мышления, а также в области американистики, феминистики, расовых и этнических исследований, мы можем ускорить и расширить нашу работу.

Подобно обществу в целом, каждое поколение специалистов библиотечного дела и информатики должно обращать к своему наследию целый ряд вопросов в зависимости от времени и обстоятельств, чтобы лучше понять свое настоящее и разумно планировать будущее. И в этом наше поколение не представляет исключения. Альтернатива — узкий подход при разработке планов и стратегий на будущее, со всеми вытекающими системными, гендерными, классовыми, возрастными, профессиональными, этническими и гомофобными белыми пятнами столь распространенными в прошлом, — на мой взгляд, неприемлема.

Перевод М.П. Дубянской

Литература*

1. Public Information Office. American Library Association. Library Advocacy Now! Quotable Facts about American Libraries. Chicago: American Library Association, 1996.
2. Lancaster, F. Wilfrid. Towards Paperless Information Systems. New York: Academic Press, 1978.
3. Mitchell, William J. City of Bits: Space, Place, and the Infobahn. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995.
4. Carpenter, Kenneth E. Readers and Libraries: Toward a History of Libraries and Culture in America. Washington, D.C.: Library of Congress, 1996.
5. Bacon, Francis. «Of Studies.» In Essays or Counsels, Civil and Moral, of Francis Bacon, edited by Samuel Harvey Reynolds, pp. 341-44. Oxford: Clarendon Press, 1890.
6. Emerson, Ralph Waldo. Society and Solitude: Twelve Chapters. Boston: Houghton Mifflin, 1860.
7. Harrison, Frederic. The Choice of Books and Other Literary Pieces. London: Macmillan, 1896.
8. Hillis, Newel Dwight. A Man's Value to Society: Studies in Self-Culture and Character. London: Oliphant, Anderson & Ferrier, 1897.
9. Hayes, Kevin H. A Colonial Woman's Bookshelf. Knoxville: University of Tennessee Press, 1996.
10. Westerhof, John H., III. McGuffey and His Readers: Piety, Morality, and Education in Nineteenth Century America. Nashville: Abingdon, 1978.
11. Weigand, Wayne A. «Research Libraries, the Ideology of Reading, and Scholarly Communication, 1876-1900.» In Libraries and Scholarly Communication in the United States: The Historical Dimension, edited by Phyllis Dain and John Y. Cole, pp. 71-87. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1990.
12. Weigand, Wayne A. «Catalog of ALA Library (1893): Origins of a Genre.» In For the Good of the Order: Essays in Honor of Edward G. Holley, edited by Delmas Williams et al., pp. 237-54. Greenwich, Conn.: JAI Press, 1994.
13. U.S. Bureau of Education, Department of the Interior. Catalog of ALA Library: 5,000 Volumes for a Popular Library. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1893.
14. Weigand, Wayne A. Irrepressible Reformer: A Biography of Melvil Dewey. Chicago: American Library Association, 1996.
15. American Library Association. «Papers Prepared for the World's Library Congress.» In Report of the Commissioner of Education for the Year, 1892-1893, Parts 1 and 2. Bureau of Education, Department of Interior. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1895.
16. Wiebe, Robert. The Search for Order, 1877-1920. New York: Hill & Wang, 1967.

17. Haskell, Thomas S. The Emergence of Professional Social Science: The American Social Science Association and the Nineteenth Century Crisis of Authority. Urbana: University of Illinois Press, 1977.
18. Bledstein, Burton J. The Culture of Professionalism: The Middle Class and Development of Higher Education in America. New York: Free Press, 1976.
19. Starr, Paul. «The Social Origins of Professional Sovereignty.» In The Social Transformation of American Medicine, pp. 3-29. New York: Basic Books, 1982.
20. Weigand, Wayne A. «The Socialization of Library and Information Science Students: Reflections on a Century of Formal Education for Librarianship.» Library Trends 34 (Winter 1986): 383-400.
21. Weigand, Wayne A. «Perspectives on Library Education in the Context of Recently Published Literature on the History of Professions.» Journal of Education for Library and Information Science 26 (Spring 1986): 267-80.
22. Biggs, Mary. «'Mom in the Library': The Readers' Guide to Periodical Literature.» In Distinguished Classics of Reference Publishing, edited by James Retting, pp. 198-210. Phoenix: Oryx Press, 1992.
23. Fiction Catalog: A Selected List of about 350 Novels, Cataloged by Author and Title with Annotations. Minneapolis: H.W. Wilson, 1909.
24. Potter, Marion E., comp. Children's Catalog: A Guide to the Best Reading for Young People Based on Twenty-Four Selection Library Lists. Minneapolis: H.W. Wilson, 1909.
25. Weigand, Wayne A. «Forging a Professional Identity: Adjustment and Accommodation, 1901-1909.» In The Politics of an Emerging Profession: The American Library Association, 1876-1917, pp. 121-201. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1986.
26. Parker, Alison M. Purifying America: Women, Cultural Reform, and Pro-Censorship Activism, 1873-1933. Urbana: University of Illinois Press, 1997.
27. Lundin, Anne. «Anne Carroll Moore.» In Reclaiming the American Library Past: Writing the Women In, edited by Suzanne Hildenbrand, pp. 187-204. Norwood, N.J.: Ablex, 1996.
28. Bobinski, George S. Carnegie Libraries: Their History and Impact on American Library Development. Chicago: American Library Association, 1969.
29. Van Slyck, Abigail A. Free to All: Carnegie Libraries and American Culture, 1890-1920. Chicago: University of Chicago Press, 1995.
30. Martin, Robert S., ed. Carnegie Denied: Communities Rejecting Carnegie Library Construction Grants, 1898-1925. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1993.
31. Casey, Marion. Charles McCarthy: Librarianship and

Reform. Chicago: American Library Association, 1981.

32. Finkelman, Paul. «Class and Culture in Late Nineteenth-Century Chicago: The Founding of the Newberry Library.» American Studies 16 (Spring 1975): 522.
33. Bay, J. Christian. The John Library, 1895-1944: An Historical Report. Chicago: John Crerar Library, 1945.
34. Dickinson, Donald C. Henry E. Huntington's Library of Libraries. San Marino, Calif.: Huntington Library, 1995.
35. Paul, G.N. «The Development of the Hoover Institution on War, Revolution and Peace Library, 1919-1944.» Ph. D. diss., University of California, Berkeley, 1974.
36. Christianson, Elin B. Daniel Nash Handy and the Special Library Movement. New York: Special Libraries Association, 1979.
37. Fisher, William. «Handy, Daniel Nash (1875-1948).» In Supplement to the Dictionary of American Library Biography, edited by Wayne A. Weigand, pp. 32-36. Englewood, Colo.: Libraries Unlimited, 1990.
38. Hamlin, Arthur T. The University Library in the United States. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1981.
39. Shiflett, Orvin Lee. The Origins of American Academic Librarianship. Norwood, N.J.: Ablex, 1981.
40. Young, Arthur P. Books for Sammies: The American Library Association and World War I. Pittsburg: Beta Phi Mu, 1981.
41. Weigand, Wayne A. «An Active Instrument for Propaganda»: The American Public Library during World War I. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1989.
42. Bacon, Corinne, comp. Standard Catalog: Fiction Section. New York: H.W. Wilson, 1923.
43. Learned, William S. The American Public Library and Diffusion of Knowledge. New York: Harcourt Brace, 1924.
44. Richardson, John V., Jr. «Teaching General Reference Work: The Complete Paradigm and Competing Schools of Thought, 1890-1990.» Library Quarterly 62 (January 1992): 55-89.
45. Monroc, Margaret E. Library Adult Education: The Biography of An Idea. New York: Scarecrow Press, 1963.
46. Richardson, John V., Jr. Spirit of Inquiry: The Graduate Library School at Chicago, 1921-1951. Chicago: American Library Association, 1982.
47. Waples, Douglas, and Tyler, Ralph W. What People Want to Read About: A Study of Group Interests and Survey Problems in Adult Reading. Chicago: American Library Association, 1931.
48. Butler, Pierce. An Introduction to Library Science. Chicago: University of Chicago Press, 1933.
49. Wilson, Louis Round. The Geography of Reading: A Study of the Distribution and Status of Libraries in the United States. Chicago: University of Chicago Press, 1938.
50. Karetzky, Stephen. Reading Research and Librarianship: A History and Analysis. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1982.
51. Haines, Helen E. Living with Books: The Art of Book Selection. New York: Columbia University Press, 1935.
52. Radway, Janice A. A Feeling for Books: The Book-of-the-Month Club, Literary Taste, and Middle-Class Desire. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997.
53. Harlan, Robert D. «Haines, Helen Elizabeth (1872-1961).» In Dictionary of American Library Biography, edited by Bohdan S. Wynar, pp. 223-37. Littleton, Colo.: Libraries Unlimited, 1978.
54. Rosenblatt, Louise. Literature as Exploration. New York: Appleton-Century, 1938.
55. Kaestle, Carl F., et al. Literacy in the United States: Readers and Reading since 1880. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1991.
56. Geller, Evelyn. Forbidden Books in American Public Libraries, 1876-1930: A Study in Cultural Change. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1984.
57. Robbins, Louise S. Censorship and the American Library: The American Library Association's Response to Threats to Intellectual Freedom, 1939-1969. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1996.
58. Stanford, Edward Barrett. «Library Extension under the WPA: An Appraisal of an Early Experiment in Federal Aid.» Ph. D. diss., University of Chicago, 1942.
59. Ring, Daniel F., ed. Studies in Creative Partnership: Federal Aid to Public Libraries during the New Deal. Metuchen, N.J.: Scarecrow Press, 1980.
60. Cole, John Y., ed. Books in Action: The Armed Services Editions. Washington, D.C.: Library of Congress, 1984.
61. Mearns, David C. The Story Up to Now: The Library of Congress, 1800-1946. Washington, D.C.: Library of Congress, 1947.
62. Rosenberg, Jane Aiken. The Nation's Great Library: Herbert Putnam and the Library of Congress, 1899-1939. Urbana: University of Illinois Press, 1993.
63. Cole, John Y. For Congress and the Nation: A Chronological History of the Library of Congress. Washington, D.C.: Library of Congress, 1979.
64. McCoy, Donald R. The National Archives: America's Ministry of Documents, 1934-1968. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1978.
65. Miles, Wyndham D. A History of the National Library of Medicine: The Nation's Treasury of Medical Knowledge. Bethesda, Md.: National Library of Medicine, 1982.
66. U.S. National Agricultural Library Associates. The National Agricultural Library: A Chronology of Its Leadership and Attainments, 1839-1973. Beltsville, Md.: National Agricultural Library, 1974.

* В связи с большим объемом списка литературы во избежание ошибок мы помещаем его, не приводя в соответствии с российским ГОСТом.

67. Garceau, Oliver. *The Public Library in the Political Process*. New York: Columbia University Press, 1949.
68. Berelson, Bernard. *The Library's Public*. New York: Columbia University Press, 1949.
69. Bryan, Alice. *The Public Librarian*. New York: Columbia University Press, 1952.
70. Raber, Douglas. *Librarianship and Legitimacy: The Ideology of the Public Library Inquiry*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1997.
71. «The Public Library Inquiry: Peminiscences, Reflections, and Research.» *Libraries & Culture* 26 (Winter 1994): 1-141.
72. Fiske, Marjorie. *Book Selection and Censorship: A Study of School and Public Libraries in California*. Berkeley: University of California Press, 1959.
73. Geiger, Roger L. *Research and Relevant Knowledge: American Research Universities since World War II*. New York: Oxford University Press, 1993.
74. Gaines, Abner J. «Farmington Plan.» In *Encyclopedia of Library History*, edited by Wayne A. Wiegand and Donald G. Davis, Jr., p. 193. New York: Garland, 1994.
75. Vosper, Robert. *The Farmington Plan Survey: A Summary of Separate Studies of 1957-1961*. Urbana: University of Illinois Library School, 1965.
76. Wiegand, Wayne A. «Lawrence Clark Powell.» In *Leaders in American Academic Librarianship: 1925-1975*, edited by Wayne A. Wiegand, pp. 262-87. Pittsburgh: Beta Phi Mu, 1983.
77. Winger, Howard W. «Jesse Hauk Shera (1903-1982).» In *Supplement to the Dictionary of American Library Biography*, edited by Wayne A. Wiegand, pp. 119-23. Englewood, Colo.: Libraries Unlimited, 1990.
78. *Strengthening American Science: Report of the President's Science Advisory Committee*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1958.
79. Shapiro, F.R. «Coinage of the Term 'Information Science.'» *Journal of the American Society for Information Science* 46 (June 1995): 384-85.
80. Holley, Edward G., and Schremsler, Robert F., eds. *The Library Services and Construction Act: An Historical Overview from the Viewpoint of Major Participants*. Greenwich, Conn.: JAI press, 1983.
81. Wiegand, Wayne A. «The Historical Development of State Library Agencies.» In *State Library Services and Issues: Facing Future Challenges*, edited by Charles R. McClure, pp. 1-16. Norwood, N.J.: Ablex, 1986.
82. Center for Education Statistics. Office of Educational Research and Improvement. U.S. Department of Education. *Statistics of Public School Library Media Centers, 1985-1986 (with Historical Comparisons from 1958-1985)*. Washington, D.C.: Government Printing Office, 1987.
83. Cecil, Henry L., and Hears, Willard A. *School Library Service in the United States: An Interpretive Survey*. New York: H.W. Wilson, 1940.
84. Lemley, D.E. «The Development and Evaluation of Administrative Policies and Practices in Public School Library Service as Evidenced in City School Surveys, 1907-1947.» Ph.D. diss., University of Pittsburgh, 1949.
85. Lanier, Gene D. «The Transformation of School Libraries into Instructional Materials Centers.» Ph.D. diss., University of North Carolina, 1968.
86. Samek, Antonia D. «Intellectual Freedom and Social Responsibilities: An Ethos of American Librarianship, 1967-1973.» Ph.D. diss., University of Wisconsin-Madison, 1998.
87. White, Carl. *A Historical Introduction to Library Education*. Metuchen, N.J.: Scarecrow Press, 1976.
88. Davis, Donald G., «Education for Librarianship.» *Library Trends* 25 (July 1976): 113-34.
89. Shera, Jesse H. *Foundations of the Public Library: The Origins of the Public Library Movement in New England, 1629-1855*. Chicago: University of Chicago Press, 1949.
90. Dain, Phyllis. *The New York Public Library: A History of Its Founding and Early Years*. New York: New York Public Library, 1972.
91. Harris, Michael H. «The Purpose of the American Public Library: A Revisionist Interpretation of History.» *Library Journal* 98 (September 15, 1973): 2509-14.
92. Du Mond, Rosemary Ruhig. *Reform and Reaction: The Big City Public Library in American Life*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1977.
93. Garrison, Dec. *Apostles of Culture: The Public Librarian and American Society, 1876-1920*. New York: Free Press, 1979.
94. Rosenberg, Jane A. «Library Management.» In *Encyclopedia of Library History*, edited by Wayne A. Wiegand and Donald G. Davis, Jr., pp. 373-77. New York: Garland, 1994.
95. Carpenter, Michael. «Catalogs and Cataloging.» In *Encyclopedia of Library History*, edited by Wayne A. Wiegand and Donald G. Davis, Jr., pp. 107-17. New York: Garland, 1994.
96. Maciuszko, Kathleen L. *OCLC: A Decade of Development, 1967-1977*. Littleton, Colo.: Libraries Unlimited, 1984.
97. Smith, K. Wayne, ed. *OCLC 1967-1997: Thirty Years of Furthering Access to the World's Information*. New York: Haworth Press, 1998.
98. Lawson, Phea. «Organizational Adaptation by the Urban Public Library to Ethnic Transition.» Ph.D. diss., University of Wisconsin-Madison, 1998.
99. Molz, Redmond Kathleen, and Dain, Phyllis. *The*

- American Public Library in the Information Age*. Cambridge, Mass.: MIT Press, in press.
100. Public Library Association. *Goals, Guidelines, and Standards Committee. The Public Library Mission Statement and Its Imperative for Service*. Chicago: American Library Association, 1979.
101. Burke, Colin. «A Rough Road to the Information Highway: Project Intrex: A View from the CLR Archives.» *Information Processing and Management* 32 (January 1996): 19-32.
102. Baker, John P. «Conservation and Preservation of Library Materials.» In *World Encyclopedia of Library and Information Services*, 3d ed., edited by Robert Wedgeworth, pp. 224-28. Chicago: American Library Association, 1993.
103. Teigen, Philip M. «National Library of Medicine. Bethesda, MD., USA.» In *Encyclopedia of Library History*, edited by Wayne A. Wiegand and Donald G. Davis, Jr., pp. 455-57. New York: Garland, 1994.
104. Passet, Joanne E. *Cultural Crusaders: Women Librarians in the American West, 1900-1917*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1994.
105. Marcum, Deanna B. *Good Books in a Country Home: The Public Library as a Cultural Force in Hagerstown, Maryland, 1878-1920*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1994.
106. Saracevic, Tefko, and Kantor, Paul G. «Studying the Value of Library and Information Services.» Part 1 and 2, «Establishing a Theoretical Framework» and «Methodology and Taxonomy.» *Journal of the American Society for Information Science* 48 (June 1997): 527-63.
107. Foucault, Michel. *Archaeology of Knowledge and the Discourse of Language*. New York: Pantheon, 1972.
108. Gramsci, Antonio. *Prison Notebooks*. Vol. 1. New York: Columbia University Press, 1992.
109. Habermas, Jurgen. *The Theory of Communication Action*. Vol. 1, Reason and the Rationalization of Society. Boston: Beacon, 1984.
110. Longino, Helen. *Science as Social Knowledge: Values and Objectivity in Scientific Inquiry*. Princeton, N.J.: Princeton University Press, 1990.
111. Jacob, Margaret. *The Cultural Meaning of the Scientific Revolution*. New York: Knopf, 1988.
112. Harding, Sandra. *Whose Science? Whose Knowledge? Thinking from Women's Lives*. Ithaca, N.Y.: Cornell University Press, 1991.
113. Smith, Barbara Herrnstein. *Contingencies of Value: Alternative Perspectives for Critical Theory*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1988.
114. deCerteau, Michel. *The Practice of Everyday Life*. Translated by Steven Rendell. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1984.
115. Tuominen, Kimma. «User-Centered Discourse: An Analysis of the Subject Positions of the User and the Librarian.» *Library Quarterly* 67 (October 1997): 350-71.
116. Budd, John Mason. «User-Centered Thinking: Lessons from Reader-Centered Theory.» *RQ* 34 (Summer 1995): 487-96.
117. Radford, Gary P. «Positivism, Foucault, and the Fantasia of the Library: Conceptions of Knowledge and the Modern Library Experiences.» *Library Quarterly* 62 (October 1992): 408-24.
118. Chatman, Elfreda A. *The Information World of Retired Women*. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1992.
119. Pawley, Christine. «Hegemony's Handmaid? The Library and Information Science Curriculum from a Class Perspective.» *Library Quarterly* 68 (April 1998): 123-44.
120. Zweizig, Douglas L. «Predicting Amount of Library Use: An Empirical Study of the Role of the Public Library in the Life of the Adult Public.» Ph.D. diss., Syracuse University, 1973.
121. «Seeking to Reverse Slide, UC-Berkeley Library Hires Interim.» *Library Journal* 123 (May 15, 1998): 12-13.
122. Chartier, Roger. *Forms and Meanings: Texts, Performances and Audiences from Codex to Computer*. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1995.
123. Iser, Wolfgang. *The Act of Reading: A Theory of Aesthetic Response*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 1978.
124. Fish, Stanley. *Is There a Text in This Class? The Authority of Interpretive Communities*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1980.
125. Boyarin, Jonathan, ed. *The Ethnography of Reading*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1993.
126. Radway, Janice A. *Reading the Romance: Women, Patriarchy, and Popular Literature*. 2d ed. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1991.
127. Tompkins, Jane. *West of Everything: The Inner Life of Westerns*. New York: Oxford University Press, 1993.
128. Wiegand, Wayne A. «Out of Sight, Out of Mind: Why Don't We Have Any Schools of Library and Reading Studies?» *Journal of Education for Library and Information Science* 38 (Fall 1997): 314-26.
129. «Benton Study: Librarians Need to Work on Message to the Public.» *Library Journal* 121 (September 1, 1996): 112.
130. Benton Foundation. *Buildings, Books, and Bytes: Libraries and Communities in the Digital Age*. Washington, D.C.: Benton Foundation, 1996.
131. Long, Elizabeth. «Textual Interpretation as Collective Action.» In [125], pp. 180-211.

РОССИЙСКИЕ БЕЛЫЕ ПЯТНА «ДАТСКОЙ» БИБЛИОТЕЧНОЙ ИСТОРИИ

(размышления о статье Уэйна Виганда)

Статья одного из самых авторитетных американских библиотечных историков Уэйна Виганда является по сути программной для американских библиотечных историков.

Автор отстаивает точку зрения, согласно которой разговоры о без бумажной информации, о библиотеке в виде тысячи экранов по всему миру ничего не дают. Он убежден в том, что пришло время определить будущее библиотечного дела теоретически и прежде всего в междисциплинарном контексте. По его мнению, будущее библиотечного дела — это не только перспективы, но и нерешенные проблемы и тупиковые ситуации, которые предстоит осмыслить и проанализировать. Он убежден в том, что сделать это может только история, а информационная наука не имеет права строить модели технологии без культуры — модели, предназначенные для всех классов, для всех возрастов, для всех этнических групп.

Для России эта дискуссия не просто интересна. Она свидетельствует о том, что единой точки зрения нет и, наверное, быть не может. Для страны, в которой информатизация была начата в советское время сверху и вообще без участия библиотек, со ставкой на «органы научно-технической информации» и проводится сегодня в обществе, не сориентированном на поддержку и развитие библиотек, было бы крайне опасно следование общей моде. Если дискуссия на тему «история библиотек или история информации» и правомерна в России, то в весьма и весьма отдаленном будущем.

Нельзя не учитывать и то, что эйфория по поводу информатизации и достижений компьютерной революции не является всеобщей. Сознвая преимущества т. н. научно-технического прогресса, многие библиотекари сознают и другое — то, как деструктивно влияет компьютер на человеческую душу в случае его абсолютизации, и ищут возможности сбалансировать положительные и отрицательные его воздействия, стремятся найти пути, которые приведут в состояние равновесия именно душу человека. Неслучайно современные библиотеки одновременно с активным использованием

компьютерной техникой и выходом в Интернет столь большое внимание уделяют развитию библиотек как центров культуры.

В. Виганд, подчеркивая, что пришло время обратиться при определении великолепных перспектив шире и более междисциплинарно и теоретически именно к прошлому, имеет в виду реальное, а не идеализированное библиотечное прошлое, определявшееся множеством факторов, которые традиционно вообще не принимаются во внимание при определении перспектив развития библиотек.

В США активным осмыслением прошлого библиотечного дела занимается Центр книги Библиотеки Конгресса. И упомянутая работа В. Виганда, и другое крупное исследование — работа Кена Карпентера «Читатели и библиотеки: на пути к истории библиотек и культуры в Америке» были подготовлены в рамках программы «История библиотек и библиотечного дела в Соединенных Штатах». Что же касается определений, используемых в данном случае американскими коллегами, то следует обратить внимание на то, что в названии программы используются оба понятия — и история библиотек, и история библиотечного дела.

Произошедший недавно — в противовес к истории библиотек — резкий поворот в сторону усиления интереса к истории библиотечного дела, который, в свою очередь, является поворотом в сторону аналитической библиотечной истории — уже в противовес к описательной библиотечной истории, можно, вне всякого сомнения, считать тенденцией, заслуживающей серьезного внимания. Речь идет о том, что позитивистский подход к истории библиотек, продолжением которого и является по сути концепция истории информации, не удовлетворяет многих наших зарубежных коллег. Просматривается тенденция к осмыслению библиотечного прошлого, основанного на его многоаспектном рассмотрении в более широком контексте, в том числе социальном и культурном. Л.Н. Гусева отмечает в связи с рассмотрением другой зарубежной публикации — статьи южноафриканского автора А. Дика: «Библиотековеды переключо-

чаются с разработки технологий, технических средств и компетентного принятия решений на изучение социально-политических и культурных контекстов реальной жизни» (1). Эти слова справедливы и по отношению к истории библиотек, ибо она активно изучается с целью лучше понять день сегодняшний.

Определение же перспектив развития отечественных библиотек на основе учета реального прошлого, с его достижениями и просчетами — это, вне всякого сомнения, задача самая неотложная для библиотек России, в том плане, что еще можно избежать тех последствий, к которым может привести реализация концепций, программ, стратегических планов, доктрин и других перспективных документов, не опиравшихся на этот реальный опыт, ибо очень многое из прошлого в них не принимается во внимание вообще, что для России в силу ее изоляции от всего мира на протяжении многих десятилетий представляется особенно опасным.

Наша историко-библиотечная наука, хоть и начала развиваться в контексте аналогичной мировой науки, вписывается в этот процесс все же с достаточной степенью условности. Преодолеть последствия многолетнего квазинаучного развития за короткий срок не так-то просто, ибо не столь быстро меняется, а в определенных случаях и вообще не меняется ментальность тех профессионалов, которые определяют развитие библиотечной науки в России.

Если бы сегодня российские историки неожиданно получили большие финансовые средства для подготовки и издания многотомной истории библиотек в нашей стране в древнейших времен до наших дней, аналогичной уникальному французскому 4-томному изданию «История французских библиотек» (2), то неизбежно возник бы вопрос о том, как можно было бы справиться с этой задачей? Думается, что ее выполнение было бы маловероятно по одной простой причине. Мы бы столкнулись с тем, что на сегодняшний день еще не обладаем достаточным объемом фактического материала по истории библиотек отдельных регионов России. Ведь французскую монографию, которую можно считать эталонной, характеризует прежде всего то, что истории библиотек до XX века, точнее до 1914 г., посвящены три тома большого формата, в каждом из которых около 700 страниц текста.

Особо хотелось бы подчеркнуть, что проблема, затронутая американским коллегой — проблема изучения истории библиотек, имеющего целью не изучение парадной стороны, а выявление противоречий и тупиковых ситуаций в прошлом, которые продолжают влиять на день сегодняшний или могут повлиять на день завтрашний, для России является не только чрезвычайно актуальной, но и крайне болезненной.

История библиотек (или история библиотечного дела) за последние несколько лет прошла интересный и очень плодотворный путь развития, но в одном она, по большому счету, не изменилась совсем. История библиотек как имела парадный характер, т.е. как была историей «к датам», так и осталась ею без особых изменений. Ее даже можно — по аналогии с понятием, распространенным в театральной среде, где спектакли, ставившиеся в советское время к официальным датам, называли «датскими спектаклями» — назвать «датской историей библиотек», что, разумеется, не имеет никакого отношения к Дании.

Отечественная библиотечная история направлена на анализ тупиковых ситуаций, на анализ ошибок. Даже долгосрочные программы и концепции развития библиотек, стратегические планы их развития разрабатываются без опоры на специально проводимые во всем мире исследования, цель которых — выявлять самые сложные, самые противоречивые и не всегда самые приятные для руководителей современных библиотек моменты в истории той или иной библиотеки. И при том, что уже сегодня имеется богатейший опыт осмысления истории конкретных библиотек с учетом особенностей всего пройденного ими пути развития — со всеми достижениями, недостатками и противоречиями. Самой интересной и, пожалуй, на сегодняшний день эталонной, лучшей во всех отношениях является монография, посвященная истории Библиотеки герцогини Анны Амалии в Веймаре (Германия), «Библиотека герцогини Анны Амалии». Она имеет подзаголовок, который можно перевести как «История одного собрания в контексте истории культуры» или «культурологическая история одного собрания» (3). В нем фактически сформулирован главный метод данного исследования, осуществленного группой сотрудников Библиотеки — метод культурологического анализа.

Эта книга не имеет аналогов потому, что в ней наряду с глубоким и многоплановым анализом истории библиотеки за многие десятилетия ее развития есть глава, в которой анализируется история этой библиотеки в годы ГДР. В этой главе, написанной директором библиотеке Михаэлем Кнохе, анализируется непростая ситуация периода «социалистического строительства». При этом автор дает объективную картину успешного и полноценного развития библиотеки, определенной преемственности по отношению к прошлому библиотеки, которой руководили выдающиеся немецкие библиотекари и работу которой более 35 лет возглавлял сам И.В. Гете. Показывает автор и как влияла на работу Библиотеки политическая ситуация ГДР, что представляется крайне важным при определении того, как недавнее прошлое влияет на сегодняшний день библиотеки уже в условиях вновь объединенной Германии. При этом наряду с аналитическим текстом приводятся тексты документов того времени. Собственно, этой главой, посвященной рассмотрению истории библиотеки в период существования ГДР, книга и завершается. Сегодняшний день еще не стал — и не мог стать — объектом исторического исследования. Но именно для его осмысления материалы данной книги кажутся незаменимыми.

В России же история библиотек по-прежнему остается невостребованной при принятии решений, направленных на определение перспектив развития библиотечного дела, поэтому для современной российской библиотечной истории гораздо важнее избавиться от синдрома «датской истории», нежели искать пути ее превращения в историю информации.

В России на протяжении многих лет история библиотечного дела была нацелена на поиск закономерностей, на изучение внешнего влияния на библиотечное дело, и при этом предметом истории библиотек как и предметом истории в целом перестал быть человек с его действиями, с его воззрениями, которые и определяют ход истории, в том числе и библиотечной. Статья нашего коллеги дает нам основания задуматься и над этим.

Примечания

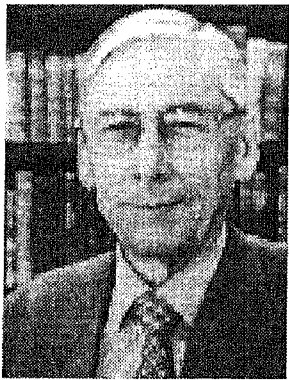
1. Гусева Л.Н. Позитивизм или метафизика? Миф и реальность (комментарий к статье А. Дика) // Петербургская библиотечная школа. 1999. № 1. С. 64.

2. Histoire des bibliothèques françaises. Vol. 1-4. Paris, 1989-1992.

3. См.: Herzogin Anna Amalia Bibliothek — Kulturgeschichte einer Sammlung. Hrsg. Von Michael Knoche. München; Wien: Carl Hanser Verlag, 1999.

Б. В.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА, УНИВЕРСИТЕТСКАЯ БИБЛИОТЕКА ИЛИ ЖЕ ТО И ДРУГОЕ ОДНОВРЕМЕННО?*



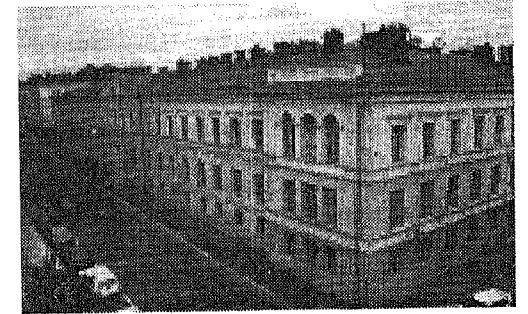
Эско Хякли родился 30 ноября 1936 г. в окрестностях Какисальми (ныне — Приозерск). Это не просто факт биографии. Это означает, что в дальнейшем его семье пришлось покинуть родные места, что его раннее детство было связано с советско-финской войной 1939/1940 гг., которую в Финляндии называют Зимней. Хякли хорошо помнит, как родители запрещали ему в ту зиму подходить по вечерам к окну, как они боялись зажечь в доме свет. С детства в его душе остался от войны глубокий след, и всю жизнь он чисто психологически не может жить в доме, стоящем на окраине города или деревни, особенно у леса. Казалось бы, у него были все основания настороженно относиться в дальнейшем к России, к контактам с этой страной, но результаты его профессиональной и просто человеческой деятельности убеждают в обратном.

* Статья опубликована в сборнике материалов университетской библиотеки Хельсинки «Финское информационное будущее» («The Finnish Information Future»), изданном в 1997 г. Печатается с любезного разрешения автора.

Бiblioteca Хельсинкского университета, в силу ее признанного статуса как национального института, по сути является типичной национальной библиотекой. Как ее организационный статус, так и ее название сложились исторически. Поэтому, хотя официально она и является частью Хельсинкского университета, ее, тем не менее, нельзя назвать типичной университетской библиотекой. Это независимое учреждение, на которое распространяются решения университетского совета, по кругу обязанностей которого гораздо шире типичного обеспечения библиотечным обслуживанием учебного процесса, так как этим, в основном, занимаются только отдельные специальные библиотечные службы. Библиотека Хельсинкского университета может по праву называть себя не только национальной, но еще и крупнейшей в стране научно-исследовательской библиотекой, т.к. она содействует развитию самых разных областей науки, особенно в гуманитарной сфере и сфере искусств.

Становление Библиотеки как национальной отражает развитие самой концепции национальных библиотек. Предлагаемое современными словарями определение национальных библиотек — «хранилища памяти человечества», — вновь прозвучавшее на недавнем заседании Комиссии стран Европейского Союза, как нельзя лучше иллюстрирует традиционную роль Библиотеки Хельсинкского университета. В Библиотеке, помимо финского собрания, содержатся крупные коллекции, представляющие всемирный интерес, такие, например, как Славянская Библиотека или Норденскьельд Коллекция. Библиотека уделяет особое внимание сохранению этих бесценных коллекций для будущего, внедряя у себя новейшие специализированные методики сохранения библиотечных материалов. Она одной из первых освоила технику микрофильмирования и организовала службу консервации, и в Финляндии уже к 1995 г. библиотечные материалы стали в большей степени использоваться в виде микрофильмов, чем в оригинале. Параллельно была начата работа по преобразованию в цифровую форму старейших коллекций Библиотеки.

Наиболее сильной стороной деятельности Библиотеки сейчас, как и ранее, является научно-исследовательская работа со своими собственными коллекциями, о результатах которой можно судить по тем многим печатным каталогам, библиографиям и историческим трактатам, которыми гордится Библиотека.



В 1995 г. была завершена подготовка шеститомного каталога картографических материалов Норденскьельд, ставшего главным инструментом в библиографии истории картографии, а в 1966 г. была издана Национальная библиография за период 1488-1700 гг.

Будучи главным хранителем литературного наследия страны, Библиотека является одним из самых известных учреждений культуры Финляндии. Она часто выступает в роли организатора всевозможных выставок, многие из которых стали незабываемыми событиями в стране, получившими широкий общественный отклик; активно участвует в международном сотрудничестве в культурной сфере и ежеквартально издает справочник о новинках литературы «Книги из Финляндии». В 1996 г. Библиотека приступила к осуществлению крупного научного проекта, предусматривающего издание полного собрания сочинений Яна Сибелиуса с комментариями, над которым она работает в тесном сотрудничестве с Финским обществом Сибелиуса, используя частные музыкальные архивы композитора, хранящиеся в Библиотеке. На осуществление этого проекта уйдет около 25 лет. И это всего лишь несколько примеров из обширной деятельности Библиотеки.

Особая гордость Библиотеки — это ее великолепное по своей архитектуре расположенное в самом центре города главное здание, являющееся культурным достоянием народа, национальным памятником архитектуры.

От истории к современной жизни в системе электронной сети

Национальные библиотеки традиционно всегда были и будут хранилищами культурного наследия своих народов. Все содержащиеся в библиотеках коллекции и носители интеллектуаль-

ной продукции являются, по своей природе, историческими, будь то древние собрания или собрания не столь далекого прошлого и нашего времени. И никакие, даже самые передовые технологии, вошедшие в жизнь библиотек, не способны изменить этот факт. Они просто предоставили новые, более широкие и действенные возможности доступа к прошлому.

Однако в современных условиях сфера деятельности национальных библиотек не может ограничиваться только историческими и культурными задачами. Во многих странах национальным библиотекам пришлось взять на себя центральную функцию по созданию единой национальной библиотечной сети, но чтобы стать Национальной электронной библиотекой, им предстоит приобрести новые необходимые для этого качества и возможности.

Библиотека Хельсинкского университета стала активным сторонником развития новой формы электронного библиотечного обслуживания. Первой среди скандинавских национальных библиотек она выпустила в 1990 г. на CD-ROM Финскую национальную библиографию (The Fennica CD-ROM) и целый ряд баз данных, среди которых следует назвать изданную в 1995 г. базу данных финских журнальных статей за период с 1980 по 1994 г. включительно (KATI CD-ROM) и в 1997 — Библиографию Студиорум Ураликорум (BSU CD-ROM).

Библиотека уже преобразовала около 85% своих каталогов в электронный формат. К лету 1998 г. планируется завершить преобразование оставшейся части Национальной библиографии, а также каталога Славянской библиотеки.

Выступая в качестве Национальной библиотеки, Библиотека Хельсинкского университета отвечает за содействие развитию библиотечного обслуживания единой компьютеризированной библиотечной сети в Финляндии. Около десяти лет назад университетские библиотеки Финляндии приняли решение о приобретении в совместное пользование необходимого программного обеспечения (VTLS) для своих местных компьютерных центров. Через Финскую университетскую сеть FINET местные системы имеют возможность подсоединиться к LINNEA, функциональной сети. Библиотека Хельсинкского университета является центральным узлом в этой сети, предоставляя необходимые услуги,

такие, например, как единый каталог университетских библиотек LINDA и ряд других баз данных, среди которых следует назвать ARTO, библиографическую базу данных финских журнальных статей и MANDA — единый каталог крупных публичных библиотек. Библиотека содействует участию библиотек в сети LINNEA, оказывая помощь в создании специальных программ и совершенствуя новые формы обслуживания. Результатом такой работы является создание уникальной единой системы электронного библиотечного обслуживания общенационального масштаба. В настоящее время идет подготовка программ полного переоснащения существующей компьютерной системы для университетских библиотек, что предусматривает покупку новейшей техники и программного обеспечения следующего поколения. Для этой цели изучается вся имеющаяся и предлагаемая на рынке продукция и сравниваются альтернативные варианты выбора. Уже сейчас мы можем сказать, что наиболее оптимальным решением будет VIRTUA от VTLS Inc. Однако у нас есть несколько критических замечаний, имеющих непосредственное отношение к нашим планам компьютерного переоснащения. Во-первых, хотелось бы знать, готовы ли библиотеки, как прежде, работать с общим программным обеспечением, и если да, то с каким именно? Другой, не менее важный вопрос, касается архитектуры сети как таковой. Необходимо будет также изучить все возможности экономии денежных средств, даже с риском радикального пересмотра уже принятых решений, если это потребуется. Возглавляемая Библиотекой работа над сценарием будущего развития электронного библиотечного обслуживания, в котором ей отводится главная роль, может оказать огромное содействие в деле осуществления этих планов.

Наряду с работой, предусматривающей эксплуатацию и усовершенствование базовой инфраструктуры, Библиотека ведет неустанную работу по внедрению новых форм библиотечного обслуживания. От лица всех университетских библиотек Библиотека Хельсинкского университета уполномочена вести переговоры с производителями электронной продукции и изготовителями баз данных с целью заключения коллективного лицензионного соглашения, имея право подписываться за всех. В контексте своей программы за «Информационное общество в под-

держку образования и научных исследований» Министерство просвещения Финляндии оказывает содействие библиотекам в их работе по развитию новых форм обслуживания и созданию компьютерной сети для работы с электронной информацией. В 1996 г. Библиотека Хельсинкского университета приступила к осуществлению двух крупных проектов, предусматривающих одновременное проведение работ по преобразованию в цифровую форму имеющихся коллекций (MUISTI= Память) и по созданию служб, работающих с электронными публикациями (ELEKTRA). В осуществлении этих проектов принимают участие и другие организации, одной из которых является Финское агентство Копиосто, представляющее владельцев авторских прав. В 1997 г. была начата работа над третьим проектом EVA, направленным на развитие и усовершенствование методов выдачи в пользование и хранения электронных копий документов, легально открытых для публичного доступа.

Библиотека продолжает освещать в своих публикациях вопросы, связанные с планом развития Национальной электронной библиотеки, последним изобретением нашего времени. Окончательные решения о финансировании этого проекта будут приняты этой осенью. Библиотека Хельсинкского университета намерена взять на себя большую часть руководства этим проектом, а также принять непосредственное участие в осуществлении его наиболее важных программ.

Сегодня национальные библиотеки разных стран работают в тесном сотрудничестве друг с другом невзирая на разделяющие их географические границы. Библиотека Хельсинкского университета, к примеру, участвует в проектах ONE (Online Networks в Европе) и COBRA, которые финансируются ЕС.

Ей принадлежит инициатива в создании общей домашней страницы для Европейских национальных библиотек и в создании сервера. Библиотека является координатором Скандинавского проекта метаданных (Nordic Metadata Project), финансируемого Нординфо, кроме того она участвует в совместном планировании новых проектов в рамках общей Библиотечной программы ЕС.

Все эти примеры свидетельствуют об успехах Библиотеки Хельсинкского университета в освоении такой новой области, как электронная

библиотека и приобретении нового специализированного профиля. Тем не менее мы должны сознавать всю рискованность этого предприятия, могущего серьезно повлиять на наше будущее развитие. Библиотека очень серьезно относится к вопросу подбора новых кадров, необходимых для развития Национальной электронной библиотеки. К сожалению, Библиотека пока не может конкурировать на рынке рабочей силы с такими корпорациями, как, например, Нокиа, сделавшей заявку практически на всех незанятых специалистов в области телекоммуникации.

Библиотека содействует укреплению сотрудничества между библиотеками на общенациональном уровне. Входя в состав единой сети университетских библиотек, особое внимание она уделяет нуждам именно этих библиотек. В 1996 г. университетские библиотеки учредили свой собственный орган совместного управления — Совет финских университетских библиотек, который занимается общими вопросами и задачами библиотечного обслуживания университетов и всегда и везде, где это нужно представляет интересы университетских библиотек. Кроме того, библиотеки разделили между собой расходы по заработной плате сотрудников секретариата Совета.

С формированием нового типа учебного института связано множество очень специфических проблем, и в этом отношении наша ситуация очень похожа на ту, что мы видели недавно на примере Британского политехнического института или Fachhochschulen в Германии. Образовавшиеся в нашей стране новые специальные учебные заведения ведут активную и эффективную работу, способствующую их развитию, и явно заинтересованы в сотрудничестве с университетскими библиотеками. Поскольку эти новые институты не финансируются правительством, то нам предстоит решить проблему изыскания средств для финансового обеспечения нашей совместной работы и общего библиотечного обслуживания. Библиотека занимается составлением записей электронной национальной библиографии для предоставления их в пользование в общую библиотечную сеть, тем самым выполняя часть своих обязанностей по ее обслуживанию. В этом деле она сотрудничает с разными специализированными организациями, помогающими ей как в создании, так и в распространении этих записей среди библиотек всех типов, а также сре-

ди предприятий книжной торговли. Ее главными партнерами в этой деятельности являются ВТJ Кирьястопалвелу Ой, главный центр поставок материалов для публичных библиотек, и Кирьявалитис Ой, центральное управление книжной торговли Финляндии.

Развитие Библиотеки

В планировании и развитии своей деятельности Библиотека Хельсинкского университета уделяет особое внимание следующим вопросам:

— взаимодействию между печатной и электронной формой носителя информации; печатное слово необходимо сохранить;

— необходимости улучшения качества обслуживания путем повышения собственного образовательного уровня сотрудников Библиотеки, приобретения ими новых знаний и освоения новейших технологий;

— необходимости развития новых форм обслуживания, особенно в сфере использования электронной техники и электронных материалов;

— необходимости повышения продуктивности труда путем усовершенствования методов управления и руководства, а также навыков библиотечных работников.

Для достижения своих целей Библиотека делает все возможное, чтобы укрепить и усовершенствовать внутреннюю организацию и управленческую политику. В 1997 г. были внесены новые кардинальные изменения в организационную структуру Библиотеки. Бюджетные ограничения, связанные с введением единого финансирования, сильно затруднили работу Библиотеки. Поэтому, чтобы справиться с финансовыми трудностями и обеспечить затрато-эффективность существования библиотеки как подотчетной организации, потребовались новые методы управления. Однако гораздо важнее любых новых методов является формирование нового мышления для понимания стоящих перед всей организацией общих задач. Для достижения намеченных целей Библиотекой предусмотрены следующие меры:

— замена традиционной иерархической организации на гибкую, с преобладанием горизонтальных связей. Для этого будет необходимо проанализировать и перемоделировать производственные процессы таким образом, чтобы они не расчленились внутренними организационными разграничениями и чтобы у каждого процесса

была и своя продукция, и свой пользователь;

— пересмотр приоритетов путем смещения организационной ориентации, главным образом, на пользователя. На словах это кажется очевидным и само собой разумеющимся, однако на практике это целая революция;

— построение новых связей между обслуживанием читателей и внутренними процессами и на их основе налаживание и укрепление внешних отношений с клиентами, пользователями, поставщиками. Необходимо начать с самого главного, а именно — с определения своей миссии, целей и задач основных видов деятельности, с четкого распределения обязанностей и ответственности. В политических решениях, касающихся производственных процессов, следует прежде всего учитывать приоритетные задачи обслуживания читателей, а не собственно технологические проблемы. Внутренние технические службы должны обслуживать клиентов по их заявкам;

— превращение Библиотеки в производственное предприятие; главной целью при этом должно стать обеспечение затрато-эффективности, включая и затраты по заработной плате библиотечных работников и администрации. Для этого необходимо пересмотреть основные задачи и цели персонала и принять действенный бюджет организации;

— распределить обязанности и полномочия принимать решения на соответствующих уровнях, не переадресуя сложные или неприятные вопросы руководству;

— проведение радикальной реконструкции организации с учетом новых функций Библиотеки.

Библиотека провела огромную работу, чтобы определить свою политику (начиная с положения о миссии и целях) и разработать стратегию. Новая политика направлена на повышение отдачи или результативности работы Библиотеки, а стратегия — на улучшение практической работы на всех уровнях.

Постепенно происходили изменения и в процессе планирования. И сейчас наша администрация хорошо ориентируется в финансовых вопросах, касающихся всей Библиотеки, контролируя расходы ресурсов, особенно по сравнению с прошлым, когда те или иные отделы или процессы существовали и рассматривались как некие автономии.

Для выполнения намеченных задач по развитию собственно Библиотеки и по повышению продуктивности ее работы был выполнен анализ различных категорий пользователей и групп пользователей, что помогло лучше организовать работу Библиотеки путем выделения основных функций и вспомогательных технических функций.

Библиотеки переживают волнующее время, одновременно вдохновляющее на новые начинания и вселяющее тревогу за будущее. Перед библиотеками открылись новые возможности дальнейшего развития и существования в будущем, но одновременно появились и новые проблемы, обусловленные требованиями нашего времени. Мы должны научиться очень многому и, прежде всего, думать по-новому, чтобы наши библиотеки сохранились и могли существовать в будущем.

Дополнительный материал вы можете прочитать в следующих статьях этого же автора:

The Slavonic Library at the Helsinki University Library. In: European Research Libraries Cooperation ERLC: The LIBER Quarterly, vol. 2 (1992), pp. 91-96.

ЭСКО ХЯКЛИ:

Эскизы к портрету директора, президента, исследователя

Эско Хякли в России является едва ли не самым известным из зарубежных библиотечных деятелей. Часто он приезжает и в Санкт-Петербург. Он знаком нам как директор Университетской библиотеки в Хельсинки — национальной библиотеки Финляндии и как многолетний руководитель Европейской лиги научных (исследовательских) библиотек (ЛИБЕР). Есть все основания утверждать, что он известен в России как один из крупнейших библиотечников и книговедов мира. Среди переведенных на русский язык и опубликованных в нашей стране работ можно назвать статьи «Проблемы национальной библиотеки Финляндии» (Библиотечноеведение и библиогр. за рубежом. 1989. № 79. С. 65-79), «Система межбиблиотечного абонемента в Финляндии» (Там же. 1981. № 84. С. 16-21), «Вопросы повышения эффективности управления библиотечными процессами в национальной библиотеке Финляндии» (Там

A unified automation system using VTLs for academic libraries in Finland. In: Program (London) vol. 26 (1992), pp. 239-248.

From neumes to network. Music in the Helsinki University Library. In: Fontes Artis Musicae (Kassel) vol. 40 (1992), nr. 1, pp. 11-16. Leader or manager? Unsophisticated thoughts about the future of library directors. In: Serving the scholarly community. Essays on tradition and change in research libraries. Presented to Thomas Tottic on July 3rd, 1995. Uppsala 1995 (Acta Bibliothecae Regiae Universitatis Upsaliensis, 33). Pp. 23-33.

From detailed grantinaid to single line budget. In: European Research Libraries Cooperation ERLC: The LIBER Quarterly, vol. 6 (1996), pp. 1-10.

Auf dem Weg zum Globalhaushalt. In: Zeitschrift für Bibliothekswesen und Bibliographie (Frankfurt am Main) vol. 43, pp. 103-109.

Approaches to preservation policy in the Nordic and Baltic countries. In: Choosing to Preserve. Conference, Leipzig 29.-30.03.1996. (ca 15 p.).

Management der Bibliotheken im Umbruch. In: Der wohlinformierte Mensch. Eine Utopie. Festschrift für Magda Streb zum 65. Geburtstag. Hrsg. Von Edith Stumpf-Fischer. Graz 1997. Pp. 430-443.

*Перевод с английского
Н.Г. Перешивайловой и
Л.Д. Грибакиной*

же. 1982. № 88. С. 35-45), «Организация публичных библиотек Финляндии» (Там же. 1985. № 104. С. 22-30), «Научные и библиотечные связи Финляндии и Санкт-Петербурга до 1840 г.» (Библиотеки Петербурга-Петрограда-Ленинграда: Сб. науч. тр. СПб., 1993. С. 139-141).

Эско Хякли получил образование в Хельсинки, где учился на теологическом факультете университета. Здесь же получил в 1976 г. степень доктора. Вся профессиональная деятельность связана с библиотекой Хельсинкского университета, где он занимал должности библиотекаря факультетской библиотеки, заведующего отделом, заместителя директора. С 1976 г. он является директором Библиотеки. В 1990 г. он получил степень почетного доктора (Doctor Honoris Causa) теологического факультета Хельсинкского университета, а в 1994 г. стал почетным доктором Педагогического университета в Таллинне (Эстония).

Эско Хякли является автором более 900 публикаций, в том числе нескольких монографий. Э. Хякли особенно активно занимается изучением истории книги и библиотек Финляндии.

Как директор национальной библиотеки Э. Хякли разработал и реализовал концепцию странственного развития и размещения Библиотеки путем освоения соседнего с Библиотекой небibliothечного здания. Он традиционно и как руководитель и как библиотековед уделяет огромное внимание вопросам управления библиотекой, чему посвящены многие публикации. За годы руководства он реализовал на практике свою концепцию национальной библиотеки как библиотеки, в которой особое внимание уделяется решению проблем раскрытия уникальных фондов путем активизации научной работы по их изучению. Он является руководителем масштабного проекта создания финской национальной библиографии 1488-1700 гг., проекта по подготовке к печати каталога рукописей выдающегося финского композитора Яна Сибелиуса, библиографического проекта Bibliographia Studiorum Uralicum, создания каталога картографического собрания А.Э. Норденскёльда (А.Е. Nordenskiöld) и ряда других. Он же стремится на практике добиться создания наиболее благоприятных условий доступа пользователей к фондам Библиотеки, в том числе через использование электронного каталога, но при этом одновременно уделяет огромное внимание решению вопросов обеспечения сохранности фондов. В нем сочетается профессионал, глубоко знающий абсолютно все стороны традиционной библиотечной работы, умеющий использовать преимущества традиционных форм и методов, и новатор, который стремится обращаться к новейшим технологиям и смело использовать нетрадиционные решения. При этом Э. Хякли делает ставку на широкое взаимодействие как с библиотеками Финляндии, так и с библиотеками соседних стран, с библиотеками всей Европы в целом. Интересы Э. Хякли нацелены как на страны, расположенные на Западе от Финляндии, так и на Восток от нее. Он является инициатором совместных исследований и проектов, двусторонних семинаров и долгосрочной работы по взаимно согласованным планам с библиотеками России, в первую очередь с ГБЛРГБ и ГПБ/РНБ. Неоднократно выступал в России на международных конференциях.

Значителен вклад Э. Хякли в сближение библиотек стран Западной и Восточной Европы в постоянно действующей Конференции директоров европейских национальных библиотек. Он является одним из наиболее активных членов этого объединения. Не менее весом и его вклад в работу постоянно действующей Конференции директоров национальных библиотек, функционирующей в рамках ИФЛА. Он же является активным участником генеральных сессий и других мероприятий ИФЛА. Неоднократно выступал на них с докладами.

Э. Хякли — инициатор создания в 1992 г. объединения «Bibliotheca Baltica», главной идеей которого было образование корпоративной библиотеки стран и территорий (по отношению к большим по территории государствам, в том числе по отношению к России, Германии и Польше) Балтийского региона.

Э. Хякли как руководитель и теоретик ярко раскрылся на посту вице-президента ЛИБЕР, а затем (с 1993 г.) и как президент этой Лиги (этот пост он занимал до 1998 г.). Именно Э. Хякли был инициатором привлечения библиотек бывших социалистических стран Восточной Европы, включая Россию, к активному сотрудничеству с Лигой, которая до начала 1990-х гг. объединяла практически только научные библиотеки стран Западной Европы. По его инициативе были проведены рабочие семинары и различного рода дискуссии, которые способствовали полноценному подключению библиотек этих стран к проектам и программам ЛИБЕР. К концу 1990-х гг. Лига стала общеевропейским объединением научных библиотек, которое учитывает в своей работе в целом, в работе его секций интересы библиотек как Западной, так и Восточной Европы.

Вне всякого сомнения одной из сильных сторон деятельности Э. Хякли, в реализации которой полно раскрылся и его талант как лидера, и талант мыслителя-реформатора, является и его работа на посту директора национальной библиотеки. Это и уникальный опыт осмысления новой роли библиотеки, которая, действительно участвует в процессах информатизации в условиях информационного общества. Для директора это означало переосмысление тех задач, которые должна выполнять первая библиотека страны в новых условиях. Хякли разрабатывает новую концепцию наци-

ональной библиотеки, связывая ее с конкретным пространством, в котором она работает, с конкретной городской средой, а также с учетом специфики положения первой библиотеки в конкретной стране, что также чрезвычайно интересно, ибо «чисто» национальных библиотек почти не бывает. В условиях Финляндии это означает, в первую очередь, выполнение функ-

ций университетской библиотеки. Реализация данной концепции связана с расширением площади библиотеки с сохранением старого — основного здания с одновременным освоением нового здания, которое не было предназначено для библиотеки, но под него идеально приспособлено.

Б. В.

ВОСПОМИНАНИЯ О СОВЕТСКОЙ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКЕ



Эдвард Казинец (Edvard Kasinec) — один из ведущих библиотековедов и историков библиотек США, автор более 200 статей и книг. Наиболее полный список его работ приведен в 7-м выпуске сборника научных трудов РНБ «Историко-библиографические исследования» (СПб., 1998). В 1976 г. Э. Казинец закончил Симмонс-колледж, а в 1979 получил степень магистра в Колумбийском университете. Его профессиональная деятельность была связана с библиотеками Гарвардского университета, Украинского исследовательского института, Колумбийского университета в Беркли. С 1984 г. по настоящее время он работает в Нью-Йоркской Публичной библиотеке, где занимает должность заведующего Славянским и балтийским отделом. Одновременно он преподает в американских и зарубежных университетах. Часто выступает в роли консультанта многих библиотечных программ. Активно сотрудничает с Американской библиотечной ассоциацией и другими американскими ассоциациями и обществами славистов и исследователей СССР и современных государств постсоветского пространства.

Э. Казинец хорошо известен в России не только по публикациям. Он часто приезжает в нашу страну, где много работает в библиотеках и архивах. Свободно владеет русским языком, он активно общается с российскими коллегами, выступает на конференциях. Предлагаемая читателям статья, любезно предоставленная автором журналу «Петербургская библиотечная школа», подготовлена на основе доклада, прочитанного Э. Казинцом в июне 1998 г. на международной конференции «Книга, издательская деятельность, библиотеки, чтение во время холодной войны» в Париже.

«В 1972 г. Ленинская библиотека отметила свою 110-ю годовщину. Это национальная библиотека, выполняющая следующие функции: государственное хранилище всех изданий, рукописей и печатных материалов страны; хранилище иностранной литературы; ведущее научно-исследовательское учреждение страны в области библиотековедения и теории библиографии; научный, методический и координационный центр советских библиотек.

Ее фонды насчитывают более 26 миллионов единиц на 201 языках народов мира. Библиотека хранит уникальные издания разных стран и эпох. Ежедневно она обслуживает около 11.000 пользователей.¹

«Как ведущий идеологический, научно-исследовательский и информационный центр страны, Библиотека исходит из принципов партийной идеологии и подлинной демократии. Эти принципы составляют основу [sic]

¹ А.Н. Ефимов, В.В. Серов, О.С. Чубарьян (ред.) Книги на службе общества (Из опыта советских библиотек): Сборник статей советских авторов. М., 1974.

формирования фондов Библиотеки, обслуживания читателей, определяют научно-информационную работу, тематику научных исследований и методической деятельности. Опираясь на свои богатые традиции, опыт советского и зарубежного библиотечно-информационного обслуживания. Библиотека постоянно совершенствует свою деятельность на благо дальнейшего развития науки, культуры и техники.»²

Вступительные замечания

Впервые я попал в Ленинскую библиотеку почти тридцать лет назад, летом 1971 г. С тех пор я бывал в Библиотеке много раз, особенно в последние десять лет. И все же, в каждый приезд в Москву я мысленно возвращаюсь к периоду своего первого знакомства с этой великой библиотекой и работы с многими видными библиографами и библиотекарями того поколения. В статье отражена часть этого опыта. Здесь нет исчерпывающих исторических характеристик, речь идет лишь о малой доле из огромного массива позитивного, поучительного опыта пребывания в этом выдающемся культурном учреждении мира. И все же надеюсь, что мои записки дают некоторое представление об условиях научной работы в российских библиотеках во времена «холодной войны» и — что на мой взгляд еще важнее — их существенном воздействии на формирование Западных фондов российских материалов в период после Второй мировой войны.

Обстоятельства моего пребывания

Я провел тринадцать месяцев в Москве и Санкт-Петербурге (лето 1971 — лето 1972 гг.) в рамках соглашения о двухстороннем обмене молодыми специалистами между Российским Министерством культуры и Московским университетом, с одной стороны, и Советом по международным исследованиям и обменам в Колумбийском университете, — с другой. До отъезда в Россию я сдал устные экзамены по истории Восточной Европы и России в докторантуре Колумбийского университета. К тому же я имел некоторый опыт библиотечной работы в отделе комплектования Библиотеки Колумбийского университета, а также в Нью-Йор-

кской публичной библиотеке и Библиотеке семинарии Св. Владимира в Крестовде. В России мне предстояло изучать архивы, рукописные собрания и печатную библиографию по источникам, связанным с видным деятелем Русской Православной Церкви XIX в. Филаретом (Дроздовым) и его отношениями с московским обществом. В течение основной части советского периода Филарет считался политическим ретроградом, а все исследования в связи с ним рассматривались достаточно скептически. Отправляясь в Россию, я был почти уверен в трудности и даже невозможности доступа ко многим необходимым источникам.

Перед отъездом каждому из нас был назначен научный руководитель из преподавательского состава Московского университета. Моим руководителем был историк Сергей Сергеевич Дмитриев, доцент исторического факультета Московского университета. Дмитриев был необыкновенной личностью во многих отношениях. Он родился в Ярославле и в молодости много лет работал хранителем в разных провинциальных музеях. Затем он перебрался в Москву на исторический факультет университета и заинтересовался историей славянофилов — философско-культурного движения второй половины XIX в. Политическая обстановка 30-х гг. не благоприятствовала интересам Дмитриева, и в целях профессионального выживания он переключился на вспомогательные исторические дисциплины и библиографию. К тому же он был очень осторожным, как теперь говорят, «политически благонадежным». В течение всего года Дмитриев оказывал неизменную поддержку в моей работе. Он охотно делился своими контактами в области российской исторической библиографии, архивных и библиотечных фондов.

Мой распорядок дня был достаточно прост. После завтрака в университетском буфете я обычно отправлялся в Архив, который находился возле Новодевичьего монастыря, или в отдел рукописей Ленинской библиотеки. Я часто обедал в американском посольстве и имел возможность бесплатно пользоваться книгами, записями и пленками, которые распространял отдел культуры посольства. Политически благонадежные книги я передавал в отдел международного

книгообмена Ленинской библиотеки, которым тогда руководил весьма предприимчивый и энергичный Борис Петрович Каневский. Вторую половину дня я чаще всего проводил в Ленинской библиотеке, а иногда в Государственной исторической библиотеке (которая по-прежнему находится на улице Богдана Хмельницкого и отмечает сейчас свое столетие), Фундаментальной библиотеке общественных наук (бывшая Библиотека Комакадемии, а теперь Институт научной информации по общественным наукам или ИНИОН), или в старой библиотеке Московского университета и поныне расположенной в центре города. В начале 70-х гг. американцы были в Москве диковинными птицами, и во всех библиотеках меня принимали хорошо и даже сердечно, особенно в связи с рекомендациями коллег из Ленинской библиотеки и иностранного отдела университета. Ужинал я как придется в вечернем университетском буфете.

Таковы были обстоятельства моих занятий в России. А теперь несколько замечаний и, как мне кажется, примечательных историй.

I. Определенный тип научно-исследовательской работы

Одна из особенностей европейских научных библиотек — в отличие от северо-американских — заключается в том, что наряду с функциями хранения они выполняют функции научно-исследовательских центров. Однако научная работа в советских научных библиотеках в значительной мере определялась конкретными политическими и социальными потребностями режима и Министерства культуры и проводилась в условиях крайней изоляции от аналогичной деятельности в Западной Европе и Соединенных Штатах. В начале 70-х гг. целые секторы Ленинской

библиотеки вели исследования, готовили и публиковали работы по такой тематике, как социология чтения, методическое руководство обслуживанием читателей в массовых библиотеках, теория и практика международного книгообмена и история книги.

В плане профессиональной квалификации отделы хранения и научные отделы находились на высоте, там работали выдающиеся ученые, многие из которых начинали свою деятельность еще в 1920-х гг. Знакомством с ними я обязан моему старинному другу, известному библиографу и сотруднице Ленинской библиотеки Галине Андреевне Главацких, которая работала в справочном отделе, но была тесно связана с гуманитарными науками, и в частности по русской истории. Через нее я познакомился с целым рядом самых замечательных сотрудников — Соократом Александровичем Клепиковым, Марком Митрофановичем Клеменским, Борисом Каневским, Татьяной Николаевной Каменевой и такими известными преподавателями и книжниками, как Петр Зайончковский³ и ныне покойный Александр Иванович Рогов⁴.

На одном этапе своей работы я ежедневно посещал отдел рукописей. Отдел возглавляла довольно известный литературовед (ныне здравствующая и благоденствующая) Сара Владимировна Житомирская⁵. Она правила жесткой рукой, но пользовалась уважением и сотрудников, и читателей. В отделе работало около десятка сотрудников, среди них такие уважаемые специалисты, как Валентина Зиминова (зам. зав.), Галина Довгайло, Николай Тихомиров и грозная Маризтта Омаровна Чудакова⁶.

Некоторые библиографы не слишком стремились к знакомству со мной. Боязнь политичес-

³ Зайончковский был автором или редактором множества работ, см. напр.: *Справочники по истории дореволюционной России: Библиограф. указ. М., 1978; Указатель воспоминаний, дневников и путевых записок ХУШ-ХІХ вв.: из фондов Отдела рукописей, Государственная библиотека СССР имени В.И.Ленина. М., 1951.*

⁴ В качестве примеров их работ можно привести, соответственно, такие библиографии: Клепиков А. *Фигляри и штемпели на бумаге русского и иностранного производства ХVIII-ХХ века. М., 1959; Клеменский М.М. История Государственной ордена Ленина библиотеки СССР имени В.И. Ленина, М., 1953; Каневский Б. Международный книгообмен советских библиотек. М., 1964; Каменева Т.Н. Украинские книги кирилловской печати ХVI-ХVII вв.: каталог изданий, хранящихся в Гос. Библиотеке СССР имени В.И. Ленина. М., 1976; Рогов А.И. Сведения о небольших собраниях славянорусских рукописей. М., 1962.*

⁵ Одна из ее последних работ: *Вопросы собрания, учета, хранения и использования документальных памятников истории и культуры. / Сост. С.В. Житомирская и др. М., 1982.*

⁶ В качестве примеров работ двоих последних см.: *Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР, XI-XIII вв. под ред. Л.П. Жуковской, Н.Б. Тихомировой и др. М., 1984; Мастерство Юрия Олеси М.О. Чудаковой. М., 1972, и ее Жизнеописание Михаила Булгакова. М., 1988.*

ких и экономических санкций пронизывала общество, в котором жили они и я. Это касалось таких видных книжников, как Исаак Михайлович Кауфман и Иоэль Нафтаэльевич Кобленц.⁷ Особенно примечательной личностью был Кобленц, начавший свою деятельность в 1920-х гг., когда учившаяся в Америке Генриэтта Дерман создавала Библиотеку Комакадемии.

Политика вторгалась в науку и более изощренными путями. Например, библиографические издания Ленинской библиотеки не учитывали целые категории литературы и содержание этих изданий строго регламентировалось. Так, например, фундаментальная библиография Главцких и Зайончковского по Дневникам и воспоминаниям⁸ полностью игнорирует тысячи важных изданий российской и прочей (украинской, белорусской) эмиграции и крайне скудно отражает мемуары и труды деятелей Русского Православия, изданные в Российской Империи. Все составители с горечью сознавали этот недостаток, оптимистически полагая, что пробелы когда-нибудь заполнят западные коллеги.⁹

Еще более изощренные формы искажений и цензуры предусматривали приоритетную подготовку и распространение изданий по российской светской в противовес религиозной (славянской) или иностранной культуре в России. Показательным примером является Сводный каталог русской книги гражданского шрифта XVIII века в шести томах.¹⁰ Тома, посвященные изданиям гражданского шрифта, были выпущены тиражом в 4.000 экземпляров, а тома Каменевой по славянским (в основном религиозным) изданиям — всего в 300 экземпляров.¹¹ Среди других изданий, подготовленных Ленинской Библиотекой, многотомная библиография изданий по революционному движению конца XIX в. и огромное множество библиографий по истории книги при советской власти.

⁷ Среди работ Кауфмана: *Русские энциклопедии. М., 1960* и *Русские биографические и библиографические словари. М., 1955*. Кобленц составил указатель *Источники и деятели русской библиографии XV-XVII вв. М.: Наука, 1991*.

⁸ *История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях: аннотированный указатель книг и публикаций в журналах, сост. Г.А. Главцких ... и др.; под ред. П.А. Зайончковского. М., 1976-1989, 5 тт. в 13.*

⁹ *Продолжающийся в настоящее время многолетний проект под руководством профессора Теренса Эммонса из Стэнфордского университета (американского ученика П.А. Зайончковского) нацелен на заполнение этих пробелов и учитывает издания русской эмиграции.*

¹⁰ *Сводный каталог русской книги гражданского шрифта XVIII века, 1725-1800, ред. И.П. Кондакова и др., сост. Е.И. Кацпржак и др. М., 1962-1975.*

¹¹ *Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII века. М., 1968.*

II. Несоответствия документации

Одна из первоочередных задач администрации Ленинской библиотеки предусматривала охрану фонда как от физических повреждений, так и от неправомерного использования. В зимние месяцы нужно было сначала пройти в раздевалку, где читатели с билетами первого читального зала обслуживались вне очереди и могли рассчитывать на место на вешалке. В библиотеку не разрешалось вносить документы, фотокопии и прочие печатные материалы, которые нужно было также оставить в раздевалке. Затем нужно было пройти мимо дежурного и милиционера, получив листок-кладыш в читательский билет. Этот листок нужно было хранить до конца дня, и при выдаче книг в нем указывалось число единиц. Однажды библиотекарь справочного отдела нечаянно пометила в моем листке больше томов Православной богословской энциклопедии, чем я заказал и получил. Когда библиотека закрывалась (около 10 час. вечера), я вернул меньше томов, чем было указано в листке, и сотрудники пришли в ужас. В конце концов меня «отпустили», но лишь после того, как один из сотрудников высказался в том плане, что будь я советским гражданином, меня ни за что не выпустили бы из Библиотеки.

Крайне строгая система охраны в Библиотеке предусматривала анонимный и даже мифический характер некоторых отделов. Это в частности касалось военного отдела и легендарного спецхрана, или хранилища особых фондов. В годы учебы я знал только, что спецхран помещается за дверью без таблички на третьем этаже, между курительной (!) и мужским туалетом. В 70-х гг. даже намек на существование спецхрана был для советского библиотекаря практически равносильен политической провокации. Несколько десятков лет

спустя, в 90-х гг., этот отдел мне показывал хранитель, который сообщил, что в нем находится около полумиллиона томов, включая множество изданий русской эмиграции (в этом смысле он очень напоминает Гуверовскую библиотеку в миниатюре), а также эротику, литературу по шпионажу и другие неординарные материалы. Последние библиографические издания Ленинской библиотеки — книга покойного Виктора Харламова об эмигрантских материалах — частично учитывают эти фонды.

III. «Множительный аппарат»

При въезде в Советский Союз нас предупредили о необходимости «регистрации» пишущих машинок в таможене и органах безопасности. Насколько мне известно, на всю Москву было всего одно общедоступное устройство фотокопирования, в основном применявшееся для разного рода юридических документов. Немногочисленная копировальная и печатная аппаратура Ленинской библиотеки строго контролировалась во всех отношениях, и заказы читателей на копирование принимались только в одном помещении в определенное время. Два руководящих сотрудника проверяли соответствие материалов требованиям и определяли возможный объем заказов. Определенные категории материалов не подлежали копированию, в том числе картографические материалы, статистико-экономические показатели и даже некоторые виды художественной литературы. Сотрудники были ознакомлены с научными планами многих западных ученых и просто отказывались принимать материалы, по их мнению не соответствующие этим планам. В те дни была распространена практика микрофильмирования вместо ксерокопирования, даже для отдельных статей и небольшого листажа. Вероятно, и это имело политическое измерение. Ведь фотокопии легко распространять (и повторно копировать), а для чтения и копирования микрофильма нужна специальная аппаратура.

IV. Урок чистописания: каталоги

В начале 70-х гг. получить билет в читальные залы Ленинской библиотеки могли только лица с высшим образованием. Читальные залы дифференцировались не только по видам изданий (газеты и периодика, справочные издания и т.д.),

но и по тематике. Для обслуживания высокопоставленных политиков, военных и ученых — и западных ученых и аспирантов — предназначался солидный читальный зал номер 1, довольно просторное и приятное помещение с видом на кремлевские башни. В этом зале могли работать 30-40 читателей, среди которых были представители научной элиты города и страны. Безусловно, их не слишком радовало присутствие каких-то иностранных студентов из капстран. В первом зале работали постоянные сотрудники, которые обеспечивали потребности своих читателей. Это было так называемое полное обслуживание. Сюда входило бронирование индивидуальных полок для читателей и проверка полноты, точности, правильности и соответствия (очень важно) их заявок на литературу. Предусматривалась даже координация с внутренними отделами и непосредственно с каталогами для определения шифра по каждой заявке. Полное обслуживание в первом читальном зале устраняло всякую необходимость обращения иностранных или высокопоставленных русских читателей к открытым (а тем более) внутренним каталогам Библиотеки архивного типа.

Открытые каталоги были многочисленные и достаточно сложные по характеру, от каталогов по марксистско-ленинской классификации до каталогов книг на иностранных языках по ББК (очень характерное явление для советских библиотек), и алфавитного (по автору и заглавию) каталога для посетителей. Самый полный каталог по всем фондам Библиотеки был открыт только для сотрудников Библиотеки. Он назывался алфавитный служебный каталог и находился в стратегической центральной зоне Ленинской библиотеки. Вход в него был строго воспрещен для читателей, а возможно и для некоторых сотрудников. Лишь много лет спустя, в совершенно иных политических условиях мне довелось попасть в эту святая святых.

Как я уже упоминал в своих заметках, я занимался деятелем религиозно-политического толка, считавшимся тогда архиереакционной и даже одиозной фигурой (сейчас он канонизирован Московской Патриархией). В ходе подготовки библиографии я обратился к ученому или ответственному секретарю Библиотеки грозной Т.Л. Пастремовой за допуском к алфавитному служебному каталогу на том основании, что доступный мне открытый каталог не-

полон и непригоден для работы по моей теме. В разрешении на самостоятельную работу в карточном каталоге мне, разумеется, было отказано, но с весьма оригинальным поворотом, а именно: библиографы библиотеки переписуют для меня карточки, относящиеся к моему деятелю, из алфавитного карточного каталога Библиотеки. Что и было исполнено, так что по окончании довольно длительного срока я получил несколько сотен тщательно переписанных карточек. Только впоследствии я узнал от друга и коллеги каким кошмаром было исполнение этого указа для сотрудников.

V. Протест Оптинских Старцев: провокация?

Сразу по прибытии в Москву американское посольство проинструктировало нас о возможных угрозах со стороны московских органов безопасности. Например, было хорошо известно — и все учащиеся могут немало рассказать по этому поводу — что наши комнаты прослушиваются. Это входило в обучение. Но мне пришлось столкнуться с более зловещим проявлением советского внимания к приезжим иностранцам, и это случилось однажды утром в Ленинской библиотеке.

В начале 70-х гг. читальный зал, фонды и служебные помещения отдела рукописей находились в одном из флигелей Дома Пашкова, здания Ленинской библиотеки XVIII века. Там же размещался один из фондов «ограниченного доступа» (или особого доступа) Ленинской библиотеки — фонд диссертаций, которые тоже относились к рукописям на правах рукописей. Разрешение на работу в отделе рукописей не всегда предусматривало доступ к фондам отдела, особенно в отношении «капстран». Читатели из капстран не получали доступа к описям (реестрам или пособиям поиска) и разрешения на публикацию по собраниям, с которыми работали советские исследователи. Ни один исследователь — ни советский, ни западный — не допускался к неразобраным собраниям. К несчастью, они составляли значительную — в то время и по западным меркам — часть рукописных собраний Библиотеки.

Моя ежедневная работа в отделе рукописей была организована достаточно систематически. В конце дня документы, с которыми я работал, оставлялись на полке, предназначенной для моих

материалов. Однажды утром я попросил материалы, с которыми работал накануне. После быстрого просмотра документов я с изумлением (и легким испугом) обнаружил среди своих бумаг несколько папок документов из рукописных фондов Оптиной Пустыни — влиятельного монастыря XIX — начала XX вв. Среди этих документов были протесты Оптинских Старцев, направленные советскому правительству в связи с закрытием монастыря в 20-х гг. Это был, конечно, запретный плод, тем более, что весь этот фонд был неразобран. Я быстро закрыл папки и вернул их юной библиотекарше, сказав, что это не мои материалы. Впоследствии я узнал, что другая читательница отдела, которая занималась архивным поиском для мастерской, проводившей реставрационные работы в Монастыре, попросила положить эти материалы к моим. Впоследствии я познакомился с этой юной и довольно привлекательной самаритянкой, и она даже вызвалась сопровождать меня в научных командировках по Советскому Союзу. Что это было — провокация или акт доброй воли? Выяснить не хотелось.

VI. Несколько размышлений в заключение

Истории, которые я рассказал, вероятно, показывают не столько трудности исследователей в Ленинской библиотеке при советской власти, сколько возможное неблагоприятное воздействие советской политики по определению иерархии «желательной» тематики исследований в сочетании с разнообразными препонами для западных и советских исследователей на формирование «познавательной базы» в России и на Западе. Об этом наглядно свидетельствуют организация открытого каталога, ББК и прочие мероприятия, о которых говорилось выше. Марксистско-ленинская концептуализация и организация знания фактически создали иерархию исследовательской тематики, в которой гуманитарным темам — включая мою собственную — отводилось место у подножия пирамиды. Тщательная проверка запросов, выдачи, а в ряде случаев и копирования; случаи провокаций; изоциренная «цензура» изданий Библиотеки все это подрывало объективность научных исследований. А для западного библиотекаря это означает пересмотр научной ценности некоторых наших приобретений за годы советской власти.

И в этом, возможно, заключается более серьезный смысл моих воспоминаний. Многие достойные люди, и в России, и за ее пределами, вынуждены были применять методы и разрабатывать темы, которые оказались непродуктивными и не способствовали развитию знаний и науки. И, быть может, только сейчас, почти через десять лет после крушения коммунистических и социалистических обществ Восточной Европы, мы начинаем понимать и сознавать во всей полноте трагическое значение советской библиотечной практики для профессиональной, научной,

издательской деятельности и формирования библиотечных фондов в России и во всем мире в области славистики.

Дополнительная библиография

Чубарьян О.С. Библиотеки в Советском Союзе. Мемфис, Теннесси, 1974.

Гейер Г. Жить и учиться в МГУ: Московские воспоминания немецкого стажера. М., б.д.

Государственная ордена Ленина библиотека СССР имени В.И. Ленина: Памятка читателю. М., 1985.

Клевенский М.М. Путеводитель по Государственной библиотеке СССР имени В.И. Ленина. М., 1959.

БИБЛИОТЕКИ И ЦЕНЗУРА: НАСЛЕДИЕ ПРОШЛОГО И ПРОБЛЕМЫ НАСТОЯЩЕГО

Наталья Александровна Гринченко — научный сотрудник сектора редких книг и книговедения ОФО Российской национальной библиотеки

Наталья Генриховна Патрушева — научный сотрудник сектора редких книг и книговедения ОФО Российской национальной библиотеки

Михаил Борисович Кошаев — старший научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники РАН

Библиотека была в центре внимания международной научной конференции «Свобода выражения, цензура, библиотеки», прошедшей 14-17 октября 1998 г. в Риге. Конференция была организована Национальной библиотекой Латвии, Библиотечной ассоциацией Латвии, а также ЮНЕСКО, Советом Европы, ИФЛА, фондом Сороса, министерством культуры Латвии и Латвийским фондом культуры. Заседания проходили в конференц-залах гостиницы «Рига», в самом центре старой Риги, и были обеспечены синхронным переводом. Официальными рабочими языками конференции являлись латвийский, английский и русский. Однако и в неофициальной обстановке многие участники конференции из Прибалтики общались друг с другом на русском языке.

Это фактическое трехязычие получило отражение и в прекрасно изданных материалах конференции: *Varda briviba, bibliotekas. Konferencijas materiālu krājums*. Rīga. 1998. 234 p., которые получили все участники конферен-

ции. На русском языке представлены не только тексты докладов авторов из России, но и почти всех литовских авторов. Русские тексты литовских авторов имеют также резюме на английском. Некоторые материалы на литовском языке сопровождаются резюме на немецком или английском. Ряд докладов в сборнике материалов представлен только тезисами на английском или немецком. Остальные тексты докладов даны на английском языке.

Ко времени работы конференции была приурочена выставка «Цензура в Латвии: свидетельства разных эпох», открытая в первый день конференции в Национальной библиотеке Латвии (автор — И. Клекере, музей литературы и истории искусства им. Я. Райниса). Конференцию приветствовали министр культуры Латвии Р. Умблия (*Ramona Umblīja*), директор Национальной библиотеки Латвии А. Вилкс (*Andris Vilks*) и представитель комиссии по образованию, культуре и науке Сейма Латвии Д. Абикус (*Dzintars Abikis*).

В работе конференции приняли участие представители 15 стран: Бельгии (1), Хорватии (1), Дании (3), Эстонии (5), Франции (4), Германии (1), Венгрии (2), Латвии (50), Литвы (7), Норвегии (1), России (4), Словении (1), Швеции (9), Великобритании (2), США (4). Наибольшее количество докладов было сделано исследователями из прибалтийских стран — Латвии, Литвы, Эстонии, Швеции, Дании, Норвегии, России (все четыре приглашенных докладчика были из С.-Петербурга). Всего на конференции было заслушано 66 докладов и выступлений.

Первая сессия была посвящена общей теме «Свобода выражения и доступ к информации». На сессии выступили: Дж. Витиело (Giuseppe Vitiello), представлявший директорат по образованию, культуре и спорту Совета Европы, с докладом «Свобода выражения и доступ к информации: культурное измерение», Г. Юшкявичус (Henrikas Yushkivitchus), помощник генерального директора по коммуникациям, информации и информатике ЮНЕСКО, с докладом «Свобода выражения в контексте развития», Е. Демакова (Helena Demakova), фонд социального образования «Новая Академия», Латвия, с выступлением «Легко ли быть лгуном?» и К. Кангерис (Karlis Kangeris), кафедра балтийских исследований Стокгольмского университета с докладом «История и диктатура в Латвии».

На второй день работа конференции проходила по трем секциям: «Анатомия цензуры: исторические аспекты», «Свобода выражения и цензура сегодня», «Цензура и демократия». Доклады на каждой секции были сгруппированы по тремчетырём темам в следующем порядке.

Секция «Анатомия цензуры: исторические аспекты» включила темы: «Цензура: история репрессий и преследований», «Цензура и книги», «Цензура и библиотеки» и «Цензура versus свобода выражения». Доклады на секции были посвящены деятельности отдельных цензоров конца 18-го-первой половины 19-го столетия в Латвии (Л. Лимане, Национальная библиотека Латвии) и империи Габсбургов (С. Фолдвари, кафедра классической филологии, университет Дебрецена), формированию развитию института цензуры в Прибалтике в первой половине 19-го века (Н.А. Гринченко, Российская на-

циональная библиотека), аналогичному процессу в России в конце 19-го — начале 20 вв. (Н.Г. Патрушева, Российская национальная библиотека), особенностям цензуры в Литве в периоды оккупации в 19-20 вв. (Й. Тимелис, Национальная библиотека Литвы), положению со свободой слова в Дании при абсолютизме в конце 17-го-первой половине 19-го вв. (О. Кристиансен, Государственный архив Дании).

Институциональный аспект формирования и изменения цензуры в значительной степени присутствовал и в докладах, обрисовывавших деятельность советского Главлита в Эстонии и Литве. Если в докладе П. Лотмана (Национальная библиотека Эстонии) упор был сделан на длительном воздействии цензуры в отношении христианской литературы в Эстонии и последствиях такого воздействия для эстонской культуры в целом, то в докладах литовских коллег основное внимание было уделено фактографическому перечислению «черных списков» нежелательных авторов и соответствующим потерям библиотек в период 1944-1954 гг. (К. Синкевичус и П. Юкниене, Национальная библиотека Литвы). Непростой процесс влияния цензуры на латвийский роман был проанализирован в докладе Р. Бриедлиса (Латвийская Академия культуры). Деятельность цензуры в Латвии в краткий период 1940-1944 гг. была подробно рассмотрена в докладе А. Штрале (Национальная библиотека Латвии), а во время нацистской оккупации — в докладе Я. Дреймане (Национальная библиотека Латвии). Наконец, советизации научных библиотек Латвии в 1940-х-1950-х годах было посвящено обстоятельное выступление В.Зандерс (Латвийский университет). Своего рода итоги взаимодействия цензуры и библиотек в новейшее время были подведены в докладе Э. Кондриц-Дацис (Государственный центр развития библиотек Словении). Самые разнообразные социальные и политические стороны и результаты деятельности цензуры анализировались с привлечением богатого архивного материала в докладах И. Шкинке (Государственные архивы Латвии), И. Берсон (Латвийский союз писателей), А. Езергайлс (Кафедра истории, Итака Колледж, США), Я. Лиепиньш (Латвийский союз писателей).

На секции «Свобода выражения и цензура сегодня» доклады были сгруппированы по те-

мам: «Профессионалы информации в контексте свободы выражения», «Доступность информации и цензура», «Цензура и Интернет», «Информационная политика международных организаций». На этой секции также речь по существу шла — в той или иной степени — о библиотеках, архивах, книгах и документах. Доклад Д. Клавина (Государственные архивы Латвии) был посвящен некоторым проблемам, с одной стороны, сохранения архивов репрессивных институтов периода оккупации, а с другой стороны, доступа к ним. О доступе к одному из таких архивов — архиву КГБ в Латвии — говорила в своем выступлении И. Залите (Центр документации последствий тоталитаризма), подчеркнув необходимость создания единой информационной системы для его использования. А. Хорват (Кафедра информационных наук, философский факультет Загребского университета) поведала о «молчаливых» книгах в хорватских библиотеках в период после Второй мировой войны (1945-1998). О латвийских библиотеках и цензуре рассказала С. Линина (Библиотечная ассоциация Латвии). В свою очередь И. Клекере (Музей литературы и истории искусств им. Я. Райниса) также сосредоточилась на некоторых эпизодах послевоенной истории (1945-1990) Национальной библиотеки Латвии, показав, что далеко не все и не всё выстроилось по одной линии.

Современные проблемы выражения и наличия цензуры в новых или модифицированных формах были затронуты в докладах О. Вовериене, (факультет коммуникаций Вильнюсского университета), С. Велавичене (Национальная библиотека Литвы), О. Бруверса (Государственный офис по правам человека, Латвия), В.Р. Фирсова (Российская национальная библиотека). Наибольший интерес участников вызвали доклады, посвященные теме «Цензура и Интернет»: в зале буквально не хватило места, и часть интересующихся вынуждена была разместиться прямо на полу. П. Стургес (Лаугбаре университет, Великобритания) подробно разобрал целый ряд крайне актуальных вопросов, связанных с созданием пунктов общественного доступа к Интернету. Я. Варлейс (США) дала ответ на вопрос, кто является цензорами Интернета сегодня и почему. У. Кинис (эксперт по кибер-

преступлениям, районный суд Кулдиги, Латвия) детально рассмотрел юридические аспекты различных видов свободного и ограниченного доступа к Интернету и пользования им, а А. Норберг (Национальная библиотека Эстонии) дала общую картину распространения информационных потоков на примере Эстонии, подчеркнув важную роль эстонских библиотек в этом процессе.

Проблемы юридического обеспечения и защиты деятельности библиотек в современных условиях проанализированы в докладе Б.М. Хаггстром (Ассоциация культуры, информации и документации, Швеция). О политике ИФЛА в отношении обеспечения интеллектуальной свободы посредством библиотек и при активной поддержке библиотечных работников рассказал Я. Ристарп (ИФЛА, Дания). О информационной политике Европейского союза сообщила Е. Зибарте (Библиотека европейского факультета Латвийского университета). Наконец В. Терауда остановилась на весьма актуальной проблеме осуществления фактической цензуры через установление режимов ограниченного доступа к информации.

К секции «Цензура и демократия» были отнесены такие темы, как «Свобода выражения», «Четвертая сила и цензура», «Язык и издательская работа». В открывшем заседании секции докладе Р. Фитцсиммонса (Библиотека Пенсильванского университета, США) было убедительно продемонстрировано основополагающее значение принципа интеллектуальной свободы в демократическом обществе. На роли библиотек в развитии и совершенствовании такого общества детально остановился в своем докладе Т. Лидман (Шведская королевская библиотека). А. Мелдре осветила проблемы, возникшие в связи со свободой выражения в современной Эстонии (Таллиннский педагогический университет), а Юрубенис (латвийская евангелическая лютеранская церковь) — теологическое понимание соотношения свободы выражения и цензуры. М.Б. Кошачевым (Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники РАН) был дан обзор и анализ хода и результатов нескольких конференций и семинаров, как российских, так и международных, посвященных различным аспектам истории цензуры,

современного положения с цензурой и свободой информации в России.

История многообразных форм и видов идеологического и социального контроля в Латвии в конце «брежневского» периода была дана в выступлении П. Раудсепса (газета «Диена», Латвия). О непростом соотношении цензуры и самоцензуры говорил В. Авотильш (газета «Яуна Авизе»). Состояние средств массовой информации в современной Беларуси было представлено в обстоятельном докладе В. Вутсанс (Архивы и библиотека «Открытое общество», Венгрия). О сложных и порой причудливых зависимостях между реальным и официальным видами информации рассказал Я. Домбурс (Независимое информационное и исследовательское бюро, Латвия). И. Бриксе (Латвийский университет) рассмотрела возможности и следствия проведения политики цензуры средств массовой информации в демократическом обществе. Особый интерес представлял доклад Я. Кушкина (Латвийский университет) о языковой цензуре и самоцензуре, поскольку вопрос определения грани, например, между цензурой и редактированием всегда вызывал много горячих споров. Наконец, терминологический подход к проблеме цензуры в библиотеках был дан Н. Блюджене (Национальная библиотека Литвы).

На заключительной сессии «Цензура и власть» утром 16 октября выступали депутаты Сейма Латвии: Э. Инкенс от партии «Латвийский путь», М. Гринблатс от партии «За Отечество и свободу», а также Ю. Боджарс от латвийской социал-демократической партии, Институт международных отношений Латвийского университета, и И. Островска, кафедра социальных наук, Медицинская академия Латвии. После обсуждения результатов секционных заседаний и проекта меморандума на заключительном заседании сессии был принят текст Рижского меморандума «Свобода выражения и свободный доступ к информации в общественных пунктах доступа», в котором особо подчеркивается роль библиотек в сохранении и предоставлении информации. Вечером по итогам работы конференции была проведена пресс-конференция.

Одним из результатов работы конференции было установление более тесных контактов и налаживание сотрудничества в различных сфе-

рах. Участники конференции обменялись опытом исследований в области истории книги и цензуры XIX–XX вв. и договорились о дальнейшем сотрудничестве. Представители научной общественности нескольких стран выразили пожелание получать систематическую информацию о научных изданиях Российской национальной библиотеки. Сотрудники Национальной библиотеки Латвии представили проект биобиблиографического словаря, посвященного деятелям книжного дела Латвии.

В кратком обзоре конференции невозможно сколько-нибудь подробно остановиться на содержании даже наиболее интересных докладов, обрисовать хотя бы самые характерные ее черты или проанализировать некоторые предварительные итоги, наметившиеся тенденции дальнейших исследований в данной сфере и в ряде наиболее актуальных проблем. Интересующиеся могут сделать это и сами, познакомясь с материалами конференции, переданными в Российскую национальную библиотеку и Библиотеку РАН. Ограничимся поэтому лишь упоминанием нескольких особенностей, проявившихся, что называется, по ходу дела, и иллюстрирующих, на наш взгляд, некоторые общие моменты состояния исторических исследований, которые можно было бы отнести к привычной дихотомии «Запад — Восток».

Наследие прошлого (в частности того факта, что республики Прибалтики более сорока лет входили в состав СССР) еще долго будет актуальным фактором настоящего, в том числе и проводимых исследований по истории и современности. На конференции это, в частности, проявилось в том, что в некоторых докладах, например литовских коллег, картина действия цензуры была двухцветной или двухплюсной: Главлит, с одной стороны, и репрессируемая национальная литература (культура и т.д.) — с другой. Такой «черно-белый» подход еще недавно был присущ и многим российским исследованиями как по истории библиотек и цензуры в России, так и по истории страны в целом, и в определенной степени сохраняется и поныне. Психологическая обусловленность такого подхода (определенная направленность литовских авторов, или, если обратиться к нашему собственному опыту, авторов российских, придерживающихся конкретных ориентацией и убеждений) понятна и

естественна. Проблема, однако, в том, что получающаяся в результате таких исследований картина остается существенно неполной и иногда даже искаженной, а сам исследователь так или иначе проходит подчас мимо очевидных фактов или вопросов, которые напрашиваются сами собой. В итоге порой он не столько приближается к истине, сколько творит новые мифы, вводя, по крайней мере частично, в заблуждение и других специалистов, и обычного читателя. Вопросы и обсуждение докладов по темам «Цензура: история репрессий и преследований» и «Цензура и книги» на секции «Анатомия цензуры: исторические аспекты» помимо прочего показали, что на те нюансы, которые российским докладчикам представляются уже важными, их прибалтийские коллеги еще не обращают внимания. Представляется очевидным, например, что действия того же Главлита в Литве, Латвии и Эстонии осуществлялись не вакууме и не абстрактными фигурами, а реакция на них была многообразна и вовсе не сводилась лишь к сопротивлению, неприятию или сотрудничеству из идейных или иных побуждений.

Заслуживают внимания многие другие проблемы, пока не ставшие предметом исследований. Достаточно назвать вопросы взаимовлияния цензуры и литературы, так называемой инициативы на местах, использование цензуры в борьбе литературных и социальных течений, в том числе в собственных интересах разными группами, входящими во власть (не только в компартиях, но и вне их). Другим брошенным в глаза аспектом проявления все той же дихотомии «Запад — Восток» было явное

различие в исследовательских интересах выступавших из разных геополитических поясов. Докладчики из западноевропейских стран говорили преимущественно о современном состоянии связи «свобода выражения и библиотеки», в первую очередь о тех проблемах, которые уже возникли или скоро возникнут в связи с широким использованием новых информационных технологий и прежде всего с настоящим их обвалом, вызванным Интернетом. Выступавшие из Прибалтики почти всецело сосредоточились на оккупационной цензуре, а интересы докладчиков из России оказались разделенными поровну между цензурой досоветской эпохи и современным положением в России со свободой выражения.

Таким образом, ориентация интересов исследователей из России оказалась ближе к западноевропейскому направлению научного поиска, чем к прибалтийскому. Последнее, что хотелось бы отметить, это подтверждение фундаментального значения библиотеки для нормального (желающие могут по своему усмотрению использовать другие характеристики: демократическое, цивилизованное, с человеческим лицом и т. п.) существования и развития общества. Обоснованием именно такого вывода явились доклады как по истории цензуры самых различных эпох и периодов, так и по современному положению и значению библиотек в разных странах и в мире в целом. Поэтому не будет конъюнктурным или чисто эмоциональным преувеличением утверждение, что без сохранения и должного развития библиотек в России ее возрождение и лучшее будущее весьма проблематично.

ВЕЙМАРСКАЯ БИБЛИОТЕКА В КОНЦЕПЦИИ «ВИРТУАЛЬНОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ЕДИНСТВА» И.В. ГЁТЕ

Борис Федорович Володин — ведущий научный сотрудник научно-исследовательского отдела библио-тековедения Российской национальной библиотеки, канд. пед. наук

28 августа 1999 года исполнилось 250 лет со дня рождения великого Гёте. Иоганн Вольфганг Гёте прожил большую жизнь. Он родился в 1749 г. во Франкфурте-на-Майне, а умер в 1832 г. в Веймаре.

В течение всего 1999 года Веймару было предназначено быть культурной столицей Европы. Но этот город стал хорошо известен всему миру почти два столетия назад — на рубеже XVIII-XIX вв. Славу он обрел благодаря Гёте.

С Веймаром связана огромная часть его жизни. Здесь он реализовал себя как поэт и писатель, как ученый и государственный деятель. В целом, деятельность Гёте чрезвычайно многогранна. Одна из ее сторон на протяжении нескольких десятилетий была связана с библиотечным делом, в том числе и с Герцогской библиотекой.

1. Библиотеки в сфере внимания Гёте как государственного деятеля

Идея пригласить в Веймар на государственную службу 26-летнего Иоганна Вольфганга Гёте возникла в 1775 г. у юного герцога небольшого тюрингского государства-герцогства Заксен-Веймар, 18-летнего Карла Августа. Он восторгался самим Гёте и его книгами. Через 50 лет после приезда Гёте в Веймар, т. е. в 1825 г., Карл Август в своей речи во время чествования юбиляра в Рококо-зале Веймарской библиотеки, произнесет: «...День, когда Вы приняли мое приглашение и прибыли в Веймар, я с полным правом называю днем действительного начала Вашей службы у меня, потому что с того самого момента Вы постоянно давали мне прекраснейшие доказательства верности и дружбы, отдавая свой редкий талант» (1). Сам же Гёте много лет спустя скажет о своем друге, с которым судьба свела его на многие годы: «Он был человеком необыкновенным. В любой области несколько-нибудь значительное возбуждало его



Иоганн Вольфганг Гёте
Ангелина Kaufmann, масло, 1787/88 гг.

интерес. Он неустанно стремился вперед и все новые изобретения и устройства старался внедрить в своем герцогстве» (2).

Здесь, в Веймаре, Гёте стал исполнять обязанности руководителя учреждений науки, культуры и образования герцогства Заксен-Веймар-Эйзенах. Эти обязанности, в том числе и обязанности по руководству библиотеками, он стал выполнять тогда, когда он уже имел большой опыт руководителя высокого ранга, руководителя государственного масштаба. В 1776 г. он был принят на государственную службу в качестве члена тайного консилиума (тайным посольским советником), т. е. государственного совета, который представлял собой высший совещательный орган государственной власти

при герцоге. Он руководил работой ряда комиссий, например строительной, но наиболее тесно был связан с Горнорудной комиссией или Управлением горными промыслами, комиссией по созданию стекольных заводов и шерстяной мануфактуры. При этом благодаря Гёте была приведена в порядок финансовая система и система налогообложения. В целом Гёте стремится по возможности изменить к лучшему жизнь герцогства и его граждан. В 1776 г. он пишет: «Мой корабль на волне жизни — я полон решимости делать открытия, завоевывать, бороться, тонуть или взлететь на воздух со своим грузом» (3). При этом важно принять во внимание, что Гёте говорит именно об административной деятельности, т. е. об управлении, а не о политической деятельности (4). Позднее, в 1828 г. он предельно лаконично и точно сформулировал свою жизненную позицию: «...Важно, что весит человек на весах человечества: все остальное суета сует. Звезды на мундирах и карета, запряженная шестерней, производят впечатление разве что на темные массы». (5). Гёте считает своим долгом полностью отдавать себя выполнению государственных

поручений и нести за это персональную ответственность (6).

Среди чиновников, с которыми пришлось работать Гёте, он особо выделяет одного — Кристиана Готлоба Фойгта (1751-1819), деловые качества которого кажутся Гёте очень ценными. Гёте сделал его своим ближайшим помощником по работе в Горнорудной комиссии. С 1791 г. Фойгт становится членом консилиума, а в 1794 г. тайным советником. С 1797 г. Гёте и Фойгт становятся комиссарами (министрами), отвечающими за учреждения науки, культуры и образования. В круг их постоянных обязанностей входит и руководство библиотеками. К этому моменту Гёте имел ясную концепцию развития науки, культуры и образования в Веймарском государстве. Впервые Гёте изложил свою концепцию в докладе «О различных аспектах местной деятельности» (7). В этом программном документе он излагает и свои представления о том, какую роль играют библиотеки в контексте научной, культурной и образовательной политики государства. Хотя доклад был подготовлен им как документ, несомненно имеющий государственное значение, Гёте не представил его на заседании государственно-



Веймар, Дворец Виттум
Раскрашенная гравюра Эдуарда Любе, около 1840 г.

го совета и не пытался придать ему законодательную форму. Ему казалось гораздо более существенным получить не директивную, а естественную поддержку со стороны тех, от кого зависит реализация этих идей, он хотел также сделать первых лиц государства своими единомышленниками. Именно так, по его мнению, можно было вызвать новые живые импульсы и воплотить в жизнь различные инициативы. Доклад был представлен на заседании «Общества пятницы» («Freitags-Gesellschaft») в 1795 г.

«Общество пятницы», которое объединило ученых и деятелей культуры, возникло в 1791 г. по инициативе Гёте. Вместе с Гёте его устав подписали Фойгт и Виланд, а также ученый Иоганн Готфрид Гердер, писатель Карл Людвиг Кнебель, книготорговцы Иоганн Иохим Боде и Фридрих Иоганн Юстин Бертух, придворный аптекарь Вильгельм Генрих Буххольц. В дальнейшем круг участников встреч расширялся. С самого начала деятельности общества на его заседаниях присутствовали герцог и члены его семьи. Встречи, организацией которых руководил сам Гёте, проходили регулярно, в первую пятницу каждого месяца у Анны Амалии — в ее Вдовьем дворце (Виттгум-пале) в Веймаре или в ее летней резиденции в Тифурте (8).

В докладе «О различных аспектах местной деятельности» была дана всесторонняя характеристика всех основных направлений научной, культурной и образовательной жизни герцогства, подчеркивалась роль конкретных институтов и учреждений, развитие которых обеспечивает, по мнению Гёте, полноценную научную, культурную и образовательную жизнь общества и в конечном итоге определяет развитие самого государства.

Доклад можно условно разделить на три части. В первой части охарактеризована, главным образом, роль деятельности учреждений культуры — института рисования, театра, капеллы (оркестра), а также садово-парковой деятельности. Это не было случайно, поскольку Гёте был убежден в том, что немецкая нация имеет склонность скорее к науке, нежели к искусству (9). И именно поэтому он стремился найти нужное равновесие в интеллектуальном развитии граждан государства. Развитие науки, по его мнению, зависело, прежде всего, от того, насколько оно уравновешивалось развитием культуры.

Вторая часть доклада посвящена школам и другим общеобразовательным учреждениям. Особое внимание Гёте обращает на необходимость изучения в школе иностранных языков — как древних (иврит, греческий, латинский), так и современных (английский, итальянский, испанский, французский).

И, наконец, третья часть посвящена деятельности учреждений науки — университета, музея, естественно-научного общества, обсерватории. Характеризуя университет, Гёте особое внимание уделяет изучению гуманитарных наук — теологии, философии, юриспруденции. В этом же ряду рассматриваются библиотеки, причем как учреждения, которые обеспечивают развитие науки. Конкретно Гёте затрагивает деятельность четырех библиотек — Веймарской герцогской библиотеки и трех библиотек, находившихся в Йене, — Академической (университетской) и двух тогда самостоятельных библиотек, основой которых были частные собрания — Бударовское и Бюттнеровское. В качестве главной задачи библиотек он выделяет достижение ощутимого взаимодействия, дословно, «виртуального единства» («virtuale Vereinigung») — разумеется, виртуального в том смысле, какой вкладывали в это слово его современники, т. е. видимого, реально ощущимого взаимодействия библиотек, координации и кооперации их деятельности. При этом Гёте не конкретизирует отдельные этапы развития библиотек и библиотечного дела государства в целом на пути к достижению «виртуального единства», но главная цель им определена и четко сформулирована.

Университетская библиотека, с одной стороны, рассматривается в общем контексте функционирования библиотек государства. С другой стороны, она же является составной частью университета. От того, как она функционирует, зависит, будет ли успешной деятельность самого университета. Подробно этот вопрос здесь не обсуждается, но для Гёте, усвоившего опыт Гёттингена, необходимость соблюсти это условие очевидно. Поэтому вопросы развития и самого университета и его библиотеки рассматриваются в одном блоке проблем.

Таким образом, в 1795 г., еще до того, как Гёте непосредственно приступил к исполнению обязанностей министра, отвечающего за развитие науки, образования и культуры герцог-

ства Заксен-Веймар-Эйзенах, он имел четко сформулированную программу действий, наметив четкие ориентиры политики государства в этих областях. Библиотечные учреждения занимают в этой программе очень важное место. Сформулирована и поставлена конечная цель. На пути к ее достижению Гёте — как министр — проводит ряд реформ в области науки, образования и культуры, без которых были бы немислимы принципиальные позитивные изменения в развитии библиотек, он также проводит реформы в самих библиотеках.

Эти реформы имели «скрытый», т. е. не афишируемый характер. О реформах не объявлялось, они не пропагандировались, а проводились. При этом их реализация не форсировалась. Это было характерно для всей деятельности Гёте, и библиотечная сфера исключением не была. Реформы осуществлялись на протяжении длительного времени. Один этап сменялся другим, и между этими этапами могло пройти немало времени. И это не было случайностью. Реформы Гёте начинал тогда, когда для их проведения возникали объективные предпосылки, когда необходимостью их проведения подтверждались потребности общества. В 1802 г., анализируя результаты своей библиотечной деятельности, Гёте писал: «Библиотечное дело мало-помалу развивается, хотя все еще достаточно медленно. Я всегда придерживаюсь моей тактики и теперь стараюсь продвигаться вперед от этапа к этапу» (10).

2. Читатель

Гёттингенской библиотеки

Библиотека была, таким образом, далеко не единственным учреждением, за функционирование которого стал отвечать Гёте, приступив к исполнению обязанностей государственного министра. Но если судить еще по первому плану развития подведомственных ему учреждений, становится ясно, что библиотека занимает в нем особое место. Этот план подтверждает, что Гёте имел прекрасное представление о том, какое место это учреждение должно занимать и какую роль играть в жизни общества, в жизни государства. Столь глубокий, практически профессиональный подход был не случайным, ибо к этому времени Гёте имел свой личный библиотечный опыт — опыт читателя библиотеки Гёттингенского университета.

С Гёттингенской библиотекой Гёте связывало многое. Он работал в ней как читатель. Пребывание в Гёттингене всегда было для Гёте плодотворным. В 1801 г. он писал оттуда Шиллеру, отсылаясь о здешних заведениях как об учреждениях «в высшей степени солидных»: «...Я и теперь ощущаю, как проясняется мой дух при созерцании здешнего бытия» (11). Неоднократно он заказывал из этой библиотеки литературу по межбиблиотечному абонементу (12). С директором библиотеки — Кристофом Готтлобом Хейне (1729-1812) — Гёте связывали дружеские отношения. В своем дневнике он называет его «старым другом» (13) и пишет о том, что сидеть в аудитории университета и внимать словам ученого было для него заветным желанием (14). Особенно активно пользовался фондами Библиотеки Гёте в 1801 г., когда он работал над своим учением о цвете. О времени, которое он провел в библиотеке, он пишет как о своего рода пиршестве общения с трудами, которые были столь необходимы ему для научной работы и которые он в столь большом объеме смог получить здесь: «Итак, я провел... время, настолько полезно, настолько и приятно. Должен заметить, что приближение к высочайшим проявлениям эрудиции было небезопасным, поскольку я пожелал просмотреть все поступившие в мое распоряжение диссертации, разложил перед собой все тома аналогичных академических трудов и, в итоге, нашел столько всего с разных сторон мнящего, что я и без того легко подверженный способности пытаться дать всему определение и при моей предварительной подготовке по многим предметам оказался втянутым и туда и сюда... т. е. в разные сферы знания» (15).

После одного из посещений Гёттингена Гёте сделал в своем дневнике запись об этой библиотеке: «При поверхностном знакомстве с тихой и невидимой деятельностью библиотеки не замечают того, как огромный капитал, которым она располагает, неуловимо дает не подлежащие учету проценты дохода» (16).

Гёте был абсолютно прав в столь высокой оценке деятельности библиотеки. Она не была типичной ни для своего времени, ни для самой Германии. Германия тогда была богата крупными библиотечными собраниями, которые сформировались, в первую очередь, в резиденциях правителей как небольших, так и крупных

государств. К этому времени сложилось немало интересных городских библиотек, особенно на севере страны. Имелся ряд крупных университетских библиотек. Но Гёттингенская библиотека не была похожа ни на одну из университетских библиотек, не была похожа ни на какую другую библиотеку того времени.

Гёттингенская библиотека была основана в 1737 году. Автором уникальной концепции ее формирования и развития, согласно которой она должна была стать лучшей научной библиотекой Европы XVIII в., является первый куратор университета барон Герлах Адольф фон Мюнхаузен. Он был сторонником воспитания «образованного человека, способного управлять наукой», т. е. он был единомышленником и во многом последователем Фрэнсиса Бэкона (17). Успех или неудача в работе университета, по его глубокому убеждению, определялись, в первую очередь, тем, как была организована библиотека университета. По словам директора Университетской библиотеки К.Г. Хейне, Мюнхаузен сумел путем создания хорошо организованной библиотеки придать всему университету неповторимый облик, т. е. лучшим университет стал благодарно тому, что он имел лучшую библиотеку (18). С именем же самого Хейне, который был директором Библиотеки с 1764 по 1812 гг., связана эпоха расцвета этой Библиотеки.

Как университетский центр особого государства Германии — Ганноверского государства — Гёттинген развивался в пространстве немецкой науки и культуры, но имел иные, по сравнению с университетами других германских государств, возможности. Ганновер развивался под сильным британским влиянием, поскольку британский монарх был в то же самое время и королем Ганновера.

Согласно первоначальным замыслам, Гёттингенский университет должен был превзойти лучший немецкий университет того времени — университет в Галле. На деле же оказалось, что новому университету было предназначено играть более значимую роль — роль ведущего университета Европы. В Гёттингене впервые создавался такой университет, роль главного инструмента развития которого отводилась библиотеке. При этом, библиотека, свободная от влияния музейных представлений об организации ее работы, была нацелена на обслуживание не ученых, проводивших отдель-

ные исследования, что было столь характерно для науки XVII в., а науки — всех ее отраслей и направлений развития. Имеются все основания считать Гёттингенскую библиотеку первой библиотекой, которая была полностью сориентирована на служение науке как важнейшая составляющая научного учреждения.

Основной элемент концепции Гёттингенской библиотеки — непрерывное, планомерное и научно обоснованное приобретение отечественной и иностранной литературы. В своем комплектовании библиотека ориентировалась на научную деятельность, а не на любительские занятия в области той или иной дисциплины. Как отмечалось в уставе Библиотеки 1810 г., она должна была быть «оборудована для выполнения научного плана, не для хобби в виде занятий отдельными дисциплинами, не из любви к роскоши, не для внешнего лоска, но для воплощения, олицетворения и охвата важнейших научных трудов всех времен и народов по всем наукам в виде отечественной и иностранной литературы... Таким образом, как правило, нужно искать и отбирать только такие книги, в которых содержатся научные, технические, практические знания, способствовавшие прогрессу, в которых содержится хотя бы один шаг вперед; предпочтение следует также отдавать все же книгам, которые содержат источники систем, улучшений, расширений, исправлений по сути и по форме, но не книгам, содержащим просто повторения и компиляции уже известного или тривиального» (19). Речь идет, таким образом, не об абстрактном всеобщем охвате потока мировой литературы, а об определенных, научно обоснованных принципах комплектования. Приоритетность в комплектовании отдается наиболее ярким, наиболее значимым в научном отношении изданиям.

Гёттингенская библиотека и сама активно участвовала в процессе развития науки. Помимо традиционной функции обслуживания исследователей, одной из ее функций была подготовка к изданию журнала рецензий «Göttingischen Gelehrten Anzeigen». В отличие от других научных журналов того времени, которые не могли охватить все направления развития науки и нередко даже перепечатывали рецензии из других изданий, здесь помещались оригинальные рецензии, этот журнал был единственным изданием в мире, которое помогало

ориентироваться в потоке мировой литературы, ибо в распоряжении создателей журнала был уникальный фонд библиотеки. При этом ни одна область науки не должна была ускользать от внимания рецензентов. И хотя, по мнению Мюнхаузена, невозможно было достичь такой цели, как охват всего потока литературы, но и более далекие части света», упускать из виду такую цель не стоит и нужно «сильнее, чем другие критические журналы, стремиться приблизиться к ней» (20).

Главным достоинством университетской библиотеки Мюнхаузен считал сам факт возможности пользоваться ею. Особое внимание уделялось информированию о новых поступлениях. В Гёттингенской библиотеке огромное значение придавали искусству раскрытия фонда библиотеки. По мнению Георга Маттие, профессора медицины и хранителя библиотеки, автора оригинального плана организации работы общедоступной (или публичной) библиотеки, опубликованного в 1755 г. под названием «Проект, как привести в порядок публичную библиотеку с тем, чтобы она стала общественно полезной и самой удобной», «сверхнеобходимо определить порядок, для чего каждой книге нужно отвести определенное место, чтобы ее там всегда можно было найти» (21). Согласно этому плану, доступ к фонду будет возможен через алфавитный каталог, называемый Маттие «указателем имен», и через систематический каталог. Последний был организован таким образом, что каждый большой раздел начинался подразделом, который не просто раскрывал имеющуюся в библиотеке литературу по конкретной теме, но и предоставлял читателю возможность воспринимать собственное исследование в контексте труда предшественников как продолжение уже проводившейся до него работы. Современники не без зависти относились к своим коллегам в Гёттингене, считая порой их достижения лишь заслугой сотрудников самой библиотеки. По мнению ученого Фридриха Гедике, «многие профессора своей литературной славой обязаны лишь библиотеке, которая их обеспечила всеми средствами для их научной работы, какие только можно пожелать» (22).

Успешность политики целенаправленного комплектования фондов Библиотеки является,

прежде всего, заслугой Филиппа Августа Шлютера, на протяжении длительного времени непосредственно отвечавшего за приобретение новой литературы. Ставка была сделана на связи с голландскими книготорговцами, что было более чем оправданно, ибо именно Голландия была в те годы центром мировой книжной торговли. Имелся и особый инструмент, позволявший планомерно пополнять фонд библиотеки и вести анализ этой деятельности. В библиотеке — в соответствии с решением Сената университета — вели особый каталог новых книг, рекомендуемых для приобретения.

Гёттингенская библиотека стала своего рода эталоном, на который ориентировались многие библиотеки Европы, в том числе и крупнейшие из них, например Библиотека Британского музея в лице ее директора-реформатора Антонио Паницци. Опыт Гёттингенской библиотеки оказывался особенно полезен там, где предпринимались попытки привести деятельность той или иной сложившейся в другую эпоху, сориентированной на другие идеалы и требования, научной библиотеки в соответствие с новыми идеалами и требованиями. Наиболее смелый шаг в этом направлении сделал Гёте. В отличие от Гёттингена в герцогстве Заксен-Веймар-Эйзенах речь шла не о создании новых библиотек, а об их реорганизации и реформировании — причем о реформировании постепенном, поэтапном, т. е. речь шла о принципиально иной организации всей системы библиотек в масштабах небольшого по территории и численности жителей государства.

Именно из Гёттингена Веймарское государство получило своего рода духовный импульс к созданию библиотеки — им стала частная библиотека профессора Гёттингенского университета Кристиана Вильгельма Бюттнера (1716-1801), лингвиста и естествоиспытателя. Увлечение библиофильством довело этого ученого до того, что к началу 1780-х гг. он из-за огромных долгов оказался в крайне сложном финансовом положении, в связи с чем принял решение продать свою библиотеку. В 1782 г. Гёте, узнав о том, что эта частная библиотека продается, предложил герцогу Карлу Августу ее приобрести. Просьба была удовлетворена. Приобретение библиотеки Бюттнера и организация ее доставки в Веймар стали первым библиотечным поручением Гёте, которое он вы-

полнял как тайный советник Веймарского герцогства, т. е. как высокопоставленный чиновник государства (23).

Значение этого приобретения заключалось прежде всего в том, что речь шла не просто о хорошей библиотеке, а о библиотеке, составленной на принципиально иной основе. Библиотека Бюттнера — наряду с рядом других крупных личных собраний, тогда еще принадлежавших профессорам Геттингенского университета — дополняла фонд самой университетской библиотеки. Именно совокупность всех книжных собраний делала возможным столь полное удовлетворение потребностей читателей. Организация главной библиотеки, т. е. самой библиотеки университета, и в первую очередь организация ее комплектования на научной основе со стремлением к исчерпывающему комплектованию наиболее ценной литературой по самым разным направлениям науки, выходявшей в свет во всем мире, оказывали влияние на организацию личных библиотек профессоров университета и определяли качество их фонда. Библиотека Бюттнера не была исключением. Поэтому для веймарского герцога приобретение библиотеки геттингенского профессора означало, что он, во-первых, получил прекрасно подобранную коллекцию литературы по интересовавшей Бюттнера проблематике — прежде всего по естествознанию; во-вторых, у него появился замечательный образец для организации комплектования. Современники очень высоко ценили качество библиотеки Бюттнера, который, получив пенсию от веймарского герцога и став в 1783 г. официальным советником двора в Веймаре, имел право пожизненно пользоваться собственной библиотекой и продолжал заниматься комплектованием фондов этого собрания. Библиотека, численность фонда которой составляла 13 тысяч томов, была размещена в Йене. Туда же переехал и сам Бюттнер.

Гёте хорошо представлял себе, насколько ценным собранием является библиотека Бюттнера. Еще в начале 1798 г. он дает задание сотрудникам Замковой библиотеки в Йене, основной которой и стала коллекция Бюттнера, составить каталог этой библиотеки. 23 мая 1798 г. он высылает Фойгту первые два тома каталога Бюттнеровской библиотеки и предлагает продолжить работу над каталогом. К середине июля 1798 г. было готово уже 5 томов катало-

га, а в октябре того же года была завершена работа по созданию 6-го, последнего тома. После кончины Бюттнера в 1801 г. Гёте лично начинает заниматься дальнейшей судьбой этого уникального собрания.

3. Библиотека европейской культурной столицы

На 1999 г. Веймар объявлен культурной столицей Европы, благодаря чему он стал еще более известным всему миру. Но он остается небольшим городом, площадью несколько более 50 кв. км с численностью жителей около 60 тыс. человек. Когда Гёте 7 ноября 1775 г. приехал в Веймар по приглашению герцога Карла Августа, город был намного меньше. В конце XVIII в. в нем проживало всего 6 тыс. человек. Путешественники нередко отмечали, что не следует отдаляться от центральных улиц, ибо можно попасть в дыры и закоулки «заштатного медвежьего угла» (24). Но несмотря на это, Веймар, который был столицей всего лишь небольшого тюрингского герцогства Заксен-Веймар, уже имел яркую историю культурной жизни. В Веймаре жил и в 1553 г. умер художник Лукас Кранах Старший, создавший, в частности, алтарь для Городской церкви. Здесь же сложилась богатейшая коллекция работ как Кранаха-старшего, так и Кранаха-младшего, ибо именно здесь сын Кранаха-младшего собрал богатейшую коллекцию работ обоих художников. С 1707 по 1717 гг. здесь жил и работал в качестве придворного органиста Иоганн Себастьян Бах. Здесь родились двое из его сыновей — Вильгельм Фридемманн Бах (в 1710) и Карл Филипп Эммануэль Бах (в 1714) — тоже композиторы, получившие известность, первый как «Галльский» Бах, а второй как «Берлинский» или «Гамбургский» Бах. Но особенно ярко стал проявлять себя Веймар в XVIII в., когда править герцогством начала герцогиня Анна Амалия. Дочь брауншвейгского герцога Карла и его жены Филиппины, она, в свою очередь, сформировалась как личность в атмосфере поклонения литературе и искусству, ибо именно в Вольфенбюттеле, резиденции брауншвейгского герцога находилась одна из лучших библиотек Германии и крупнейшая по объему и богатствам книжных фондов библиотека Северной Европы, богатства которой современники сравнивали с крупнейшей библиотекой Южной Европы — Ватиканской. Библиотеку в Вольфенбюттеле она посещала, уже



Герцогиня Анна Амалия
Картина И. Е. Вейнуса, 1780

будучи правительницей Веймара, в 1771 г. и встречалась там с начавшим работать в должности библиотекаря Готхольдом Эфраимом Лессингом (впоследствии всемирно известным драматургом) (25). Сама Анна Амалия, которая в 1758 г. в возрасте 18 лет осталась вдовой и стала опекуном будущего герцога Карла Августа, сделала во времена своего регентства очень многое для культурного развития герцогства, и не в последнюю очередь благодаря тому, что окружила себя людьми, духовно одаренными. Впоследствии сам Гёте очень точно охарактеризовал ее: «Государыня до мозга костей, при этом исполненная чисто человеческих чувств и склонная к радостям жизни» (26). Она не только много читала, но и сочиняла музыку, рисовала. Она же пригласила в 1772 г. в Веймар — в качестве воспитателя для ее сына — одного из самых крупных писателей Германии того времени, профессора философии университета в Эрфурте Кристофа Мартина Виланда (1733-1813). В Германии того времени имелось крайне мало королевских, герцогских или иных дворов, которые были бы столь тесно, как веймарский, связаны и с университетом, и с новой «официальной» культурой (27). И именно в эпоху регентства Анны Амалии началось интенсив-

ное развитие города. К моменту приезда Гёте в городе и в герцогстве в целом сложилась благоприятная среда для обеспечения плодотворного развития и города и государства во благо их граждан. Но это развитие было необходимо осмыслить, определить дальнейшие перспективы, разработать планы. Это смог дать Веймару Гёте.

За годы, которые Гёте провел в Веймаре, город сильно изменился внешне. Но гораздо важнее то, что за внешними переменами стала ощущаться особая атмосфера — от этого города начал исходить особый свет, свет духовности. За годы жизни и деятельности Гёте в Веймаре город преобразился настолько, что уже через несколько десятилетий приезжающие туда путешественники ни слова не говорили о провинциализме или приметах «медвежьего угла». Так, известная французская писательница Анна Луиза Жермена де Сталь (1766-1817), путешествовавшая по Германии в 1803-1804 и в 1807 гг., писала о Веймаре: «Теперь у Германии впервые появилась эстетическая столица». Эта столица влияет, по ее глубокому убеждению, на окружающий ее мир, а не только на Германию, и «влияет не иначе, как через свет, который от нее исходит» (28). Она же подчеркивала: «Веймар называют немецкими Афинами, и в действительности, это единственное место, в котором интерес к прекрасным искусствам служит национальным и связывает братским узами между различными территориями» (29).

То, чем стал Веймар, несомненно, является результатом огромной духовной работы, которую вел, живя в этом городе, сам Гёте. На рубеже XVIII-XIX вв. произошли также изменения архитектурного облика города. Идеи архитектурного преобразования города, внесения изменений в его планировку и создания условий для дальнейшего развития Веймара в соответствии с планом строительства города принадлежат Гёте. Благодаря ему в городе появились широкие улицы и площади. Так, на месте крепостной стены были устроены бульвары и эффектная эспланада (сегодня — Шиллер-штрассе). Представления Гёте об архитектуре были воплощены в проекте Римского домика — летней резиденции Карла Августа. По инициативе Гёте и под его руководством на месте сгоревшего в 1774 г. старого замка для герцога строится новый замок. По рекомендации Гёте эффектную парадную лестницу и

праздничный Белый зал строят по проекту берлинского архитектора Генриха Гетца. Осенью 1804 г. состоялись большие торжества по поводу переезда в новый замок. Был восстановлен и сгоревший в том же году театр. Гёте перестраивает и дом на площади Фрауенплан с 1792 по 1798 гг., который он купил для себя. Изменены были не только интерьеры, при создании которых Гёте реализовывал свои представления о физиологическом влиянии цвета, но и фасад здания, который стал соответствовать классическому стилю. Под влиянием Гёте обретают черты классицизма и многие другие здания Веймара. Среди них и Зеленый замок — здание Герцогской библиотеки.

На месте располагавшегося рядом с центром Веймара старого парка, в долине реки Ильм по эскизам Гёте был разбит новый — в английском стиле — огромный ландшафтный парк. Работа ведется с 1778 г. по 1828 г. Этот парк дополняли великолепные парки, разбитые в ближайших окрестностях города, — в Бельведере, Тифурте и Эттерсбурге. Все эти парки создавались под влиянием античного искусства, под влиянием тех впечатлений, которые получил Гёте во время своего пребывания в Италии.

Основная идея, согласно которой было решено разбить парк в долине реки Ильм, — стремление выразить чувства человека, который, вырвавшись на свободу из суесть городской и светской жизни, окунается в царство природы. Деревья и кусты были расположены так, чтобы выгодно подчеркнуть особенности пространства, а также игру света и тени. Дорожки повторяли очертания извилистых берегов Ильма. Основную роль в реализации этого проекта сыграл Фридрих Иоганн Юстин Бертух.

По проектам Гёте были созданы и те постройки, которые преобразили пространство парка. На месте старой теплицы в 1786 г. появился чайный домик в готическом стиле, получивший название Дома рыцарей-храмовников (тамплиеров). В 1778 г. к именинам герцогини Луизы был сооружен т. н. монастырь Луизы, в центре которого был построен Березовый домик, который очень любил Карл Август. В том же году Гёте создает удивительную по красоте скалистую лестницу, которая ведет сверху — со стороны города — к центру парка, к мосту через Ильм. Лестница, ска-

листый грот и «природный» источник стали ансамблем, который Гёте посвятил памяти несчастной девушки Кристель фон Ласберг, которая утопилась из-за несчастной любви в Ильме возле этого места в ночь на 18 января 1778 г. Слуга Гёте, который наутро нашел тело девушки, увидел, что в ее руках был томик гётевского «Вертера», что особенно потрясло самого Гёте. Позже в парке появляются Грот сфинкса, искусственные руины, Змеиный камень и многое другое.

Парк расположен очень близко от Герцогской библиотеки. Окна этого здания с одной стороны выходят на одну из центральных площадей города. С другой стороны — из них открывается вид на царство природы.

И все же основные изменения, связанные с именем Гёте произошедшие в Веймаре за годы его жизни и деятельности в этом городе, затронули не внешний облик столицы герцогства, хотя именно Гете одухотворил этот город — как его центр, так и его окрестности. Самые главные изменения имели место в интеллектуальной жизни Веймара, ибо не без влияния Гете была создана «духовная инфраструктура» города, а в ее рамках — новые центры науки, культуры и образования.

В период с 1829 по 1832 г. Гёте с повышенным вниманием следит за процессом развития Свободной школы рисования, которая в этот период становится высшей школой архитектуры и строительства. Особенно ощутимые плоды дали заложенные Гёте основы этой школы в конце XIX-начале XX вв., когда она стала всемирно известной под названием, которое в переводе с немецкого означает «Строительный дом», но в языки других стран мира оно вошло в транслитерации на языке оригинала — Баухауз или Государственный Баухауз (Staatliches Bauhaus) (30).

Очень многое делает Гёте для создания художественного музея. Особенно активно работа по его размещению в здании Большого охотничьего дома ведется с 1822 г. К 1825 г. была готова инвентарная опись экспонатов будущего музея. Именно благодаря Гёте впоследствии сформировалась столь богатая своими коллекциями картинная галерея, которая в XX в. была размещена в здании Замка (31). Он же дал сильный импульс и для развития в Веймаре школы живописи (32).

Еще больше внимания уделяет Гёте преобразованию уже сложившихся ко времени его приезда в Веймар учреждений науки, культуры и образования. Главными объектами его внимания становятся театр и библиотека. Не случайно в 1823 г. он сказал: «Где еще на таком маленьком клочке земли найдете вы столько доброго! К тому же у нас еще имеется тщательно составленная библиотека и театр, который ни в чем не уступит лучшим театрам других немецких городов». (33)

Свой театр жители Веймара любили и до приезда Гёте, но о том, чтобы считать его театром высокого уровня и сравнивать с лучшими театрами Германии, не могло быть и речи. Гёте же сделал все возможное, чтобы театр изменился до неузнаваемости.

Сам Гёте любил театр и как зритель, и как драматург — им написано для театра множество произведений. Но в Веймаре он и сам играл в театрах, созданных на природе — как актер-любитель. Так, например, в Эттерсбурге он играл роль Ореста в спектакле, поставленном им по его же пьесе «Ифигения в Тавриде», роль Ифигении играла прославленная актриса Корона Шрертер. В Веймарском театре Гёте реализовал как свои идеи об организации театра, так и идеи о его предназначении. Сама театральная система Гёте возникла как результат его работы с Веймарским театром. Гёте добился здесь единства основных элементов театра — драмы, спектакля и зрителя (34). Здесь он реализовал свои представления о театре как театре ансамблем, сравнивая театральную трушу с оркестром (35).

Добиться столь высоких художественных результатов он смог в большей степени потому, что постоянно работал как с актером, так и со зрителем. Для него особое значение имело повышение статуса актера в обществе, и в Веймаре он добился и этого: «Таким образом я помогал им (актерам — *Б.В.*) продвигаться вперед в их искусстве и еще старался завоевать для всего актерского сословия большое уважение общества; лучших и талантливейших его представителей я вовлекал в свой круг, доказывая тем самым, что считаю их достойными дружбы со мной. Моему примеру последовали многие, и в конце концов актеры и актрисы стали желанными гостями в лучших домах Веймара, что, разумеется, способство-

вало развитию их культуры, как внешней, так и внутренней...» (36). И в этом, и во многом другом единомышленником и последователем Гёте был Фридрих Шиллер.

Веймарский театр стал лучшим театром Германии того времени и сохранял эти позиции и в дальнейшем (37). В Веймаре сложилась и уникальная музыкальная школа, которая в середине XIX в., уже после смерти Гёте, получила всемирную известность как Веймарская школа (38).

Веймарская библиотека выглядела на фоне других придворных библиотек Германии очень выигрышно и до приезда Гёте. В отличие от библиотек, которые находились в ведении известных ученых и писателей, которые нередко рассматривали свою библиотечную должность просто как звание, как форму оплаты их труда монархами и не стремились создавать условия для полноценного доступа реальных и потенциальных читателей к их фондам, Веймарская библиотека была ориентирована именно на читателя.

Период наиболее интенсивного развития основанной в 1691 г. Веймарской библиотеки приходится на вторую половину XVIII в., на эпоху правления Анны Амалии. Именно Анна Амалия предоставила Герцогской библиотеке здание Зеленого замка с прекрасным овальным залом, который был переоборудован для библиотеки в 1761-1766 гг. В 1787 г. Шиллер писал: «Здесь библиотека значительна и находится в образцовом порядке. Тут «есть и систематический каталог, по которому можно найти книгу на полке за несколько минут» (39). Однако такой образцовой выглядела библиотека лишь в сравнении с другими придворными библиотеками Германии того времени. Гёте, ознакомившись в 1797 г. с состоянием дел Веймарской библиотеки, приходит к выводу, что состояние ее дел весьма далекое от образцового. Этот вывод был сделан им на основании сведений, которые он затребовал из Библиотеки (40).

Поскольку Гёте уже имел к тому времени большой опыт управленческой деятельности, он безошибочно точно определил круг сведений, собрать которые необходимо для того, чтобы составить мнение о реальном состоянии данного учреждения. В том, как он подошел к анализу состояния дел, проявился типичный для Гёте чиновника, руководителя и, наконец, министра

аналитический подход, т. е. умение собирать информацию управленческого характера и анализировать ее, а затем, на основе проведенного анализа принимать решения, необходимые для совершенствования работы того или иного учреждения, для дальнейшего его развития.

Следует отметить, что уже в самой формулировке вопросов, касающихся организации работы Библиотеки, был ощутим по-настоящему профессиональный подход к рассмотрению библиотечной деятельности. Не будем забывать, что Гёте, как бывший читатель Гёттингенской библиотеки, обладал большим читательским опытом.

Прежде всего, он попытался выяснить, каково на тот момент было реальное состояние фонда Библиотеки, а именно — сколько неперебретенных, следовательно, непригодных для использования книг, находится в Библиотеке, и сколько книг утеряно местными и иногородними читателями. Ему важно было понять, имеются ли акты, отражающие книжные поступления.

Выяснилось, что книжный фонд находится в весьма неудовлетворительном состоянии. Показатели количества утерянных книг и книг, которыми невозможно пользоваться — необработанных и неперебретенных — оказались весьма высокими. Неутешительными были и сведения о книгах, находившихся у читателей на руках. Но самое главное — отсутствовали даже точные данные о количестве всех книг, имевшихся в Библиотеке — известно было лишь, что фонд ее насчитывал около 60 тыс. книг (41). После того, как было установлено количество непригодных к пользованию книг, а также число дублетов, стало возможным определить реальный состав фонда Библиотеки. Число дублетов составляло, например, 1 тыс. книг.

Второй круг сведений должен был дать представление о состоянии библиотечных каталогов, т. е. о том, насколько полно отражен в них (например, в алфавитном каталоге) фонд Библиотеки, и насколько, следовательно, ее фонд доступен читателям. Гёте интересовало и то, как ведутся каталоги в Библиотеке. В целом состояние каталогов оказалось более чем неплохим. Иоганн Кристиан Бартоломей (1708-1778) в период между 1753 и 1776 г. создал поистине образцовый систематический каталог в 60 томах (42).

Вопросы, вошедшие в третью группу, затрагивали состояние обслуживания читателей. Гёте интересовало, сколько книг выдано в данный момент, в какое время и в какие дни открыта Библиотека. При этом выяснилось, что контроль за выдаваемой литературой в Библиотеке практически отсутствовал, хотя формально он существовал с 1792 г. (43). Не были четко определены и часы обслуживания читателей.

Четвертый круг вопросов имел отношение к организации работы Библиотеки. Прежде всего, Гёте интересовало, распределена ли текущая работа среди персонала, и если да, то как. Он смог убедиться в том, что распределение обязанностей в Библиотеке было достаточно четким. Особое внимание он уделил финансовому положению Библиотеки — как израсходованы средства, выделенные Библиотеке на текущий финансовый год и есть ли у Библиотеки долги.

В самом начале 1798 г. Гёте подготовил документ, в котором он излагал требования к организации работы Библиотеки. Основной акцент был сделан на обеспечение контроля за сохранностью фондов и за тем, как им пользуются. 24 января выходит специальная инструкция, обязывающая вести регистрацию всех новых поступлений и всех книговыдач.

Приняты были меры и для очистки фонда Библиотеки от лишних дублетов, которые были распроданы на аукционах. На вырученные средства приобретались новые издания.

Особо важной была признана необходимость ведения учета новых поступлений и книговыдач. Принципиальные изменения произошли в организации обслуживания читателей. Было введено постоянное расписание, определявшее часы обслуживания посетителей. 26 февраля того же года Библиотека вводит новые правила пользования Библиотекой. В них четко зафиксированы часы, в которые библиотека открыта для читателей, определен порядок выдачи книг с обязательным выписыванием квитанции на каждую книгу и распиской при ее возврате. Был установлен и четкий срок пользования книгами — один квартал года (44).

При этом читателя предупреждали, что имена должников будут публиковать в газетах. Время от времени читателям напоминали о необходимости соблюдать правила пользования Библиотекой. С этой целью Гёте отдавал рас-

поряжения, как например от 21 марта 1810 г., 13 октября 1813 г. и 7 января 1817 г., согласно которым основательно проверяли, как выполняют читатели правила пользования библиотекой и анализировали отдельные случаи их невыполнения. Обращалось внимание и на то, что читатели обязаны обеспечивать сохранность выданных книг. Книги в загрязненном состоянии Библиотека не принимала (45). Обязательность регистрации распространялась на всех читателей Веймарской библиотеки без исключения, в том числе и на членов герцогской семьи, которые привыкли пользоваться Библиотекой как своей личной. Распространялось это правило и на те круги, которые считали себя привилегированными и не желали выполнять эти требования, например, французские аристократы, бежавшие из своей страны после Великой французской революции и поселившиеся в Веймаре по приглашению Карла Августа. С их стороны высказывались особенные протесты и нежелание подчиниться, но подчиниться пришлось. Самого же Гёте не раз обвиняли в предвзятом отношении к тем или иным людям именно из-за того, что он требовал неукоснительного выполнения правил выдачи книг. Так, его обвиняла в предвзятом отношении к Гердеру жена ученого. Сам Гёте стремился неукоснительно соблюдать правила пользования Библиотекой, о чем свидетельствуют книги записи книговыдач. За 54 года Гёте получил через абонемент Библиотеки 2276 томов.

Все вышесказанное означало, что первостепенное внимание Гёте уделял вопросам обеспечения сохранности фондов и организации полноценного обслуживания читателей Библиотеки.

Наиболее ощутимые изменения затронули внутреннюю организацию работы Библиотеки — они были обусловлены необходимостью введения различных форм контроля за работой персонала Библиотеки. В том, как те или иные требования были сформулированы, также проявился большой опыт Гёте как руководителя. Руководить Библиотекой, также как и руководить рядом других учреждений — не означало для него необходимости ежедневно находиться в этом учреждении и осуществлять личный контроль за его деятельностью. Гораздо более важным представлялась для Гёте возможность получения объективной управленческой информа-

ции о состоянии дел за тот или иной период. Как и при первоначальном анализе состояния дел в Библиотеке, Гёте предполагал регулярно просматривать нужные сведения, анализировать их и принимать решения относительно корректировки работы в том или ином направлении.

Одним из источников такой информации стали рабочие дневники. Согласно распоряжению от 18 апреля 1798 г., в обязанности каждого сотрудника стало входить ведение дневника, в котором предписывалось конкретно указывать, что было сделано за прошедший день. Ответственным за выполнение этой работы Гёте назначил Кристиана Августа Вульпиуса (1761-1827), брата своей жены Кристины, который стал главным помощником Гёте в библиотечных делах и был им до конца своей жизни. Позднее, в 1817 г. еще одним серьезным помощником Гёте в этой библиотеке, т. е. ее руководителем стал Фридрих Теодор Крейтер (1790-1856). Рабочие дневники они оба рассматривали как средство самодисциплины служащих (46).

Кроме ежедневных записей Гёте требовал предоставлять ему месячные, квартальные и годовые отчеты. В них должны были входить сведения об увеличении фондов, о читателях, о состоянии каталогов, о персонале библиотеки. Если этих сведений бывало недостаточно, Гёте требовал добавлений и конкретизации. В целом можно сказать, что с самого начала своего руководства Веймарской библиотекой Гёте и здесь применял хорошо известные ему формы и методы управления, и в первую очередь, активно пользовался статистическими данными. Это давало ему достаточно полное представление о состоянии дел в учреждении, и на основании этого он мог принимать необходимые решения и добиваться четкой и ритмичной его работы. Но как метод управления, сбор и анализ такой информации стал лишь первым шагом к реализации более значительного плана, путем выполнения которого предполагалось решить задачу большей сложности — обеспечения развития Веймарской библиотеки как составной части инфраструктуры Веймара в качестве немецкой и европейской культурной столицы.

О том, как развивалась библиотека, свидетельствуют цифры, отражающие рост объема книжного фонда. С 1797 по 1832 гг. объем фонда Библиотеки возрос более чем в два раза и

составил к 1832 г. 140 тыс. книг. На промежуточных этапах динамика пополнения фонда выглядела следующим образом: 1803 г. — 68 тыс. книг; 1812 г. — 89 тыс. книг; 1814 г. — 98 тыс. книг; 1820 г. — 120 тыс. книг (47).

Разумеется, показатели объема фонда не позволяют судить о том, каким был подход к комплектованию фонда, и, соответственно, о качестве фонда. Качество фонда в период правления Библиотекой Гёте стало предметом особого внимания. Работу по анализу фондов, по выявлению и, соответственно, по восполнению лакун фонда Библиотеки стали проводить систематически (48).

Гёте настаивал на необходимости иметь «четкие представления о том, какие работы по данной отрасли знания отсутствуют» (48). Он исходил из того, что ориентироваться следует не на исчерпывающее, а на выборочное комплектование, ибо, с одной стороны, фонды как Герцогской библиотеки в Веймаре, так и Академической библиотеки в Йене мизерны, а с другой стороны — по его словам — активность писателей чудовищна (50), т. е. поток литературы огромен. В этом отношении Гёте придерживался, в основном, принципа, принятого в Гёттингенской библиотеке, призвал критически подходить к отбору новых изданий — отбирать предписывалось лишь самое ценное. Но при этом Гёте, если была такая возможность, пользовался и нетрадиционными формами пополнения библиотечных фондов. Так, в 1827 г. он вступил в частное общество чтения французской литературы. Членам этого кружка поступали наиболее ценные французские издания по проблемам эстетики, литературы и политики. Гёте добился того, что эти книги, после прочтения их всеми членами кружка, могли быть приобретены Веймарской библиотекой, но за 50% их первоначальной стоимости (51).

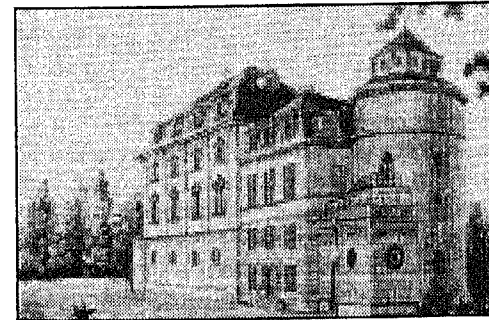
Профиль комплектования Веймарской библиотеки, сложившийся в годы правления Анны Амалии, основывался на принципе популяризации знаний, что вполне соответствовало характеру эпохи Просвещения. В конечном итоге Библиотека отвечала интересам двора, интересам наиболее образованной части общества. Особенно активно фонды Библиотеки пополнялись энциклопедиями, всевозможными справочниками, календарями, альманахами, журналами, описаниями путешествий и, конечно, романами. В целом,

имелись все основания называть ее «Библиотекой Просвещения» (52). В первую очередь, Библиотека комплектовалась немецкой литературой. Что касается литературы других стран, то интерес проявлялся, прежде всего, к французским изданиям, чему особенно активно способствовал сам герцог Карл Август. Он лично поддерживал контакты с французским книготорговцем Шарлем Пуженом. В Лондоне интересы Веймарской библиотеки представлял Иоганн Кристиан Хюттнер. Из Милана Библиотека получала книги через Гаэтано Каттанео. В конце XVIII-начале XIX вв. фонд библиотеки значительно обогатился за счет получения большого количества частных библиотек. Среди них были значительные по объему собрания самого Карла Августа — Военная библиотека (4 тыс. томов) и Собрание карт (6 тыс. единиц); библиотека Анны Амалии (5 тыс. томов), которая представляла собой уникальное собрание мировой литературы на французском языке; библиотека ученого Карла Людвиг Фернова (около 1 тыс. книг) — богатейшее собрание итальянской литературы и многие другие частные библиотеки. В целом Герцогская библиотека развивается как библиотека преимущественно гуманитарного профиля.

Как научная библиотека Веймарская библиотека сложилась до прихода Гёте к руководству ею. Однако в ее развитии многое кажется весьма противоречивым. С одной стороны, велось активное комплектование современной литературой, но при этом недооценивался аспект обеспечения сохранности того уникального фонда, который начал складываться в этой библиотеке. С другой стороны, библиотека была востребована читателями, она их обслуживала, но именно процесс организации и ведения обслуживания оказался наименее продуманным и особенно уязвимым. Наконец, стремления рассмотреть перспективы развития этой библиотеки исходя из взаимодействия этих двух столь связанных друг с другом аспектов работы библиотеки — обеспечения сохранности фондов и обеспечения доступа к ним — даже и не возникало. Для Гёте этот вопрос стал центральным. Именно это и позволило в дальнейшем рассматривать Веймарскую библиотеку как научный институт (53).

В постановке и решении этого вопроса Гёте не мог опереться на гёттингенский опыт, поскольку та библиотека была сориентирована на

обслуживание «своего» читателя, в то время как Веймарская библиотека была общедоступной. В этом случае именно решение проблемы обеспечения защиты фондов библиотеки без ущерба по отношению к обслуживанию читателей стало центральной проблемой определения задач этой библиотеки. Сама же постановка вопроса о широком понимании задач обслуживания вытекала из общей концепции роли Веймара как города, который может и должен играть роль одной из ведущих германских и европейских культурных столиц. Библиотека должна была занимать особое место в системе культурных учреждений Веймара. Ее главное предназначение виделось в том, чтобы стать центром европейской и мировой культуры, но культуры, воспринимаемой не абстрактно, а через Веймар, через его культурное пространство. Это взгляд из той современности в европейское прошлое, ориентация на античные идеалы и на преемственность в их сохранении, что вело в первую очередь к Италии, в том числе к итальянскому Возрождению. Это вело и к Франции, к французскому Просвещению. Но главным объектом внимания Библиотеки стала эпоха Веймарского классицизма, наследие тех выдающихся личностей, которые сыграли столь значимую роль в развитии Веймара, в его утверждении в качестве культурного центра Германии и Европы. В связи с этим, Библиотека уделяла большое внимание работам тех авторов, творчество которых было тесно связано с Веймаром, что было возможным благодаря получению герцогом обязательного экземпляра, роль которого здесь играл экземпляр, предоставляемый цензорами (54). Особое внимание уделялось получению целых частных библиотек выдающихся личностей Веймара.



Веймарская библиотека (Зеленый замок) примерно в 1825 г. Гравюра А. Глэзера

Став полноценной научной библиотекой, она не расстается с музейным прошлым — даже после того, как художественный кабинет (Kunstkammer) перестал быть составной частью Библиотеки и его сокровища должны были составить основу художественного музея. Библиотека по-прежнему напоминала музей, особенно ее знаменитый Роккозал. Этот зал начинает выполнять функцию «галереи героев» (55). Сама галерея представляла собой созданный по античному образцу пантеон представителей двора и культуры того времени в виде коллекции скульптур, преимущественно мраморных бюстов. Здесь, в этом зале, соединились литературные тексты и портреты их создателей, портреты их покровителей. Роккозал предназначен был с тех пор как для читателя, так и для зрителя, посетителя музея. С тех пор эти две функции — музея и библиотеки — неразделимы.

На первый взгляд, может показаться, что Веймарская библиотека — как институт общества — не рассталась со своим музейным прошлым. Можно было бы также утверждать, что она по-прежнему считалась научной библиотекой такого типа, к какому относилась и Гёттингенская библиотека, т. е. утверждать, что она якобы не соответствовала требованиям к научной библиотеке. Но это не так, ибо имеются все основания считать Веймарскую библиотеку научной библиотекой именно с позиций сегодняшнего дня. Что же касается ее «музейного прошлого», то тут проявляется не прошлое, а особая функция «догёттингенской» научной библиотеки, которая в том или ином виде выполнялась ею и раньше — культурная функция, функция пропаганды знаний не только через чисто библиотечные формы и методы работы, но и через музейные формы и методы. Само же проявление этой функции связано в данном случае с тем, что Веймарская библиотека начала развиваться как особый вид научной библиотеки — библиотеки с отчетливо выраженным гуманитарным профилем. Гуманитарный профиль выражается не только в составе фондов и профиле ее комплектования, но и в выполнении особой культурной функции (56). Выполнение же культурной функции связано с той ролью, какую играет данная библиотека в жизни данного города (57).

В конце XX века, в эпоху создания виртуальных библиотек стало очевидным, что эта

функция могла сопутствовать главной функции научной библиотеки, а в уникальных культурных пространствах, каким был Веймар эпохи Гёте и после него, — быть для библиотеки абсолютно естественной. В условиях конца XX в. стало очевидным и то, что при всех закономерных изменениях в характере библиотечной деятельности сохраняется — в своих основных чертах — роль и значение традиционной научной библиотеки, какой остается научно-гуманитарная или исследовательская библиотека (58). Сегодня эта библиотека — называемая ныне Библиотека герцогини Анны Амалии — развивается именно как исследовательская библиотека (59). Но неслучайным является и усиление внимания со стороны научных библиотек к более широкому пониманию функции культурного центра, прежде всего по отношению к культуре современной эпохи, когда решается вопрос об их роли как культурных центров в контексте всей «культурной инфраструктуры» культурной метрополии.

Хотя в письменном виде Гёте не сформулировал концепцию развития данной библиотеки и профиля ее комплектования, в действительности эта концепция существовала. Она принадлежала Гёте и была поддержана и первыми лицами Веймара, и сотрудниками самой Библиотеки. В письменном же виде она оказалась изложенной лишь в конце XX века, что было сделано директором этой библиотеки Михаэлем Кнохе (60), который предельно точно и четко сформулировал основные направления профиля комплектования Веймарской библиотеки.

В Веймарской библиотеке материально воплотилось стремление Гёте увидеть эту библиотеку центром духовной жизни Веймара, институтом, который сохранит память о современной ему эпохе — эпохе начала становления этого города как немецкой культурной столицы и как одной из европейских культурных столиц.

4. Заключение:

«малый библиотечный свет» гёте

Гёте воспользовался веймарским опытом в своей дальнейшей работе — при проведении библиотечной реформы в университетском центре Веймарского герцогства — городе Йене. При этом — на пути к реализации своего плана обеспечения «виртуального единства» библиотек государства — он пошел еще дальше.

Веймарский библиотечный опыт имеет прямое отношение к тому, что немецкие исследователи наследия Гёте по отношению к главному в его жизни литературному труду — «Фаусту» называют «малым светом» («Kleine Welt») (61). К созданию первой части «Фауста» Гёте подошел когда он уже прошел определенный жизненный путь, и когда им был накоплен большой жизненный опыт. Позади остался начальный вариант «Фауста» — «Прафауст», который сам Гёте не считал законченным и не опубликовал, и если бы спустя много лет после его смерти в архиве Луизы Хеххаузен (фрейлины Анны Амалии) не была обнаружена рукопись этой работы, то мы не смогли бы ознакомиться с этим сочинением. Начальный библиотечный опыт Гёте, связанный с приобретением библиотеки Бюттнера, конечно, стал в его библиотечной деятельности своего рода «прабиблиотечным» опытом. А затем, после веймарского «малого света» началось постижение того, что те же исследователи наследия Гёте называют «большим светом» («Große Welt»). К тому, чтобы постигнуть «большой библиотечный свет», как и к тому, чтобы написать вторую часть «Фауста», Гёте шел много лет, ничего на этом пути не форсируя. В своей работе он продвигался постепенно — решив одну задачу, он переходил к решению другой и искал ответ на следующий вопрос. И в Веймаре, а затем и в Йене, он реализовывал не какую-то со всех сторон продуманную программу. Ему были ведомы лишь главные ее составляющие, но на пути к воплощению этой концепции ему предстояло решить множество вопросов — и каждый раз решать их впервые. В Веймаре он решил, в первую очередь для себя, вопрос о роли и месте библиотеки в культурной и образовательной политике государства. В Йене же главным был поиск ее места в научной политике.

Для Веймарской библиотеки была характерна четкая ориентация на науки гуманитарного цикла. В период руководства Гёте эта ориентация была не только сохранена и продолжена, но стала еще более ярко выраженной, что было обусловлено осознанным стремлением найти путь дальнейшего развития данного учреждения и как библиотеки преимущественно гуманитарного профиля (хотя в эти годы гуманитарная направленность официально не подчер-

кивалась, но на деле она существовала), и как института, который является частью системы институтов культуры и образования. Осознание того, какие возможности может иметь библиотека, которой присуща ярко выраженная гуманитарная природа, позволило найти ее место в этой системе. Библиотека остается библиотекой, она развивается дальше, даже опережает время и становится непохожей на другие, современные для того времени библиотеки, которые отстали в своем развитии. Но при этом библиотека не расстается со своим прошлым до конца — ее «музейное начало» не уходит полностью в историю, но она, сохраняя его, становится уникальным институтом культуры и образования.

Сегодня опыт развития Веймарской библиотеки дает возможность лучше понять то, что заложено в природе современной исследовательской библиотеки, но не выявлено, не осмыслено так, как это следовало бы сделать в отношении этого феномена конца XX века.

Исследовательская библиотека — это определенный тип библиотеки, учитывающей специфику информационных потребностей гуманитариев (62). Но исследовательских библиотек в чистом виде не бывает — даже если речь идет об эталонных исследовательских библиотеках. Любой библиотеке могут быть даны различные типологические характеристики, и возможность осмыслить роль и задачи конкретной библиотеки в конкретное время ее существования может появиться лишь в том случае, если при анализе ее деятельности будут учитываться проявления различных типологических характеристик. Так, в действительности любая универсальная научная библиотека является и специализированной библиотекой — вопрос лишь в том, в каких объемах и границах, по отношению к какому кругу пользователей и т. д. По отношению к исследовательской библиотеке в каждом конкретном случае крайне важно учитывать — при осмыслении ее настоящего и будущего — степень ее доступности пользователям, т. е. насколько она, будучи исследовательской библиотекой, к которой предъявляются определенные требования, является и общедоступной (публичной) библиотекой — какова степень этой общедоступности (или публичности), в чем это выражается. На деле эти проявления несколько иные, неже-

ли те, которые рассматриваются как особенности исследовательских библиотек в рамках осмысления научной деятельности самих исследовательских библиотек. Общедоступность же (или публичность) обусловлена не только чисто библиотечной работой. Исследовательская библиотека — в силу ее гуманитарной природы — должна рассматриваться и как учреждение культуры и образования. Ее деятельность может выходить за рамки собственно библиотечных функций. И это не противоречит ее библиотечной сущности, ибо эти неблиотечные функции она выполняет не в противоречии с библиотечными, а во взаимодействии с ними — разумеется, в тех случаях, когда это взаимодействие достигнуто, когда одно начало не исключает другого. Веймарский опыт можно считать исходным пунктом плодотворного взаимодействия функций этих двух видов.

Веймарская библиотека была не единственной библиотекой, которая решала проблемы такого рода, но благодаря тому, что внес в ее работу Гёте, и в силу того, как она — в соответствии с его пониманием роли центральной библиотеки города и государства — вписалась в культурное, образовательное и научное пространство Веймара и Веймарского герцогства, эта библиотека была самой яркой, самой значительной библиотекой своего времени.

Примечания

1. Конради К.О. Гёте. Жизнь и творчество. Т.1. Половина жизни. М., 1987. С.346.

2. Эккерман И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни. М., 1981. С.395.

3. См.: N 1. С.363.

4. Hausherr H. Goethe als Minister. Neue Quellen und Forschungen // Wiss. Z. Univ. Halle, Ges.— Sprachw. 1954. Jg. 3. H. 2. S. 353.

(Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg. Gesellschafts- und Sprachwissenschaftliche Reihe).

5. См. N 2. С.582.

6. См.: Goethe I.W. An I.K. Lavater, d.19.Febr.1781. WA. IV Abt. Bd.5. November 1780-30.Juni 1782. Weimar, 1889. S.55.

Здесь и в дальнейшем ссылки на непереведенные на русский язык документы и письма Гёте и на не вошедшие в наиболее доступное в России из немецких изданий сочинений Гёте — Берлинское 16-томное издание

(В.А. Berlin: Aufbau-Verlag) даны по полному — Веймарскому — собранию сочинений (Weimarer Ausgabe — WA).

7. Goethe I.W. Über die verschiedenen Zweige der hiesigen Tätigkeit. Ein Vortrag // WA. Bd. 53. Weimar, 1914. S. 175 — 192.

8. Нё.: Saletin U. Anna Amalia. Wegbereiterin der Weimarer Klassik. Köln etc., 1996. S. 166.

9. См.: N 7. S. 178.

10. Цит. по: Paunell E. Goethe als Bibliothekar // Zentr.—Bl. für Bibliothekswesen. 1949. Jg. 63. N 7/8. S. 248.

11. Цит. по: Гёте И.-В., Шиллер Ф. Переписка. Т. 2. М., 1988. С. 354.

12. Goethe I. W. Tag— und Jahreshfte // VA. Bd. 16. S. 127.

13. Там же. S. 71.

14. Гёте И.В. Из моей жизни. Поэзия и правда // Собр. соч. в 10-ти тт. Т. 3. М., 1976. С. 203.

15. См.: N 12. S. 80.

16. Там же. S. 71.

17. Fabian B. Der Gelehrte als Leser. Über Bücher und Bibliotheken. Hildesheim etc., 1998. S. 92.

18. Там же. S. 93.

19. Там же. S. 96.

20. Там же. S. 106.

21. Там же. S. 105.

22. Там же. S. 107.

23. См. напр.: Kiel R.-M. Goethe und das Bibliothekswesen in Jena und Weimar // Bibliothek und Wissenschaft. Bd. 15. Wiesbaden, 1981. S. 14-16.

24. См. N 1. С. 341.

25. См.: Henkel G., Otte W. Herzogin Anna Amalia — Braunschweig und Weimar. Stationen eines Frauenlebens im 18. Jahrhundert. Braunschweig, 1995. S. 27.

26. См. N 2. С. 284.

27. См.: Boyle N. Goethe: der Dichter in seiner Zeit. Bd. 1. 1749-1790. München, 1991. S. 289.

28. Цит. по: Weimar im Urteil der Welt. Stimmen aus drei Jahrhunderten. Berlin; Weimar, 1977. S. 99.

29. Там же. S. 101.

30. Именно здесь столь полно раскрылся талант всемирно известного бельгийского архитектора Анри ван дер Вельде (1863-1957), который был приглашен на работу в Баухауз в 1901 г. и проработал здесь до 1917 г.

Здесь же позднее преподавал с 1922 по 1925 гг. Василий Кандицкий (1866-1944), а годом раньше, в 1921 г. здесь начал преподавать Пауль Клес (1870-1940).

31. Веймар стал притягивать к себе художников, которые приезжали сюда иногда на короткое время, иногда задерживались здесь на годы. Так, с 1860 по 1862 гг. здесь жил знаменитый Арнольд Бёклин. Как писала впоследствии его жена Ангела Бёклин, «Веймарский ландшафт, такой прекрасный и величественный, не притягивал моего мужа. В течение двух лет он не сделал на природе ни одного этюда. Несмотря на это, он очень хорошо чувствовал себя в этом узком кругу. Филистерская жизнь и строгий этикет двора действовали плодотворно на него, на его характер» (Цит. по: Raabe P. Spaziergänge durch Goethes Weimar. Zürich, 1990. S. 136)

32. Позднее в Веймаре сложилась и получившая известность во всем мире Веймарская школа живописи, лидером которой стал яркий художник, преподаватель Школы искусств Людвиг фон Хофман (1861-1945), а директор Музея искусств Великого герцогства Заксен-Веймар-Эйзенах (с 1903 по 1906 гг.), идеолог модернизма Гарри Граф Кесслер (1868-1937) высказал идею превратить Веймар в международный центр искусств и очень многое сделал для ее реализации.

33. См.: N 2. С. 70.

34. Аникст А.А. Гёте и театр // Гётевские чтения. 1993. М., 1994. С. 15.

35. Там же. С. 11.

36. См. N 2. С. 474.

37. И в XX в. в Веймаре поселялись крупные немецкие драматурги, например Эрнст фон Вильденбух (1845-1909), хорошо известный по своим патристическим драмам, представитель неоромантизма Пауль Эрнст (1866-1933), драматург-экспрессионист Георг Кайзер (1878-1945). Здесь же жил и работал драматург Эрнст Хардт (1876-1947), который, возглавив в качестве интенданта Веймарский театр в 1919 г., добился того, что театру был присвоен особый статус, отразившийся в его названии — Немецкий национальный театр (Deutsches Nationaltheater). Это название театр сохраняет и по сей день.

38. Главой Веймарской музыкальной школы стал приглашенный сюда в качестве придворного капельмейстера Ференц (Франц) Лист. Он работал здесь с 1842 по 1861 гг. и с 1869 по 1886 гг. В 1859 г. именно в Веймаре был создан Вестгерманский союз музыкантов. С Веймаром связаны многие яркие явления истории немецкой музыки. Так, в 1850 г. в день рождения Гёте в театре состоялась премьера оперы Рихарда Вагнера «Лоэнгрин». С 1889 по 1894 гг. в Веймаре работал в качестве капельмейстера Рихард Штраус. В 1893 г. в

Веймарском театре состоялась премьера одной из лучших немецких опер — «Гензель и Гретель».

39. Цит. по: Henning H. Die Bibliothek der Nationalen Forschungs und Gedenkstätten in Weimar. Vergangenheit und Gegenwart der Zentralbibliothek der deutschen Klassik / Weimar. Tradition und Gegenwart. H. 26. 2. erweit. Aufl. Weimar, 1981. S. 10.

40. Bojanowski P. Aus der ersten Zeit der Leitung der großherzoglichen Bibliothek durch Goethe (1797-1800). Weimar, 1899. S. 12.

41. См.: N 39. S. 12.

42. См.: Seifert S. «Niemand wird läugnen, daß ein Real-Catalog das Fundament einer jeden Bibliotheks-Anstalt sey». Bemerkungen zum historischen Realkatalog der Weimarer Bibliothek // Historische Bestände der Herzogin Anna Amalia Bibliothek zu Weimar. Beiträge zu ihrer Geschichte und Erschließung; mit Bibliographie. München etc., 1992. S. 55-92.

43. Koudell E. Goethe als Benutzer der Weimarer Bibliothek: ein Verzeichnis der von ihm entliehenen Werke. Weimar: Böhlhaus Nachfolger, 1931. 391 S.

44. Die Benutzungsordnung der Weimarer Bibliothek von 1798. Mit einer Einführung v. K. Kratzsch. Weimar, 1990. S. 10-11.

45. См.: N 40. S. 10-12.

46. В Библиотеке хранятся 4 тома рабочих дневников ее сотрудников формата фоллио. Эти дневники велись с 22 апреля 1799 до 9 ноября 1822. Отдельные фрагменты этих записей воспроизведены в статье: Kratzsch K. Staatsbeauftragter für die Weimarer Bibliothek // Goethe in Weimar. Ein Kapitel deutscher Kulturgeschichte. Leipzig, 1986. S. 106.

47. Lerche O. Goethe und die Weimarer Bibliothek. Leipzig, 1929. S. 40.

48. См.: Там же. S. 36-37.

49. Цит. по: Vogel C. Goethe in amtlichen Verhältnissen. Jena, 1834. S. 103.

50. Там же.

51. См.: N 23. S. 27.

52. Herzogin Anna Amalia Bibliothek — Kulturgeschichte einer Sammlung. München; Wien, 1999. S. 80.

53. См.: Raabe P. S. 154.

54. См.: N 52. S. 87-88.

55. Там же. S. 101.

56. Ульриха Штесервальд называет ее функцией памяти (Gedächtnisfunktion). (Там же. S. 103).

57. Впоследствии Веймар как культурная столица оказывал сильное влияние на другие страны Европы. Особенно ярким примером тому стала попытка создать венгерский Веймар на озере Балатон в городе Кестхей. Инициатором создания венгерского Веймара был граф Дьердь Фештетич. Центром венгерского Веймара стала библиотека, которая разместилась во дворце графа Фештетича — Helikon-könyvtár. Библиотека была построена в 1799-1801 гг. Главный зал библиотеки в Кестхее был стилизован под знаменитый Рококо-зал Веймарской библиотеки. Этот зал хорошо сохранился, и сегодня можно ощутить его сходство с залом в Веймаре.

58. См.: Фабиан Б. Книга, библиотека и гуманитарное исследование / Пер. с нем. СПб., 1996. 375 с.

59. См.: Knoche M. От герцогской библиотеки к исследовательской библиотеке герцогини Анны Амалии // Петербургская библиотечная школа. 1998. N 3/4. С. 52-58.

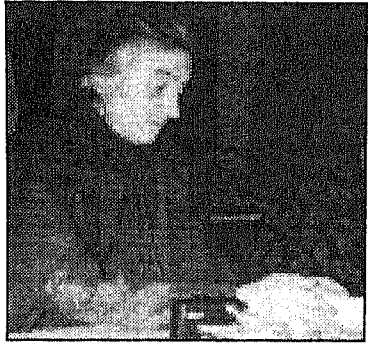
60. См.: Knoche M. Die Forschungsbibliothek. Umriss eines in Deutschland neuen Bibliothekstyps // Bibliothek. Forschung u. Praxis. 1993. Bd. 17. N 3. S. 291-300.

На русском языке концепция профиля комплектования, предложенного М. Knoche, изложена в работе: Володин Б.Ф. Исследовательская библиотека — новый тип старой европейской библиотеки // Проблемы национальных библиотек и региональных библиотечных центров. Сб. науч. тр. Вып. 3 / РНБ. СПб., 1994. С. 27-28.

61. Понятие «малый свет» («kleine Welt») исследователи наследия Гёте связывают с первой частью гётевского «Фауста». Со второй частью, соответственно, связывают понятие «большой свет» («große Welt»). См.: напр.: Dietze W. Kleine Welt, große Welt. Aufsätze über Goethe. Berlin; Weimar, 1982. S. 5-8.

62. См. напр.: Читатель исследовательской библиотеки. Материалы международной конференции / Российская гос. б-ка по искусству. М., 1999. 87 с.

27 ноября в Конференц-зале ЦГПБ им. В.В. Маяковского состоялась встреча с создателем балета «Фауст» — балетмейстером Николаем Боярчиковым. Инициатором встречи выступил дискуссионный клуб петербургского общества «Театрал». Мы представляем читателям журнала текст выступления Н. Боярчикова и фрагменты выступлений участников обсуждения — членов клуба.



ВРЕМЯ ФАУСТА

Николай Николаевич Боярчиков — главный балетмейстер Петербургского театра оперы и балета им. М.П. Мусоргского, лауреат Государственной премии России, народный артист России. Поставил балеты: «Три мушкетера», «Пиковая дама», «Ромео и Джульетта», «Царь Борис», «Слуга двух господ», «Орфей и Эвридика», «Тихий Дон», «Макбет», «Разбойники», «Петербург», «Корабль дураков» и др. Премьера балета «Фауст» состоялась 20 октября 1999 г.

Петербург я очень люблю, я тут родился и вырос, и мне обидно и больно, если что-то у нас происходит не так. Меня, честно говоря, беспокоит судьба нашего искусства, а именно балета, по многим причинам. Такая организация, как стационарный театр оперы и балета, — это изобретение России. В таком театре спектакль создается с самого начала, композитор пишет музыку, работают художник, сценарист, т. е. существует такой триумвират — это русские традиции, которые дали очень много плодотворных произведений. Сейчас распространилась тенденция составления коллажей из известной музыки, из балета ушел композитор. Я надеялся нашим спектаклем (он прожил по разным причинам долгую подготовительную жизнь) вернуть эти замечательные традиции. Я не против того, чтобы внимательно следить за тем, что происходит на Западе, но мне бы не хотелось, чтобы западные тенденции вытесняли наши русские тенденции, и это меня очень волнует. Что касается «Фауста», то «Фауст» оказался в балете темой очень популярной.

В нашей балетной энциклопедии (ее зовут почему-то «крокодил»), видимо, потому что книжка зеленая) послужной список постановок «Фауста» на балетной сцене самый большой. Еще даже до Гете начали работать над этой легендой, это для меня было открытием. Я думал, что я буду первый постановщик, а оказалось, что сто первый. Эта тема балету оказалась очень близка, наш жанр ею живо интересовался. У нас идея этой постановки возникла давно и очень странным образом.

Когда мы с Петром Андреевичем Гусевым и с Татьяной Михайловной Вячесловой работали над балетом «Эсмеральда». У нас был очень дружный хороший коллектив, замечательные люди. Во время работы над этим спектаклем у меня возникло чувство любви и большого уважения к творчеству Перро. Во-первых, он много работал в Петербурге. Он обладает невероятным чувством «природы» балетного театра. Я знал, что у него долгие годы в Мариинском театре шел балет «Фауст» также на музыку Пуни. И первая идея у меня была — попробовать сделать спектакль «под Перро», потому что сохранился очень подробный сценарий, подробные описания, причем и Перро и Мазилье занимались этим — они создали такой сценарий, которых теперь не пишут. Я этим очень заинтересовался и решил этим заняться. Оказалось, что музыка Пуни — мягко говоря, средняя. В Мариинском театре мне дали клавир в колени, коровом переплете, даже не клавир, а репетитор и сказали прямо, что это музыка плохая, потому что из переплета ничего не выдрано. Обычно еще во времена Петипа из балета в балет кочевали какие-то хорошие номера. И действительно, это чисто пантомимная, изобразительная музыка. В результате пришлось отказаться от этой идеи. Позже возникла идея сделать балет по легендам о докторе Фаусте, потом это как-то соединилось с именем Шандора Каллаша — это композитор, с которым я работаю уже второй раз. Первый спектакль был «Макбет». Это композитор удивительный, он большой знаток музыки всех времен и народов. Сам владеет несколькими языками.

Гете он стал читать в оригинале, т. к. перевод во многом отходит от него. Решив работать по легендам, мы вдруг осознали свою невежественность — зачем проходить тот путь, который прошел и великий Гете. Он все эти легенды знал, и в легендах как раз отсутствует образ Гретхен или Маргариты, который все цементирует, поэтому мы от этого первоначального плана отказались и перешли к Гете. Но с Гете мы занимались очень долго и плотно, потому что это не только поэт, но и удивительный философ. У нас был такой мозговой центр, это Владимир Ивченко (В.В. Ивченко с Н.Н. Боярчиковым и Ю.Х. Васильковым являются авторами либретто балета — прим. ред.), профессиональный литератор, и Юра Васильков, который также занимается литературой, преподает в институте на Моховой и очень давно сотрудничает в театре Додина, занимается пластикой. Балет — это «дело многодельное», поэтому должен быть ансамбль единомышленников, которые могли бы над этим работать. Расшифровать Гете, выстроить какие-то линии, свойственные нашему искусству, было достаточно трудно. Но самый увлекательный период моей жизни с Гете — когда мы тщательно изучали, анализировали это произведение и решили сделать еще и вторую часть, хотя бы намеком. Потому что вторую часть, как правило, никто не знает, и она никогда нигде не ставится, кроме как в немецких театрах. Я бы дорого заплатил, чтобы посмотреть, как это делается, потому что во второй части разобраться безумно сложно, надо войти в ту эпоху. На протяжении всей второй части Гете спорит с эллинистами. Этот спор сегодня уже никого не волнует, время все расставило на свои места. Мы решили не вдаваться в эти проблемы и упростить эти линии. Так создавался этот спектакль. Он должен был выйти году в 91-м. К этому времени уже был готов клавир. Тут как раз случилась перестройка, о театрах забыли. Если вы помните, раньше существовал госзаказ — композиторский труд, например, оплачивался государством, потому что театрам не под силу было поднять такие большие суммы. Поэтому на постановку денег не нашлось, она откладывалась по разным причинам. Не хочу перед вами предстать ханжой. К счастью, у нас оказалось долговременное соглашение с японской фирмой, которая каждый год приглашает нас на гастроли, и это дало возможность спасти труппу. Они давали некоторые средства и для постановок, помогали в трудный период. Но,

помогая, они заказывали и определенные спектакли, которые они хотели видеть. В этот период у нас появилась «Спящая красавица», затем «Дон Кихот», затем — новая редакция «Щелкунчика». Все это откладывало выход этой премьеры. Сегодня мне кажется, что мы даже сделали благородное дело, потому что эти спектакли, особенно «Спящую красавицу», я получил из рук выдающихся хореографов — Федора Васильевича Лопухова и Петра Андреевича Гусева. Я их ученик и поэтому я кое-что помнил, кое-что знал. Эти спектакли дали возможность нашей труппе очень сильно вырасти профессионально. Несколько лет тому назад мы бы и не взялись за это дело. Но на сегодняшний день, судя по отзывам тех же педагогов и Натальи Михайловны Дудинской, у нас все благополучно. Все эти спектакли оттягивали постановку. Она задерживалась не от моей лени и не оттого, что я такой тугодум. Таковы были обстоятельства, мне все равно приходилось делать то один, то второй, то третий спектакль, чтобы хоть как-то прожить, чтобы труппа была востребована на каких-то гастролях. Теперь появилась возможность, и спектакль вышел.

Я работал с бригадой, с которой я обычно работаю. У нас удивительный художник по костюмам Ира Сафронова. Мне очень дорого, что на спектакле был Кочергин и очень высоко оценил ее работу и работу Р.Н. Иванова. Они оба не профессионалы в театре. Я их специально пригласил еще на «Макбета». Мне очень понравилось с ними работать, потому что они вносили новое восприятие, свежий взгляд. Это ведь тоже в наших традициях, когда в театр приходили Коровин, Головин и многие другие художники, которые не имели отношения к балету. На мой взгляд, восстанавливать, например, костюмы Всеволодского сомнительно, потому что он никогда не был хорошим художником. Художник, опернобалетный, начался в театре с эпохи Коровина, Бакста, тогда произошел этот синтез художника, музыки, танца. Можно перечислять много имен художников, работавших в балетном театре: Вирсаладзе, Бруни и многие другие. Мне кажется, что это тоже вымирающая профессия, очень мало кто сейчас может делать балетные костюмы. Ведь в балете в отличие от оперы нужно не одеть, а раздеть. И вот как так раздеть, чтобы это все могло двигаться, и чтобы сохранялся образ, и чтобы

было легко работать — это мало кто может. Эти ребята все работают на идею, не стараются себя выдвигать, чтобы бросалось в глаза — ой, какой хороший художник, ой, какой плохой спектакль.

К исполнителям у меня нет никаких претензий. У нас было два состава, обычно бывает 1-й и 2-й, в данном случае я никак не могу разделить, они абсолютно равнозначные. Они разные, но одинаковой силы. Например, в том составе, где Э. Хабибулина и Д. Толмачев, мне больше импонируют та же Е. Гринева — Марта и Эля, в том что она больше актриса, а в том составе, например, Юра Петухов — он как-то глубже, потому что он более опытный актер и совсем молодая (второй сезон работает) И. Перен, но у нее такая мощная экспрессия. Для меня оба состава равнозначны, просто немножко меняется спектакль.

Мы все работаем вместе и вместе за все отвечаем, как бы вы нас ни ругали. Мы шли единым строем и работали абсолютно честно без всякой конъюнктуры, без всяких экивоков в сторону 250-летия Гете (это в общем-то случайно совпало), но с огромным уважением к творчеству Гете. Что касается проблем спектакля, то они, конечно, в нем есть. Для меня самая некусная вода — дистиллированная, когда все идеально. У каждого человека есть какие-то достоинства и какие-то недостатки, но это и есть образ этого человека. Я не знаю ни одно-

го человека, который был бы доволен своим носом, недоволен все. Комплекс каких-то достоинств и недостатков и дает ощущение произведения. Я работал с огромным удовольствием. Честно говоря, я соскучился, и соскучился не только по своей работе, но и по тому, что мало происходит спектаклей такого рода — когда композитор сочинил свою авторскую музыку, когда сочинилось либретто и т. д., т. е. ожила наша русская театральная традиция. Мне бы хотелось, чтобы она развивалась. Сейчас возникает тенденция ее забыть, стереть. Эта история длинная, но для меня хорошая.

С партитурой, правда, были какие-то чертовские дела. Во-первых, после клавира Шандор очень долго болел. У него было что-то с глазами, по-моему ему даже операцию делали, он не мог писать партитуры. Наконец, он написал эту партитуру. Это человек с такими фантастическими знаниями, каких ни у кого нет. И он очень прост, не кичится этим. Он венгр, но живет в Москве давно. После войны какая-то часть Венгрии отошла к СССР, и он оказался в Москве. История с этой партитурой такая. Я приехал к нему в Москву, у него крохотная однокомнатная квартирочка-хрущевка. Он сидит там и занимается музыкой, пишет ее. Жил он в основном на фильмах, причем большая часть фильмов — мультипликационные. Он даже лауреат каких-



И. Н. Боярчиков среди участников встречи. Слева от него — Т. С. Платонова, справа — Н. И. Ушакова

то премий по мультфильмам. Периодически он бедствовал. Он сделал пять фильмов, и никто не платил. И вот он сделал партитуру и должен был привести ее мне. Звонит и говорит: «Как плохо быть богатым». Оказывается, вдруг ему все сразу заплатили. Он пошел и купил себе самый шикарный дипломат. Он положил в него партитуру и понес в музфонд, чтобы сделать копию, и у него в метро этот дипломат украли. Он потом писал всякие объявления, но ему ничего не вернули. А там труд адский. Двойная партитура. Одна идет в фонограмме, а другая — в звуке. Там несколько хоров, несколько органов и пр. и пр. (Музыкальный руководитель спектакля А.А. Аниханов — *Прим. ред.*). Ему пришлось все это заново писать. Два толстых тома. Наверное, раз уже мы занялись этой дьявольской темой, тут что-то такое было. Но в конце концов все обошлось, потому что мы не про дьявола ставили, а старались поставить спектакль о поиске Бога внутри себя. Отрицательные персонажи всегда интереснее, они деятельнее, как только добро начинает действовать, оно сразу превращается в зло, и это опасно. Добро должно быть внутри нас, а зло — оно изобретательное, все злые персонажи очень интересные.

Наш спектакль назван хореографической драмой, она близка форме саги — форме, не очень у нас известной. (Мне повезло — у меня был очень хороший педагог по литературе, Юрий Михайлович Палеев. Он сам литературу безумно любил и нас научил любить).

Когда начинается хореография, литература должна закончиться. Она существует до этого момента. Дальше работа идет уже непосредственно с музыкой. Я опирался на музыку и «литературной» цели не преследовал. Моя цель диктовалась музыкальным разнообразием. Шандор нашел этот замечательный ход Мефистофеля на городских романсах.

Я придерживаюсь мнения, что любое произведение искусства должно быть многослойным. Первый план воспринимается однозначно, и его много кто воспринимает; второй план воспринимают меньше людей и т.д. Кто-то один все это может охватить. Если не стараться делать такую вертикаль, то неинтересно работать над произведением. Человек и сам по себе такой же. В нем несколько планов, он очень таинственный, и мне кажется, что в любом произведении должна быть некая тайна. Как у того же Гете. Его можно изу-

чать, изучать и находить каждый раз новое. Я ни в коем случае не хочу говорить, что вот так надо ставить Гете в балете. Самое страшное, если кто-то что-то подобное декларирует. Его можно ставить миллион раз, и может быть миллион разных спектаклей — лучше, хуже. Вообще в искусстве трудно говорить лучше или хуже. Это категория опасная, кому-то нравится одно, кому-то другое. Здесь очень уместны знаменитые слова «Судить искусство по законам самого искусства». Поэтому мне всегда хотелось делать сложные спектакли и я буду их делать.

Задача балета найти свои выразительные возможности, которые приблизили бы нас к литературе, но ее не иллюстрировали. Вы можете не соглашаться с финалом, но он вытекает из всей концепции спектакля, может быть он отходит в чем-то от Гете, но не по смыслу.

Я убежден, что нашему искусству балета доступны практически все темы. Этому меня научил как раз Перро, нужно только вычитать в произведении то, что можно сильнее выразить балетным жанром. Поэтому там появились две Вальпургиевы ночи. Я непременно хотел отказаться от стереотипа Гуно, когда обязательно из люка должен вылезать гигантский Мефистофель и орать «Люди гибнут за мегалл». Я не против этой оперы, но уже есть некий штамп. Второй мой большой учитель работы с литературой, может быть, это нескромно, — Мейерхольд, я очень многому у него научился. Он говорил, что прежде чем ставить, к примеру, Пушкина его надо внимательно прочесть. А читать можно по-разному. Можно для общего развития, стыдно ведь сегодня не прочитать Гете, а другое дело — читать с прицелом. Ведь там все написано, и черный пудель там, и все взаимоотношения, там все это есть, только оно где-то закопано. Второй важный момент — балет, в отличие от драматического театра, обладает свойством, во-первых, абстрагироваться — кордебалет, например, может выражать некие философские понятия, и с достаточно значительным ассоциативным рядом. У нас проблемы больше с прямым текстом, а все эти дела — наша сила. Мы решили сделать балет о Фаусте, не претендуя на точное соответствие с оригиналом. Кто-то сказал, что если вы хотите быть ближе к оригиналу, нужно быть дальше от него. Выразить именно комплекс идей автора, а не следовать тексту буква к букве. Разные природы жанров. Почему велики спектакли Петипа? Потому что у него при-

рода нашего искусства точно открыта. Он не противоречит этой природе. Где-то его спектакли смешные, может быть, устарели, неважно, они отражают суть природы балета, как цветок, к которому нельзя приделать ветку еловую или еще какую-нибудь. Мне кажется, что поиск природы нашего искусства — это всегда самое мучительное. Нам же всегда очень трудно быть понятными. Нас понимать можно через состояние, ощущение, настроение, все это складывается в одно. Мне как-то принесли программку «Лебединого озера». В первом акте — совершеннолетие принца, написано, хоть и коряво, очень много. Второй акт — где лебеди, помните? О нем написано: проведя ночь с лебедями, принц вернулся домой. Эта сцена не поддается описанию, там ведь поэзия сплошная. И права Вера Михайловна Красовская, которая сказала, что Ивановские лебеди — это прорыв в XX век. Если Петипа в «Спящей красавице» — это мощный аккорд XIX века, то Иванов прорвался в XX век, потому что там появилось состояние, появилась душа. А это не описать. Как не описать словами и классическую Вальпургиеву ночь. И в этом самая большая сложность и состоит, в этом суть балетного искусства — это не описывается.

Наступают периоды, когда все начинают ста-

вить «Ромео и Джульетту». Потом наступило время Макбета. Мне кажется, что конец века — это время Фауста.

Когда я еще только приступал к «Фаусту», к осмыслению того, как этот балет сделать, я понял, что это в принципе — крест. Если первый акт — это параллельное, земное действие и чем-то грубоватое, то второе — это вертикаль, уход в подсознание, в осознание самого себя. Я, конечно, не делал на сцене таких вещей, но дать это почувствовать казалось мне самым важным в спектакле. Искусство развивается по каким-то своим законам и абсолютно не считается ни с какими границами, и что-то может одновременно произойти в Германии, и в Австрии, и в России. На сегодняшний день чисто художественных идей очень мало. Мне было важно воплотить именно чисто художественные идеи. Я считаю, что классический танец — это великая школа. На меня сейчас везде нападают, что это все устарело, отмирает. Да не устарела эта школа, а работать надо. Таких традиций, как у нас, нигде нет. Акимов говорил, что если изучение традиций не дает желания заглянуть в будущее, значит, изучение этих традиций поставлено неверно, значит у нас кое-где неверно это сделано. Я убежден, что Петербург — столица российского балета.

Обсуждаем балет «Фауст»

ГЛАВНОЕ СОБЫТИЕ ГОДА: ГЕТЕ В ПЕТЕРБУРГЕ

*Борис Федорович Володин — ведущий научный сотрудник НИОБ
Российской национальной библиотеки*

Для меня «Фауст» Гете — самое любимое произведение. Мне посчастливилось бывать и жить по несколько месяцев в Веймаре, занимаясь там научной работой. Находясь в Веймаре, невозможно не поддаваться искушению войти в мир «Фауста». Только сделать это не так просто, ибо первая его часть, связанная с материальным, физическим миром, воспринимается без особых проблем. Вторая же часть требуют иного восприятия, ибо здесь речь идет о духовном мире, о духовных существах, которые были для самого автора не менее реальными, ибо ему дано было их ощущать, находиться в контакте с ними. Тут нет никаких фантазий, никакого поэтического вымысла. И тот, кто захочет понять

этот мир, рано или поздно сумеет это сделать. Другое дело — театр. Показать этот абсолютно нематериальный, духовный мир на сцене крайне сложно. Лично я видел не одну постановку второй части «Фауста» в немецком театре, и почти каждый раз не без сожаления отмечал, что вторая часть удалась тому или иному постановщику в меньшей степени. К тому же поставить полностью вторую часть, без досадных сокращений практически невозможно. Поэтому я шел на балетную премьеру «Фауста» с большими сомнениями. Традиций в постановке «Фауста» в русском театре почти нет, а тут еще столь специфичный вид театрального искусства, каким является балет.

Себя я не отношу к особым поклонникам балета, и тем более к балетоманам, но спектакли Н.Н. Боярчикова всегда смотрю с интересом. Меня привлекает в его работах умение войти во внутренний мир литературного произведения и его автора и найти неожиданно адекватную ему театральную форму, используя язык танца. Самой большой его удачей для меня были его «Разбойники». Убежден, что такого глубокого постижения Шиллера в русском театре не было, и произошло это именно в театре балетном. Но там речь шла о переложении на язык танца произведения, заданного все же для театра. «Фауст» для театра не предназначался. Когда я стал смотреть спектакль, меня с самого начала потрясло, как же глубоко сумели хореограф и композитор войти именно в мир Гете.

Спектакль не мог вместить всего «Фауста», но это в театре не удалось еще никому. Боярчиков основной акцент сделал на первой части, и лишь частично обратился ко второй части. И я считаю, что у него, как у настоящего художника, было право выбрать то, что в данном случае для него оказалось наиболее важным. И мне как зрителю не хотелось вникать в то, что вошло, а что не вошло именно потому, что я хорошо знаю это произведение. Мне интереснее было другое — как хотел и как сумел передать балетмейстер языком хореографии мир первой и мир второй части. Мир первой передан через мужской танец, ибо все партии, кроме Маргариты и Марты, исполняют мужчины. В результате действие обрело заземленность, физическую силу, даже тяжеловесность. Напротив, мир второй части предстал через женский танец, ибо все мужские партии кроме Фауста и Мефистофеля танцевали женщины. Благодаря этому танец стал эфирным, воздушным, ирреальным. Лучше получилась классическая Вальпургиева ночь. Именно она вместе с Вальпургиевой ночью первой части является одним из главных акцентов прочтения гетевского «Фауста». Балетмейстер абсолютно свободно входит в духовный мир «Фауста» и в первой части. Поэтому появляются астральные

двойники у студентов в погребке Ауэрбаха. Поэтому нет у Фауста вообще шпаги в поединке с Валентином. И столь естественно появление в финале первой части ангелов. Убежден, что в данном случае произошло то, что крайне редко происходит в театре при обращении к Гете — удалось войти в этот мир и удалось найти тот язык, те средства, которые позволили бы это сделать. Считаю, что это явление не только российского театра. Столь крупных удач крайне мало и во всем мире, в том числе и в Германии.

Россия располагает прекрасными переводами «Фауста». Лучшими из них считаются переводы Н. Холодковского и Б. Пастернака, у каждого из которых есть свои достоинства. Но как театральное произведение «Фауст», если не считать оперу Ш. Гуно, в русском театре фактически не ставился, что имеет свои объяснения. В юбилейном году Гете, к сожалению, русский и в целом российский театр к Гете, за исключением московского театрального центра «Вишневый сад», не обратился. Юбилей Гете отмечен был в России более чем скромно. И, слава Богу, что хоть одно событие свершилось. Родился настоящий большой балетный спектакль, для которого специально была написана музыка. Она великолепно исполнена оркестром под руководством А. Аниханова. Следовало бы гордиться тем, что в России живет столь талантливый композитор как Шандор Каллош. Музыка к этому балету, основанная на использовании двух оркестров и нескольких хоров, — это предмет особого разговора. Особого разговора заслуживает и замечательная работа сценографа Р. Иванова (например, удивительный образ огромного города с множеством огней в финале первой и второй частей). И уж само собой разумеется, подробно следовало бы остановиться на удачах исполнителей, среди которых я лично выделил бы работу Р. Мамина (Мефистофель, и на этот раз Мефистофель при обращении к «Фаусту» оказывается ярче), и И. Перрен (Маргарита). Спектакль «Фауст» — явление российского и мирового театра.



ПРИЙТИ К СВЕТУ В СВОЕЙ ДУШЕ

Генриетта Андреевна Федорова — химик-технолог в области полимерных и композиционных материалов судостроительного назначения Государственного научного центра России ЦНИИ КМ «Прометей».

Прежде всего, Николай Николаевич, я хотела бы вас просто поблагодарить за этот спектакль. Мне кажется, что он стал достойным завершением XX века в балете. В вашем театре, который всегда отличался своей экспериментальностью, создавалось очень много интересных спектаклей. К сожалению, «Макбета» я не смотрела, но «Фаустом» была потрясена. Я обычно готовлюсь к спектаклю — читаю, а в этот раз так получилось, что я ничего не посмотрела, не почитала, и когда спектакль начался, меня сразу захватило удивительное сочетание хореографии и музыки, усиленное звучащими в записи органом, хором и солистами. После первого действия я даже не могла ничего говорить. Я чисто эмоционально это все восприняла. Второе действие мне показалось не слабее, но на меня оно произвело меньшее впечатление, я все-таки совсем не подготовленная к спектаклю пришла. И только потом, когда поразмыслила над этим спектаклем, я поняла, что именно вторая часть наиболее интересна. Ведь первая часть всем нам знакома — по опере, которую все слушали не один раз. А со второй частью никто не сталкивался обычно. Вторая часть важна именно тем, что именно благодаря ей каж-

дый человек приходит к осмыслению того, что с ним произошло в жизни, что он значит в этой жизни, и что жизнь значит для него. Эпизод этого балета я восприняла таким образом, что человек, пройдя свою жизнь, должен прийти к миру, к свету в своей душе, осознать ценность своего существования в мире и вообще ценность этой жизни, то есть конец повторяет пролог, но на более высокой эмоциональной ступени.

Этот балет показался мне событием, потому что мы живем в обществе, где очень многое изменилось. И вольно или невольно, когда кончается определенный отрезок времени (а именно — век), каждый подводит итоги и своей жизни в этом веке, и жизни общества. Действительно, когда ты находишь созвучие тому, что происходит в глубине твоей души, на сцене, то все сразу становится на свои места. Когда театр ищет новое — это очень интересно. Такие спектакли заставляют зрителя вырасти, не просто посмотреть и уйти, а еще и подумать. Мы долго обсуждали этот спектакль, я бы с удовольствием еще раз его посмотрела, теперь уже на новом витке своих знаний, ощущений и представлений.

МНОГОГОЛОСИЕ ГЕТЕ

Нина Ивановна Ушакова — доцент Санкт-Петербургского университета экономики и финансов, канд. фил. наук

Если говорить о том, что человека может приблизить к Богу, то это наша способность творить. В мятежности, неуспокоенности Фауста отражается творческая способность человека. Мне кажется, Фауст жил, живет и будет жить, пока живет человек. Поиски нового, творение нового — это лучшее, что есть в человеке. Актуальность этого спектакля не подлежит сомнению. Я, к стыду своему признаюсь, не очень

хорошо знала композитора Каллаша. Мне показалось, что он написал удивительно балетную музыку, он сумел передать то многоголосие, которое есть у Гете, это произвело очень большое впечатление. Я согласна, что первая часть, где показана материальная жизнь Фауста, отличается от второй. У меня сложилось впечатление, что в первой части Фауст — В. Ильин — был как бы бездеятелен, а ведь перед

ним стояла проклятая свобода выбора, когда надо было решать — отдать душу или нет, это очень напряженный момент, а дальше, когда он на какой-то момент находился в единстве с дьяволом, он лучше проявил себя и впечатление от его танца стало ярче. В музыке и в хореографии представлены народное начало — танцы в пасху, лирическое и космическое, когда происходит кружение людей без лиц, без фигур, без индивидуальностей (в начале и в конце балета), это наш человеческий рок, это наше общее движение, из которого мы не выйдем никогда — это тоже очень выразительно было показано и наводило на глубокие размышления. У вас есть такие замечательные находки — когда танцует Фауст и Маргарита, а тут же рядом танцуют пудель и Марта, на одну музыку, разные характеры и танцы очень по-разному поставлены — в этом я нахожу очень большое

мастерство хореографа. Мне понравился и такой, на первый взгляд, незатейливый прием, он применяется в танцевальном искусстве, когда в сцене пасхи у вас женщин танцевали мужчины, а во дворце мужчин танцевали женщины, в первом случае — такая мощная народная стихия, а во втором — наоборот, изящная, изнеженная, здесь этот прием очень хорошо прозвучал и очень хорошо лег в копилку общего балетного впечатления. Некоторые из нас сидели наверху (у меня было место в партере) и говорили, как замечательно играет в вашем спектакле свет. Я согласна с этим, даже из партера было хорошо видно, что свет создавал какие-то смысловые акценты, он концентрировал наше внимание. От вашего спектакля остается удивительное впечатление, мы все это почувствовали. Спасибо вам большое за этот балет.



ЭТО СПЕКТАКЛЬ БУДУЩЕГО

Мария Николаевна Ефимова — ведущий консультант по вопросам социальной защиты населения Комитета правительства Ленинградской области

У меня от этого спектакля просто захватило дух. После первого действия насхватило только на то, чтобы сказать «Нравится!» Больше не хотелось ничего говорить. Все остальное пришло потом. Мое личное ощущение: я восприняла этот спектакль как философское эссе о добре и зле, это мое эмоциональное восприятие этого спектакля. В течение всего спектакля думалось, как сильно зло, как оно ярко, как оно захватывает все вокруг, как тяжело добру пробиться сквозь это зло и насколько оно завораживает людей, как трудно ему противостоять. Я не знаю, хотели вы показать это или нет, но такое ощущение возникло у меня при просмотре. У вас удивительно понятный спектакль, который не только понимаешь, но и принимаешь полностью и сразу, и дальше входишь в него и начинаешь сопереживать, нет отдельно сцены и тебя, есть единство и взаимопроникновение, то что сейчас не очень часто бывает. Это спектакль, который хочется смотреть и смотреть, потому что испытываешь очень глубокое эстетическое удовольствие, все сцены ра-

довали глаз, ничего не раздражало, ни в костюмах, ни в сценографии, ни в хореографии, это все было единым, мне даже не хочется препарировать все это, потому что для меня этот спектакль — единое целое, высокохудожественное произведение, высоко эстетичное, которое доставило мне наслаждение, которое заставило меня задуматься уже потом, а в зале я сидела и наслаждалась. За это я глубоко вам благодарна. К сожалению, не очень часто сейчас происходит такое эмоциональное восприятие спектакля (а это я очень высоко ценю в искусстве), и это до ставило мне огромное удовольствие. На мой взгляд, это спектакль будущего. Здесь найдено блестящее сочетание русской классической школы, которую я безумно люблю, высокого класса наших исполнителей, очень профессионального, и современного балета — и все это выполнено удивительно бережно, с прекрасным вкусом. Это не только мое мнение, так думают все, кто был вместе со мной в тот вечер, когда мы испытали радость общения с этим спектаклем.

ВПЕРЕДИ ВТОРОЙ ПРОСМОТР

Татьяна Сергеевна Платонова — председатель общества «Театрал», лечебный педагог.

Я бы назвала этот спектакль не балетом, а мистерией. В нем четко прочитывается готическое начало. Я помню предыдущие ваши балеты. У меня есть дневник, где я записываю свои впечатления. Я все ваши спектакли смотрела по два раза, одного раза, конечно, недостаточно. Спектакль многослоен и с одного раза не укладывается, как и все другие ваши балеты. У меня возникает такое сравнение: когда чита-

ешь интересную сложную книгу и что-то проскочил — можно перелистать страницы обратно и посмотреть, а здесь испытываешь такое желание — остановиться, пожалуйста, и еще раз, пожалуйста, протанцуйте, чтобы это уложилось, потому что сразу много планов, начинаешь какую-то мысль ухватывать и уже что-то новое рождается... Я думаю, что второй просмотр у нас впереди.

ПРИКОСНУТЬСЯ К ГЕНИЮ ГЁТЕ

Ольга Маревичева, — Гл. библиотекарь, ЦГДБ им. А.С. Пушкина, Библиотека детской зарубежной книги

*И я прикован силой небывалой
К тем образам, нахлынувшим извне.
Золотою арфой прорыдало
Начало строк, родившихся вчерне.*

И.-В. Гёте

Этой весной наша библиотека, совместно с Немецким культурным центром им. И.-В. Гёте, Дворцом творчества юных и газетой «Пять углов», объявила конкурс «Попытка перевода Гёте на рубеже веков». Попытка поистине смелая, не всякий профессионал на нее решится, но юношеский задор участников, вера в собственные силы, которую почему-то утрачивают взрослые, и желание проявить себя в настоящем творческом деле помогли добиться многого.

Работы юных переводчиков доставляют немалую радость. Во-первых, это достойный ответ всем, кто сетует на бездуховность грядущего поколения. Действительно, глянецовые журналы и бесконечные телешоу рисуют весьма неприглядный портрет современного тинейджера (назвать подобного монстра в стиле старых эпох «юношей», или «молодым человеком», язык не повернется), но принять эти рассказы за чистую монету может тот, кто видел молодежь только по телевизору, или на страницах тех самых журналов. В большинстве своем они все же не наркоманы, не дельцы и не циники, а нормальные молодые люди, неглупые, прекрасно умеющие отличать преходящее от вечного. С радостью откликнувшись на призыв прикоснуться к гению Гёте, они приложили немало стараний,

чтобы понять великого поэта, попытаться увидеть мир его глазами.

По условиям конкурса старшеклассникам предлагается 5 обязательных текстов, из которых надо выбрать три. Также оценивается самостоятельный выбор текста и перевод и — в отдельной номинации — оформление и подача материала. Все переводы оценивались по достоинству, лучшие были прочитаны перед залом. Недостатки работ многих начинающих переводчиков — неумение рифмовать, ограниченный словарный запас, незнание поэтических форм — не их вина. Ни для кого не секрет, что в школьной программе изучению литературы отводится недопустимо малое время, а программа построена ужасно. И тем отраднее то, что старшеклассники все-таки решились попробовать свои силы. Конечно, были представлены переводы разного уровня. Конкурс — дело серьезное, никаких скидок на возраст и неопытность юных поэтов не делалось. Должно быть, почувствовав такое отношение, молодые люди отнеслись к работе по-взрослому ответственно. Умения читать или даже бегло говорить по-немецки здесь мало. Чтобы справиться с поставленной задачей, надо было проникнуться духом эпохи, донести до читателя глубину философской мысли — задачи не из легких. И это удалось призерам первого тура. Вот еще одна радость — встретить талантливого человека и иметь возможность помочь ему себя проявить. Это тоже было задачей нашего конкурса, и это нам удалось.

Наш конкурс завершится 18 ноября. Итоги пока не подведены, но уже сейчас можно сказать, что и второй тур принесет немало приятных сюрпризов. Нам не хотелось бы расставаться с юными переводчиками. Среди них есть понастоящему талантливые, они заслуживают того, чтобы их творчество стало известно не только узкому кругу друзей и учителей.

Некоторым из призеров удалось выступить на вечере, посвященном юбилею И.-В. Гете в Библиотеке им. В.В. Маяковского. А сегодня мы хотим представить работы двух девушек: девятиклассницы Нины Фрейман и Елизаветы Бурмистровой, которая в этом году закончила школу.

Нина Фрейман — одна из призеров I тура. Она была удостоена специального приза за лучший вариант перевода стихотворения «К маме». Ко второму туру Нина представила несколько переводов любимых ею стихотворений великого поэта.

Елизавета Бурмистрова учится в Университете на немецком отделении филологического факультета и, одновременно, в музыкальном училище. Мечтает поступить в Консерваторию. По единодушному решению жюри она стала безусловным лидером I тура во всех номинациях. Не успокоившись на этом, Елизавета решила представить на второй тур перевод главы из «Фауста», и мы желаем ей успеха.

Переводы Елизаветы Бурмистровой,
студентки I курса филологического факультета СПбГУ

Лесной царь / Erlkonig

*Кто скачет, настигнутый мраком ночным?
То мчится отец вместе с сыном своим,
К груди он ребенка прижал своего,
Дыханьем своим согревает его.*

*«Ты прячешь лицо, ты испуган, мой сын?»
«Отец мой, вот леса стоит властелин;
Он в мантии темной, в короне резной».
«Мой сын, то ложится туман полосой».*

*«Дитя, я прошу тебя, следуй за мной!
Затею прекрасные игры с тобой;
Там пестрых прибрежных цветочков не счесть,
Плаци золотые у матушки есть».*

*«Отец, мой отец! Разве ты не слышал,
Какие дары царь лесной обещал?»
«Тебя, о дитя, пусть ничто не страшит:
Опавшими листьями ветер шуришит».*

*«О мальчик прекрасный, за мною иди:
Нас ждут мои дочери там, впереди.
Ночной хоромод мои дочки ведут,
Закружат тебя, свои песни споют».*

*«Отец мой, взглядишь: там, во мраке ветвей,
Ты видишь лесного царя дочерей?»
«Мой сын, то над озером, ветви склонив,
Мерцает кольцо из серебряных ив».*

*«Твой облик пленяет меня, о дитя;
Упрямец, я силой похищу тебя».
«Отец, мой отец! Вот меня он схватил,
Царь леса жестокий мне боль причинил».*

*Страшится отец, через чащу летя,
К себе прижимает большое дитя.
Чуть жив, доскакал до двора своего...
Но поздно! Был мертвым ребенок его.*

Сонет / Das Sonett

*В искусстве обновленном упражняться,
Осуществлять высокое призванье —
Твой долг святой. Согласно предписанью,
Ты шаг за шагом должен продвигаться.*

*Порою и умеренность полезна;
Смирная духа мощного движенье,
Ты должен дать работе завершенье,
Хотя страстям в груди поэта тесно.*

*И я свои труды хотел бы тоже
Облечь в размер искусный, рифмы свежей
Искать, о первом чувстве не жалея.*

*Но сделать не могу удобным ложисе:
Из матерьяла цельного я режу,
А здесь, увы, не обойтись без клея.*

Переводы Нины Фрейман,
ученицы 9б класса 209-й школы

К маме / An meine Mutter

Хотя нет вестей, да же нет письма,
Пока ты можешь, не имей сомнений.
И нежность сына, ты поймешь сама,
Не исчезает в суете волнений.
И не исчезнет! Твердо, как скала,
В реке оставив якорь свой счастливый,
Волна который сдвинуть не могла,
Стоит среди безумия прилива —
Так нежность не исчезнет никогда!
Преодолев всю тяжесть испытаний,
Когда сердца печалит нам беда,
Когда в глазах лежит печать страданий,
Вдруг море жизни радость озарит
И, отразившись солнцем в зыбкой глади,
Тебе опять сокровища дарит,
Всю тайну нежности в одном любимом взгляде!

«Jetzt fühlt Engel, was ich fühle...»

И ангела душа узнала:
В игре мне сердце призом стало,
И мне теперь принадлежит.
Награда пламенной надежде,
О, будь сегодня, как и прежде,
Тебя смогу я заслужить.

«Freudvoll und leidvoll...»

Счастьем наполнена,
Мукою вечною,
Мыслью исполнена
Быть бесконечною.
Мчатся,
Метаться
В небе высоком.
Быть обреченной,
Быть одинокой —
Участь души влюбленной.

ПРЕМИЯ ИМЕНИ Е.Р. ДАШКОВОЙ ПЕТЕРБУРГСКОГО БИБЛИОТЕЧНОГО ОБЩЕСТВА

Зинаида Абрамовна Рудая — секретарь правления ПБО,
гл. библиотекарь НМО ЦГПБ им. В. Маяковского

На пороге нового века Петербургское библиотечное общество провело свой форум «Библиотека — общество», посвященный десятилетию ПБО. Торжественный форум, проходивший в зеркальном зале дворца Белосельских-Белозерских, стал прекрасным фоном для объявления первых лауреатов премии имени Екатерины Романовны Дашковой. Конкурс был объявлен ПБО с целью отметить заслуги людей, которые содействуют библиотекам в работе на благо общества. Конкурс помог привлечь внимание прессы, различных общественных кругов к друзьям библиотек и к самим библиотекам, к тому, как они сегодня служат обществу.

Правление ПБО выбрало организационный комитет, который разработал Положение о конкурсе, и сформировало авторитетное жюри: Д.А. Гранин, писатель и общественный деятель, В.К. Амбросенкова, старший преподаватель факультета журналистики СПб государ-

ственного университета, В. Т. Орлова, Исполнительный директор Всемирного клуба петербуржцев, А.В. Соколов, первый президент ПБО, доктор наук, профессор, Е.П. Сударикова, декан библиотечно-информационного факультета С.-Петербургского университета культуры и искусств, И.Г. Уралов, главный художник Петербурга. По заказу Правления на средства ПБО петербургский скульптор А.К. Фумелли создал бронзовый горельеф Е.Р. Дашковой для награждения лауреатов. За образец скульптор взял фигуру Дашковой, сидящей у подножия памятника Екатерине с книгой на коленях. Выделив фигуру из группы, А.К. Фумелли творчески изменил образец. В его исполнении юная княгиня Дашкова приобрела удивительную грацию и одухотворенность. Латинский девиз на горельефе — *Humanitatis Gratia* — переводится «ради общего блага» и полностью соответствует идее конкурса. (Девиз — творческий вклад

в общее дело петербургского студента-латиниста Александра Кириченко, в настоящее время аспиранта Гарвардского университета).

Весной 1999 года конкурс был объявлен. Библиотеки Петербурга и региона подали 25 заявок. Заявки поступили от РНБ, от публичных библиотек города и области. К сожалению, многочисленные библиотеки петербургских вузов долго колебались и так и не решились принять участие в конкурсе.

Самая большая конкуренция сложилась в номинации *Попечитель*, где были названы представители законодательной и исполнительной власти Петербурга, Московского и Курортного районов, а также Лодейнопольского, Тосненского районов, городов Сланцы и Светогорск Ленинградской области. Обосновывая названные кандидатуры, библиотеки сообщали о поддержке, помощи и понимании со стороны местных руководителей.

Соискателей в номинации *Меценат* оказалось значительно меньше, только трое. Очевидно, если бы в конкурсе приняли участие библиотеки вузов и музеев, конкурс оказался бы ярче и общественность узнала бы удивительные факты добровольных дарений и поддержки библиотек.

Сложно было определить одного лауреата из 6 в номинации *Издатель*, так как связи библиотек с лучшими издательствами все чаще становятся прямыми, многие издатели научились учитывать интересы и возможность библиотек.

Конкурс в номинации *Журналист* выразил стремление библиотек стать заметными в обществе, привлечь внимание средств массовой информации вопреки их ставшему традиционным равнодушию к культурной жизни. В конкурсе участвовало 7 кандидатов.

Решение жюри рождалось в спорах, независимо, за крепко закрытыми дверями. Первыми лауреатами премии имени Екатерины Романовны Дашковой большинством голосов членов жюри были признаны:

— «Попечитель» — депутат городского законодательного собрания С.-Петербурга Леонид Романков;

— «Меценат» — библиофил, преподаватель Лесотехнической академии, профессор Виль Петрицкий;

— «Издатель» — Владимир Дмитриев, Исполнительный директор фонда «Учебная литература»;

— «Журналист» — Вера Кончевская, Петербургское радио.

Сложной задачей оказалось представление Российской библиотечной Ассоциации — выдвижение на конкурс Президента Фонда Сороса в Российской Федерации, Генерального директора ВГБИЛ имени М. Рудомино Екатерины Юрьевны Гениевой. В своей многогранной общественной деятельности Е.Ю. Гениева одновременно выступает как попечитель библиотек и меценат, как издатель (издательство «Рудомино») и как журналист — автор ярких публицистических статей о библиотеках в современном мире и в России.

Жюри решило наградить Е.Ю. Гениеву специальной премией, вне номинаций, за содействие библиотекам в работе на благо общества. Для этой цели А. Фумелли изготовил специальный приз — мраморный горельеф, светлый и благородный.

В ответном слове Леонид Романков, объясняя, почему уделяет приоритетное внимание библиотекам, сказал, что считает их форпостами цивилизации и видит их возрастающую информационную роль в современном обществе.

По словам В. В. Дмитриева, эта премия — первая и действительно очень ценная для издательства фонда «Учебная литература».

Взволнованная Е. Ю. Гениева, обратившись к Петербургскому библиотечному форуму, призналась, что считает эту премию самой дорогой из своих наград — самым ярким проявлением общественного признания ее деятельности.

Минул год, и Правление ПБО приняло решение вручать премии имени Е.Р. Дашковой за содействие библиотекам ежегодно. Журнал публикует Положение о конкурсе. Коллеги, подумайте, о ком вы хотели бы рассказать «граду и миру»: о чьей поддержке и понимании, о чьих бескорыстных дарах, о каких совместных издательских проектах, о каких удачах в работе с прессой, когда удавалось привлечь ее пресыщенное и утомленное внимание к библиотекам.

А. С. Пушкин считал неблагодарность худшим из грехов. Давайте не будем неблагодарными, давайте назовем имена людей и организаций, которые помогают библиотекам заслужить высокое признание и авторитет в обществе.

В Петербурге стало традицией торжественно отмечать 27 мая Общероссийский день библиотек. В этот праздничный день, не случайно

совпадающий с Днем рождения нашего города, так уместно будет узнать имена новых лауреатов. Правление ПБО ждет ваших заявок для участия в конкурсе.

Список победителей конкурса имени Е.Р. Дашковой за 1999 г.

Номинация «Попечитель»:

- 1-е место — Романков Леонид Петрович, депутат ЗАКСа
 2-е место — Хабаров Иван Филиппович, Глава администрации МО «Тосненский район» Лен. обл.
 3-е место — Кондаков Константин Валентинович, Глава территориального управления Московского административного района

Номинация «Меценат»:

- 1-е место — Петрицкий Виль Александрович, философ, библиофил
 2-е место — Джин Голицына и Екатерина Голицына, содиректора благотворительного фонда «Голицын — Петербургу» (Лондон)

3-е место — «Библиотечный благотворительный фонд» — общественное объединение (Москва)

Номинация «Издатель»

- 1-е место — фонд «Учебная литература»
 2-е место — издательство «Дмитрий Буланин»
 3-е место — Петер Хельферик, специальный уполномоченный книготоргового агенства «Ланге и Шпрингер» по России и балтийским государствам

Номинация «Журналист»:

- 1-е место — Кончевская Вера Павловна, радиожурналист Петербургского радио
 2-е место — Тришина Алена Александровна, гл. библиотекарь ЦГБ им. А. Куприна, штатный корреспондент газеты «Гатчинская правда»
 3-е место — Болгарова Елена Анатольевна, редактор Колпинской студии кабельного телевидения.

Премия имени Екатерины Романовны Дашковой за содействие библиотекам в работе на благо общества

Петербургское библиотечное общество

Положение

Премия имени Екатерины Романовны Дашковой учреждается с целью общественного признания заслуг граждан и организаций, которые оказывают поддержку библиотекам С.-Петербурга и области в создании благоприятных условий для свободного доступа к знаниям.

Премия носит имя Екатерины Романовны Дашковой (1744-1810), выдающегося деятеля русского Просвещения и книжной культуры, президента Российской Академии наук. С ее именем связана петербургская традиция овладевать интеллектуальными достижениями человечества и стремиться к широкому распространению этих знаний.

Премия имени Е.Р. Дашковой присуждается по четырем номинациям:

1. Попечитель — представитель законодательной или исполнительной власти, руководитель учебного заведения, любой другой организации, который осознает роль библиотек в современном обществе и помогает их развитию на своей территории или в своем учреждении.

2. Меценат — частное лицо или благотворительный фонд, который оказывает материальную поддержку библиотекам.

3. Издатель — книгоиздатель, который выпускает литературу, необходимую библиотекам, полезную для образования, для умножения знаний в обществе, который сотрудничает с библиотеками, предлагает им льготные условия приобретения книг:

— сотрудник газеты, радио, телевидения, который понимает современное значение библиотек и своими публикациями помогает обществу его осознать.

Премия учреждена Петербургским библиотечным обществом в честь 10-летия его основания, в канун 300-летия Петербурга, с надеждой на возрождение его культурных традиций.

Правление Петербургского библиотечного общества утверждает Положение о конкурсе, состав Жюри и формирует оргкомитет, который осуществляет всю подготовительную работу.

Выдвижение кандидатов на соискание премии осуществляется библиотеками, членами Петербургского библиотечного общества, их сотрудниками и читателями (пользователями). Заявка представляет собой письменную информацию или рекомендацию (не менее 2 страниц), содержащую фактические данные о заслугах кандидата, к заявке прилагаются имеющиеся публикации в прессе.

По каждой номинации Жюри выбирает трех победителей, из их числа называют лауреата премии. Каждый лауреат премии получает бронзовый горельеф Екатерины Романовны Дашковой, работы петербургского скульптора А. Фумелли, все победители конкурса награждаются дипломами и памятными подарками. Церемония вручения проходит в торжественной обстановке на городском празднике, посвященном Общероссийскому дню библиотек, 27 мая.

Жюри по присуждению премии имени Екатерины Романовны Дашковой независимо в своих решениях и не отчитывается ни перед кем по результатам присуждения премии.

Премия имени Екатерины Романовны Дашковой присуждается ежегодно по итогам предыдущего года. Звание лауреата конкурса присуждается один раз.

Прием заявок на конкурс завершается 25 апреля текущего года.

Адрес Организационного комитета
 премии имени Е.Р. Дашковой

191025, Санкт-Петербург, наб. Фонтанки, 46.

Правление Петербургского библиотечного общества.

Тел: 311-27-53 Факс: 311— 22— 47

E-mail: nmo@pl.spb.ru

К ЧИТАТЕЛЮ

Библиотека в формирующемся обществе	1
Лихачев Д.С. Слово о библиотеке	3

ГОРИЗОНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

Могилевер Н.В. Формирование управляющих параметров развития библиотечного дела как проблема конструктивного диалога библиотек с обществом (экономический аспект)	4
Мамаева С.А. Ресурсы библиотечной деятельности: социологический подход	10

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Миронов Н.А., Новыш А.А. Электронные базы данных «Документы «Россики»» в библиотеках-депозитариях и других научных библиотеках Санкт-Петербурга	18
--	----

УНИКУМЫ

Сарамотина М.М. Библиотеки на родине Рубакина	21
--	----

НАШИ ПЕРЕВОДЫ

Вигэнд Уэйн А. Узкий взгляд и белые пятна: что прошлое говорит нам о настоящем: размышления об истории американского библиотечного дела XX века	23
Российские белые пятна «датской» библиотечной истории (размышления о статье Уэйна А. Вигэнда)	44
Хякли Э. Национальная библиотека, университетская библиотека или же то и другое одновременно?	46
Эско Хякли: Эскизы к портрету директора, президента, исследователя	51

ИСТОРИЯ БИБЛИОТЕК

Казинец Э. Воспоминания о советской научной библиотеке	53
Гринченко Н.А., Патрушева Н.Г., Конашев М.Б. Библиотеки и цензура: наследие прошлого и проблемы настоящего	59
Володин Б.Ф. Веймарская библиотека в концепции «виртуального библиотечного единства» И.В. Гете	64

БИБЛИОТЕКА КАК КУЛЬТУРНЫЙ ЦЕНТР

Н.Н. Боярчиков Время Фауста	82
Обсуждаем балет «Фауст»	86
Прикоснуться к гению Гёте	90

ХРОНИКА

Рудая З.А. Премия имени Е.Р. Дашковой Петербургского библиотечного общества	92
Положение о Премии имени Е.Р. Дашковой за содействие библиотекам в работе на благо общества	95

«THE SISTER LIBRARY PROGRAM»



Американская библиотечная ассоциация предлагает новую программу

«Библиотеки-побратимы»

Целью программы является наладить партнерские отношения между библиотеками США и библиотеками других стран. Обмен информацией при обслуживании пользователей, использование зарубежного опыта — одни из главных составляющих программы.

Инициаторами программы стали президент Американской библиотечной ассоциации 1999-2000 Сара Анн Лонг и Круглый стол по международным отношениям Американской библиотечной ассоциации.

За более подробной информацией о программе «Библиотеки-побратимы» обращайтесь в ЦГПБ им. В.В. Маяковского к заведующему отделом развития **Сергейчику Сергею**,

тел. (812) 311-72-44, (812) 311-08-56,

e-mail: ssergey@pl.spb.ru.